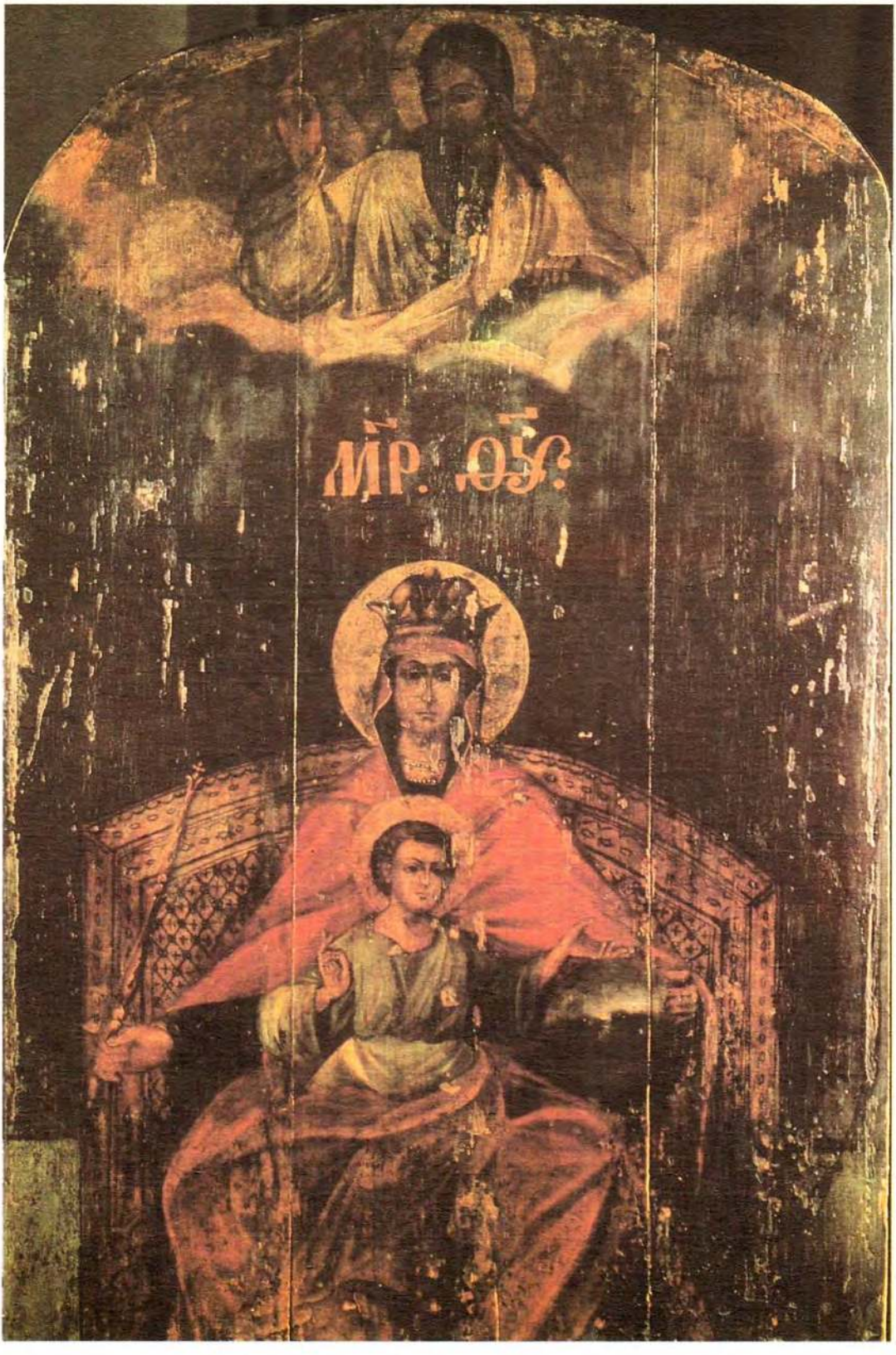
ISSN-0132-862X

3
1993

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ДЕРЖАВНАЯ»

1993 • 3

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор–председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

Послание Патриарха Московского Алексия II в связи с началом спасительных дней Великого поста 2

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Г. Немченко. Путь к вере (очерк) 4
Конференция по исихазму 14

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Михаил Вострышев. Следственное дело № 36960 15

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Игорь Смирнов. Духовный подвиг Ивана Ильина (К 110-летию со дня рождения) . . 18
Иван Ильин. Почему мы верим в Россию? 27

ПРОПОВЕДЬ

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Заступница Усердная 30
Коломенская икона Божией Матери «Державная» 31
Преподобный Ефрем Сирин. Слова умилительные 32

БОГОСЛОВИЕ

Святейший Патриарх Сергий (Страгородский). Отношение православного человека к своей Церкви и инославию 36
Священник Георгий Зяблицев. Богословие преподобного Исаака Сирина 41

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Архимандрит Августин (Никитин). Православная миссия Великого Новгорода 51
А. Ефремов. Спасо-Влахернский монастырь 61
И. Маловичко. Городищенские святыни (История почитания святой великомученицы Параскевы-Пятницы Иконийской в селе Городище Волгоградской области) . . . 63

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО

Виталий Бакуменко. Духовные произведения С. В. Рахманинова 66
Б. Кутузов. Возрождать ли нам знаменный распев? 69

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. *(Продолжение)* 72

ВЕРА И ЗНАНИЕ

Православный. Христос и Кришна. Свет и тьма 96

НАШ АРХИВ

Ю. К. Бегунов. Новонайденная Ростовская сказочная повесть о святых Кирилле и Мефодии 101

БИБЛИОГРАФИЯ

Е. С. Полищук. Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века. Византийские Отцы V—VIII веков. Москва, «Паломник», 1992 107
Хронограф 109

Правила приема в Духовные учебные заведения Московской Патриархии на 1993/94 учебный год 110

Послание
Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II
архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви в связи с началом спасительных дней Великого поста

Возлюбленные во Христе Преосвященные архипастыри, досточтимые пастыри, всечестные иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

Ныне наступает время покаяния. Наступают по-особому любимые всяким православным христианином великопостные дни, когда Святая Церковь зовет нас к воздержанию, к трезвению, к деланию добра, к сугубой молитве, к размышлению о самих себе, к плачу о грехах наших.

Именно сейчас, когда вступаем мы в Великий пост, с особой силой отзываются в наших сердцах слова Господа: *Покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15); *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4, 17).

Недавно, в дни празднования шестисотлетнего юбилея блаженой кончины Преподобного Сергия Радонежского, Церковь призвала к всенародному покаянию, которое люди должны принести после долгих лет богоотступничества.

Сегодня же я обращаюсь к вам, наипаче думая о тех, кто недавно пришел в ограду Матери-Церкви и кому надобно во всей полноте познать ее учение и традиции.

Господь близко (Флп. 4, 5). Каждый день, каждый час жизни нашей мы должны быть готовы встретить Его, чтобы дать отчет о содеянном. Вот почему сегодня нам надобно отвергнуть всякий грех, всякую неправду, всякий компромисс с собственной совестью.

Спаситель наш желает, чтобы мы были нравственно совершенны (Мф. 5, 48). Но никакими усилиями, никакими подвигами своими не может человек достичь совершенства без Бога. Наши грехи превыше наших добродетелей, и спасение собственными силами нам невозможно (Мф. 19, 26). Нам, но не Богу нашему, Который Своей милостью прощает множество наших грехов и делает нас способными к праведной и святой жизни, к вхождению в Его вечное Царство.

Каждому из нас есть в чем каяться перед Господом.

На нас — множество личных грехов, ежедневных, ежечасных, совершенных делом, словом и помышлением, волею и неволею, разумом и неразумием.

Мы виновны в небрежении о родной нашей Православной Церкви, в забвении молитвы и благочестия, в нерадении о духовном просвещении нашего народа, о спасении ближних наших. Мы пребываем в духовном расслаблении в тот самый час, когда нашего слова и дела ждут миллионы духовно мятущихся людей.

Мы каемся за тех из нас, кто недостаточно твердо стоял за веру в годы гонений, проявлял малодушие и даже, не дай Бог, потворствовал гонителям, попиравшим Церковь Божию, приносившим тяжкие страдания и смерть христианам.

Сегодня, когда вокруг нас разлилось море страдания, мы виноваты перед каждым страждущим в том, что не всегда согрели его теплом нашего сердца, не всегда пожертвовали собой ради его блага.

Народ наш, некогда благочестивый и верный Господу, потерял способность *различать духов*, утратил нравственные ориентиры. Леность и греховная гордыня, увлечение безнравственными зрелищами и культом насилия, аморальный климат в политике и экономике поработили многих из нас. Подвергается разрушению семья — основа многовекового уклада народной жизни, основа его благоденствия, через которую передавались от поколения к поколению дух благочестия и нравственное начало.

В спорах о будущем государств, в которых мы живем, в поисках путей управления ими многие из нас ожесточились, потеряли терпимость, стали унижать и оскорблять друг друга, упиваясь собственной мнимой правотой.

Мы допустили, что во многих местах, где еще недавно царили мир и согласие, ныне льется кровь. Народы восстают на народы, государства — на государства. Все больше и больше людей становятся на путь разбоя, грабежа и прочих преступлений.

Забота о хлебе насущном превратилась у нас в стяжание богатства любыми средствами и любой ценой. Люди, страждущие от нищеты и лишений, вопиют о помощи, а те, кто мог бы поделиться куском хлеба, лишь усугубляют их страдания.

Любой человек грешен перед лицом Божиим. Но больше всего вины лежит на нас, собратья мои — архипастыри и пастыри. Мы должны будем на Страшном Суде ответить за паству свою. И мы несем на себе бремя ее грехов, бремя осуждения за то, что не всегда были добрым примером для подражания, не всегда достойно научали пасомых наших.

С плачем о грехах наших, с надеждой на милость Божию возопиим к Нему: Прости нас, милосердный Господи!

Чистосердечно простим и мы всем, кто делом, словом или помышлением согрешил перед нами. И да помилует их милосердный Господь!

Будем молиться о смягчении ожесточившихся сердец, о тех, кто хулит Святую Церковь нашу и возводит хулу на ее архипастырей, пастырей и верных чад, самоотверженным подвигом которых, с помощью Божией, Церковь совершала свое свидетельство и служение в трагические для нее послереволюционные десятилетия.

Горе тому из нас, кто, войдя в Церковь через Святое Крещение, отречется от Матери-Церкви, не понесет ее креста, не приложит своих усилий к тому, чтобы исправлять ошибки, ослаблять неправду других членов Церкви. Уход от Церкви неизбежно превращается в измену Христу, хотя бы мы в сердце своем и сохранили веру в Него. Надо иметь мужество нести крест Церкви...

Всей Церковью нашей, всем народом нашим будем просить Бога о прощении. Будем каяться перед Ним, открывая грехи свои нашим духовникам, как заповедует это делать Святая Церковь.

Будем помнить, что истинное покаяние совершается не перед лицом людской толпы, не напоказ, не ради того, чтобы показаться людям постящимися и кающимися, ибо так делали осужденные Христом фарисеи.

Истинное покаяние — это не только признание своего греха. Это и твердая вера в то, что все грехи, о которых мы искренне сожалеем и к которым не желаем возвращаться, Господь нам прощает. И одновременно покаяние — это начало новой жизни.

Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши, да придут времена отрады от лица Господа... (Деян. 3, 19—20).

В день Сыропустной недели — Прощеного воскресенья я обращаюсь к каждому из вас, возлюбленные о Господе Владыки, отцы, братья и сестры, со слезной просьбой простить меня за все, чем многократно согрешил перед вами.

Господь, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит и помилует всех вас.

Прошу ваших святых молитв обо мне, недостойном, о том, чтобы Господь укрепил меня в настоящем поприще поста и в возложенном на меня многотрудном служении Его Святой Церкви.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь. (Рим. 16, 24).

АЛЕКСИЙ II, *Патриарх Московский и всея Руси*

15/28 февраля 1993 года,
Неделя сыропустная

Путь к вере

(очерк)

«Наши больше никогда не придут» — очерк под таким названием я написал года два назад, перед самыми выборами в Верховный Совет России...

А перед этим случай свел меня с молодым розовощеким американцем, основателем международной организации «Союз встречи на Эльбе». Так и не добившись от него внятного объяснения, почему эту организацию основал именно он, родившийся после войны и не имевший к тому же предков, которые бы в ней участвовали, сам я тем не менее надолго погрузился в воспоминания моего военного детства... Все вдруг снова очень живо припомнилось: и поездка в кузове полуторки из станицы Тбилисской, почти из-под немцев, до Армавира, и попытка матери пешком уйти с нами, двумя ребятишками, из Отрадной, и оккупация с ее голодом и страхами, и приход наших... нет-нет, хватит! Потому что опять, как вспомнишь, слезы наворачиваются. Как мы их, мальчишки, встречали!

И разве это и в самом деле не парадокс, что победное возвращение тогда, в сорок третьем, как бы предопределило поражение моего поколения после, спустя почти полвека... Ведь страшная война с Гитлером — всего лишь эпизод куда более кровавой, жестоко-планомерной войны, которая идет против России вот уже на протяжении двух веков. Но мы это поздно поняли!

Мы слишком горячо всегда верили в то, что в трудный час наши непременно придут и выручат, и спасут... Мы были чересчур беззаботны, и вот она расплата — за все, вот оно — горькое осознание, что такое, и в самом деле, случается лишь однажды: и страшная война, и освобождение. И — победа.

Так вот, никогда они больше не придут. Наши. И хватит эйфории, в которой мы пребывали десятилетиями: н а р о д — п о б е д и т е л ь.

Мы — обманутый народ. П р е д а н н ы й.

Наши никогда больше не придут...

Выше голову, братья!»

Так заканчивалась эта моя работа, написанная два года назад.

И вот что за нею последовало...

Летом на Кубани мы снимали документальный фильм о казаках — первый из цикла «Последнее рыцарство». Несмотря на многие трудности, работа шла, временами лихо, но мне все казалось, что эта лихость — та самая, с которой лилипуты пытались совладать с Гулливером... Стремительно переезжала группа с места на место и почти также стремительно ссорилась вдруг из-за денег...

А в вышине, будто тени прошлого, не торопясь, плыли величавые облака...

И как одиноко, как холодно, как бесприютно бывает на юру, когда, попытавшись было и тебя увлечь, самонадеянная стая смывается в очередной раз, надеясь, что попутный ветер, если не сразу перенесет ее за океан, то опустит где-нибудь в благословенной Европе... Поймите верно, не кривитесь насмешливо: половина бывшего союза кинематографистов снимает нынче фильмы о казаках, чтобы прибарахлиться где-либо у казачьих могил за рубежом: в Лиенце, в Париже, а то уже и в Штатах либо в Австралии.

Меня, пока мы снимали на моей родине, грело вот что: в Патриархии в Москве шли переговоры об участии казаков в перенесении мощей преподобного Серафима Саровского из Богоявленского собора Москвы, где они находились, в дивеевский Свято-Троицкий храм.

Тут было такое радостное для души совпадение: вся зима прошла для меня как бы под знаком преподобного... Живший в голицинском доме творчества в комнате рядом писатель Юрий Калинин дал мне почитать томик Сергея Нилуса, и мы потом часто беседовали о саровском чудотворце. Я словно готовился услышать о том, что мощи

найдены, вновь обретены и, когда услышал, невольно сказал себе: так и должно было случиться — вот оно, вот!.. Трижды ходил потом в Елоховский собор на молебны, выстаивал очереди к раке с мощами... И вновь неожиданное, и такое вроде бы долгожданное! Ведь в торжествах по случаю обретения мощей в 1903 году участвовали два казачьих полка в полном составе. Повторится ли почетная — и такая ответственная теперь! — казачья служба?

Но уже из станиц и городов слетелись кубанцы в Краснодар, уже выстроились на просторном дворе Рады, и батька Громов, атаман, обходит торжественно замершие ряды: «Вы отдаете себе отчет, казаки, к какому святому делу предстоит вам приблизиться?..»

Пожилой казак Николай Петрович Авдеев, возрастом чуть ли не вдвое старше Громова, половину жизни пробывший каторжником в Норильске, ест меня глазами, поднимает брови под край косматой своей белой папахи, безмолвно спрашивает: «Замолвил перед батькой словечко?.. Не откажут деду Авдею?.. Несмотря на сердце — возьмут?!»

В Москве, куда приехали всего лишь на денек, «перезарядиться», киногруппе не повезло: вышел из строя автобус... А казаки уже шли вслед за ракою с мощами преподобного, уже мелькнули в программе «Время» серые черкески ставропольцев.

Поездка наша в Дивеево висела на волоске, и я горячо просил преподобного явить житейское чудо: помочь нам уехать с другой машиной...

Выехали мы рано, но незнакомая дорога съедала время, и «рафик» наш явно запаздывал. К святым местам подъезжали около шести вечера. По пустынной дороге — все уже там, уже проехали! — машина наша постоянно держала курс на висевшее невдалеке розовое облачко, очень аккуратное, очень похожее на хлебную, от круглого каравая, горбушку... Почти чудом, и правда — без бумаг на аккредитацию, удалось нам прорваться через «гаишные» заслоны прямиком к воротам монастыря, потом, когда уже сквозь бесчисленную толпу пробивались к храму с кинокамерой — потребовали вдруг документы омоновцы, но сразу за их цепочкой, как бы внутри, на главном месте стояли казаки, стояли свои, кубанцы, да что кубанцы — станичники!

— Гриша! — закричал я.— Григорий!.. Овчаренко!

Но Гриша в охранении, в этой живой цепочке, в которой над новенькими черкесками замерли косматые горские папахи кубанцев. Руки у всех напряженно вытянуты, каждая с соседской — в замок, но Гриша рядом со своими соседями, как старший брат, смотрится: наградила матушка-Кубань ростом, наградила!

— Гриша!.. Станичник, выручай!

Напирает сзади толпа, не слышит Гриша... разве не чудо: не могли по району, по отделу, как раньше-то говорили, и двух десятков казаков наскрести, а тут вон — две шеренги от ворот монастыря до самого входа в храм: какие богатыри да красавцы, и сколько знакомых, таких теперь родных лиц!

— Андрей!.. Алеша!

Отрадненский атаман Алексей Емцев показывает наконец свой пышный ус, косит глазом и тут же начинает быстро кивать: погодите-ка, мол, сейчас-сейчас!

К моменту, когда из храма торжественно вышел Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II с иерархами, мы с оператором Сашей Мещеряковым и его помощником Сергеем Павленко стояли уже на самом удобном месте... Сперва они, студенты ВГИКа, по молодости своей не очень ясно понимали душой, куда мы едем, и тут, в Дивееве, им срочно пришлось менять модные полосатые майки на мои явно великоватые им обоим рубахи с длинными рукавами — иначе казаки отказались допустить в храм — но как они потом оба работали, как старались!

Уже совсем поздним вечером, когда мы все, что смогли, успели снять, и я уже побывал в Троицком храме возле раки с мощами преподобного, когда люди от храма хоть слегка отхлынули и рассеялись по двору — кто стоял на пятачке перед церковью, кто сидел на каменных приступках, а кто и неподалеку — на земле,— настала тихая и благостная минута неторопливого размышления над всем тут происходящим — именно в эту самую тихую минуту, сейчас...

Это сколько же лет назад упреждал чудотворец, умерший в своей келейке во время молитвы в 1833 году: «Плотью в Дивееве лягу». И вот оно: произошло! Еще он говорил: «Саров — рукав, Дивеево — целая шуба». Чем ему суждено стать в людских душах? Чему тут, в этом сельце с таким удивительным названием,

суждено, выходит, еще произойти? Не то, чтобы знать, хотя бы догадываться, чтобы легче, что ли, жилось: чему?

Славные минуты тихого вечера, когда словно доступнее сделались тайны мироздания: сиди себе, умиротворенно гляди на венчающий церковь крест, с которого только что сошли отблески, и думай!

Именно в эту минуту подошел ко мне невысокий худенький человек примерно моего возраста, со смущенной улыбкой назвал вдруг мою фамилию: — Ведь это вы, правильно?

Как бывает, когда не узнаешь знакомого человека, мне сделалось неловко: — А вы, значит?.. Где мы с вами, извините, могли...

— В Сибири, на стройке! — сказал он негромко и даже как бы с ноткой вины в голосе.— На Антоновской площадке.

Я откликнулся радостно:

— На Антоновке?!

— Нас с вами в партию принимали вместе... в один день. На Запсибе. На нашей ударной стройке.

...Кончалась к вечеру главная казачья служба в Троицком храме Серафимо-Дивеевской обители, и «рафик» наш тут же уходил в Арзамас, съемочная группа уезжала в гостиницу, где тогда жили многие из москвичей.

Я оставался в Дивееве, и пока ужинали в столовой казаки, пока оставляли ночных дежурных да уточняли что-то назавтра перед тем, как уйти на ночлег в палаточный лагерь, мы с Алексеем Петровичем Земсковым уже не в первый раз усаживались на теплой от дневного солнца каменной оградке и снова принимались мирно беседовать... Скольких общих товарищей мы вспомнили! Сколько забытых подробностей!

Припоминали фамилии парней, которые и тогда говорили о себе с гордостью: казак! И вновь возвращались к этим, «дивеевским» казакам, и Алексей чистосердечно вздыхал:

— А я вот гляжу на них, Леонтьич, и я им завидую!

— Это почему? — начал было я насмешничать.— Черкески красивые? Папахи?.. Давай, так и быть, попросим...

— Завидую, как молятся! — сказал он очень серьезно, с тронувшей меня беззащитностью.— Как уже перед храмом креститься начинают... какие у них при этом лица... глаза. А я вот никак не могу перекреститься, ты понимаешь? Н-ну, никак... А я ведь верю, верю! Ты понимаешь: ведь я родился тут... и с детства знал многое, и уважал... и чтобы сделать зла — никогда! Наоборот старался... и из партии я ведь давно вышел. Если там, где мы с тобой жили, хоть какая-то справедливость еще была... ведь была?

— Да уж больше, чем в других местах,— уверенно соглашался я.— В Сибири-то — ну, еще бы!

— А тут-то ее — днем с огнем... и я из партии вышел, давно уже! Но вот перекреститься... ну, никак. Чтобы перед людьми не стыдно. У меня как раз есть совесть... ну, хочется думать, что есть. А тут-то они скажут, люди: откуда она у него? Вчера еще у него — партбилет, а нынче — глянь: стоит крестится...

И у него слезы блеснули на глазах... Жива наша Русь, жива!

Я наклонился к нему поближе, проговорил чуть не в самое ухо:

— Ну что нам делать теперь, Петрович?.. Почему мы должны стесняться того, в чем нас только спекулянты и упрекнут: ведь искренний человек сначала присмотрится... Ну такая у нас получилась судьба, такая нам вышла доля... разве ты, когда в партию вступал, искал выгоды?

Он снова почти испуганно отстранился:

— Я?.. Выгоды?! Какая ж там у нас, на стройке, выгода?.. Когда мороз за сорок — выгода работать?

— Сам вот говоришь... ну так случилось и с тобой, и со мной. И со сколькими еще нашими — разве нет?.. Ты вот еще когда, говоришь, из партии вышел... А я им еще когда кровь портил. А они мне... Ты помнишь Паренченко? Секретарем в Новокузнецке был... Строгий этот... А встретил меня потом в Кемерово — уже на пенсии был. На шею бросился — чуть не задушил: ну, говорит, спасибо тебе! Хоть ты нам дух поддерживал. Хоть ты веселил. Закиснуть не давал. Бывало, как на бюро тебя разбирать — у нас в горкоме праздник! Ну, будет нынче вечер вопросов и ответов!..

Сколько мне еще хотелось ему сказать!

О том самом: марксизм не переделал Россию — это Россия его перемолола... В том числе и мы, мы с ним, а как же — мы!.. И одно дело уехать в Мюнхен и учить родину оттуда: не такая, скажу вам, пыльная работенка!.. А у нас тут болела душа, кричала криком, как будто одна большая русская рана затягивалась. И в самом деле медленно и больно. Как пулю под сердцем человеческий организм «осумковывает», так мы все вместе «осумковали» это бессердечное учение, побороли в нем последние яды, совсем обезвредили, сколько для себя приспособили!.. Мы с тобой тогда не крестились, Алеша, не осеняли себя крестным знамением, как говорить-то полагается, но ведь нашими бабушками крещены были... В храм ходили только по случаю, бывало, из любопытства, бывало — и в дружину по большим церковным праздникам, но ведь кто-то же беспрестанно обращался к Господу с молитвой о нашем спасении, просил за нас — чтобы не очерствели наши души. Опять они — наши бабушки, у кого были живы на земле. Сколько они для нас сделали!.. За нас.

И нам остается искренне и горячо покаяться и вернуться нынче к Матери Церкви, и укрепиться в православной нашей вере...

— Вот видишь, ты как-то преодолел это в себе и к вере пришел,— говорил Алексей почти завистливо.— Недаром же ты сюда приехал!

— Тебе не стыдно, Петрович?

Он снова искренне пугался:

— За что?!

— За то, что так говоришь?.. Может, давай-ка думать, что ты недаром родился тут!.. В Дивееве, а?.. Может, так?

Он сосредоточенно притих, сказал еле слышно:

— Иногда мне, конечно... ну, хочется думать так, понимаешь?

— Может, как раз ты живую ниточку отсюда, из Дивеева, протянул... понимаешь? На безбожную нашу стройку, а?..

— Ла-адно тебе, Леонтьич... ладно!

— Да почему же нет, Петрович?.. Ну, почему?!

— Зато ты, вот видишь,— ты не стесняешься перекреститься...

Может, как никому и как никогда просто мне было ему сказать тут, в Дивееве, перед храмом: это судьба, Алеша, это — судьба... Я бы умер с горя, не выдержал, погиб сам, когда погиб мой семилетний сынок, либо давно бы спился — тоже погиб... И встретил меня старый знакомый. И сказал не только сочувственно — сказал с верой: поезжай в Лавру. Подойди к мощам Преподобного Сергия Радонежского. Попроси помощи. Он нам помогает. Всем. Всей нашей пока несчастной Руси...

Другому бы я не стал обо всем об этом рассказывать, Алеша, это — тебе...

Я все пытался и его утешить, как мог, и что-то главное уяснить для себя:

— Ты помнишь, что я сразу сказал?.. Когда ты только подошел?

— Что это — знак?

— Да, конечно!.. И не только нам с тобой — всем!.. Всем нашим, кому теперь говорят: мол, напрасно прожили жизнь... зря старались! Все эти ваши стройки... да нет, брат!.. Мы ведь с тобой строили!.. И что мы тут встретились с тобой в самый первый день — конечно же, знак!.. Скорее всего, батюшка Серафим готов простить наше прошлое, но хочет, чтобы оно обрело для нас новый смысл: давай о нем размышлять!.. И давай рассказывать о нашей встрече общим нашим товарищам: чтобы и они размышляли. У нас есть казачий священник в Москве: отец Михаил. Дронов Михаил Александрович, донской казак. Как-то он сказал нам в одной из проповедей: все вы находитесь пока между крестом и партбилетом. Это трудное дело: определяйтесь!.. Но не спешите: вглядывайтесь в себя. Прислушивайтесь к себе. Искренне просите Отца Небесного помочь вам...

Меня окликали земляки, предупреждали, что казаки вот-вот пойдут в палаточный лагерь.

Мы прощались до следующего дня, и Алексей уже не звал при этом к себе: понимал, что мне надо побыть с кубанцами в городке для паломников.

Поздний вечер давал о себе знать сразу же, как только отходили от хорошо освещенной Серафимо-Дивеевской обители...

Темь как будто глушила строевой шаг, который нарочно печатали не желающие поддаваться усталости казаки... По середине улицы — сначала безмолвно — по-

качивались плотные тени, но какая-то скрытая пока от глаз жизнь ощущалась и по сторонам: шепоток доносился от скамеек у ворот, негромкие голоса и смех, потом девичий голос вдруг звонко выкрикивал: «Ну, чего же вы молча?.. Спели бы, казаки!»

И оживала, оживала наша казачья служба:

— Смотри-ка: кто-то не спит еще!

— А кто же там, интересно, сидит: неужели девчата?

— Они вроде!

— А что ж вам, девчата, спеть?

— Да тута не токо девчата, тута и старушки: тоже хотим, чтоб вы спели! И мужики наши просют... правда, ребяты?

Вступал прокуренный басок:

— Спойте, казаки, спойте!

— Вот вы вчера «Галю» пели, сегодня можете?

— Мы все можем!

Вот, значит: уже как эта самая Галя из песни, почти готовы, чтобы их тоже «пидманулы, забралы с собой»?

Растаял, растаял лед. Ушел страх...

Но кто же это делает, кто сеет его между людьми, если, и в самом деле, не сатана?

Перед самым приездом казаков по Дивееву вдруг пронесся слух: будут ловить маленьких детишек, брать кровь, чтобы окропить дорогу перед ракою с мощами — у казаков так принято! С кинжалами приедут — увидите...

Приехали с кинжалами. Как раз кубанцы, которых было больше других: за сотню.

И наглухо позапирались ворота, позахлопывались двери.

Когда в одну ночь случилось несчастье, сгорела изба, и казаки наутро пришли чуть не всей сотней, люди покрепче сжали топоры да выдерги. Недобро спросили: зачем пришли?

— Как это — зачем?.. Головешки будем растаскивать, новую избу ставить. У нас по станицам так... это называется «по́мочь».

Но помогли они, как это бывает в таких случаях, больше всего себе: казакам поверили. И казаков полюбили.

Кинжал — лучший из всех, какие у них только были — они преподнесли в дар Святейшему Патриарху, когда тот был еще в Арзамасе. Передавая его по просьбе казаков, священник Кубанской Рады отец Сергий Овчинников сказал: «Ваше Святейшество, по обычаю Запорожской Сечи, казаки, участвовавшие в богослужении, во время чтения Евангелия до половины обнажали свои сабли в знак того, что готовы жизнь свою положить за православную веру. Примите от нас этот образ духовного меча во свидетельство того, что сегодня, как и вчера, казачество готово служить вере и Отечеству не щадя ни сил, ни жизни своей...»

И Патриарх, которому перед этим кое-кто пытался внушить, что в том случае, если в охране будут казаки, «профессионалы», мол, «снимают с себя ответственность», воздел руку, благословляя на службу казаков...

Это правда: и крестным знамением в виду храма они себя осеняли истово, и радостно спешили под благословение пастырей, которых им приходилось потом оберегать не только от духовного пыла, подвижнически принесенного паломниками из всех концов Руси, но и, конечно же, от излишнего любопытства человеческого...

Благодаря общительному своему — кубанской закваски да сибирской закалки — характеру к этому времени я уже успел, конечно же, и с «профессионалами» несколькими словами перекинуться. Глава нижегородских омоновцев полковник Павел Желтов, чей мужественно-подтянутый и в то же время простосердечный вид не вызывал сомнения в искренности, сказал мне, дружелюбно посмеиваясь: «Если это и в самом деле не переодетый наш брат, как тут еще недавно многие уверяли друг друга, то н-ничего... н-ничего ребятки!»...

— Запевай! — сам себе командует теперь давший уговорить себя Гриша.

Не знаю, какой варил бы он в походной кухне кулеш,— не удалось попробовать, так же как самому Грише покашеварить... Но что «Галя» у него выходит задушевно и хорошо — это правда!

Еще недавно чуть не падали от усталости, а теперь вся эта мощно колыхающаяся

колонна прямо-таки оторвалась от земли, уже не идет по дороге — летит над нею вместе со своею песней... И уже совсем в другом конце улицы, на окраине Дивеева, слышится из темноты сестрински-доверчивое:

— Казаки! От вы — молодцы!

В палаточном городке, где дежурные давно уже развели костры, Алексей Емцев, пышноусый отрадненский атаман, снимает возле нашей палатки черкеску, проходится по ней пятерней и, посмеиваясь, протягивает мне:

— Пощупай, Леонтьевич!

На спине, на плечах она, и в самом деле, хоть выжми.

— Недаром говорят: сто потов?

Емцев улыбается устало, но явно счастливо:

— Нынче давили, как никогда еще... Мы друг друга под руки, а ладони сцепили. Ногами уперся в пятачок этот, на котором Патриарх ведет службу: хоть бы не сдвинуть, думаю!.. Гляжу, на другой стороне ребята тоже ногами в это самое возвышение, на котором священники стоят, упираются: значит, и с той стороны хорошо давят! Значит, не поедет — можно и мне... А ноги, представляешь, уже дрожат. Или они не выдержат, или спину сейчас сломают... И Патриарх заметил, ты знаешь, Леонтьевич!.. По-нашему говоря, какая сложная служба, молебен этот торжественный, мы же видим, как священникам нелегко при таком скоплении в храме, а все равно — понял... Приблизился и тихонько так говорит: «Вы уж не очень напрягайтесь, казачки!.. Поберегите себя, поберегите!» Только угнулся, чтобы хоть пот с лица плечом утереть, а тут опять как нажали!.. Вздохнул он... Святейший-то, Святейший... и только шепчет: «Держитесь!»

Пока Емцев говорил, все пытался поудобней определить для просушки свою одежду, сунул было руку в башлык, чтобы вывернуть его, и вдруг удивился:

— Ого, что это тут?

Достал небольшую серебряную серьгу:

— Бра-атцы, представляете?.. У кого-то из уха выпала, а она и не заметила!

— Кто, кто?

— Да кто же его теперь знает — кто?!

Серьга пошла из рук в руки:

— Ну, вот тебе, Алеша: награда за службу.

— Память будет — красивая серьга!

— А, может, еще можно найти, чья она?

— Как ты тут найдешь — столько миру!

Я даже пятерню к сердцу приложил, провел по груди: р о д н а я р е ч ь! Недаром же — станичники. Кубанцы. Это у нас всегда: никто не скажет «много народу». Непременно: м и р у-то, м и р у!

— А не надо, ребята, отдавать...

— Почему это?

— Ну, чтобы и ей была память. Той, чья серьга... Отдай — она тут же и забудет. А одна сережка останется, отложит ее и будет помнить...

Андрей Стрюков из станицы Надежной сказал вдруг по-хозяйски:

— О, надо у себя в башлычке глянуть!..

С полотенцем на плече и с прозрачной — явно с бельишком — сумкой появился Гриша Овчаренко:

— Ну, кто со мной к ручью: бешметы стирать?.. А то не высохнут к утру.

На нем самом бешмет словно оторочен яркою алою тканью: по краям рукавов да снизу. Остальное цветом куда темней: тоже весь мокрый. В станице бы сказали: к а к х л ю щ.

— Далеко, Гриша,— говорит кто-то неуверенно.— И спать хочется...

У Гриши в голосе куда делась песенная разудалость — спрашивает с осуждением:

— И что же ты: в нестираном — в храм?

— А у меня свеча, братцы! — запоздало кричит кто-то из соседней палатки.

Все уже успели позабыть:

— Что за свеча? Где?..

— Да тоже в башлыке, ну!

— Смотри, не выбрасывай!
— Чего б я ее выбрасывал?
— Поставишь завтра — кто-то ведь передавал преподобному!
— Первым делом и зажгу завтра!

В палатке, когда ворочались перед сном, атаман станицы Спокойной Валерий Лысиков, почти такой же, как Гриша, богатырь, только характером не в него, даже с виду застенчивый, спрашивает негромко:

— Так разбудить вас, Леонтьевич, если что? Я ночью охрану буду менять. Облачко появится — разбудить?..

И почему я не остался с ними тут в день приезда?.. Вместе с группой уехал ночевать в Арзамас.

А они, чуть ли не весь лагерь, почти полночи разглядывали загадочное розовое облачко, висевшее не очень высоко в темном небе: как раз над Свято-Троицким храмом... Только после многочисленных, с горящими глазами, рассказов понял теперь, что по пути в Дивеево именно его я и видел: розовое, похожее на горбушку, облако, да только, торопясь, поглядывал без внимания... Вот как оно выходит! Готовясь встретиться с чем-то очень дорогим душе, можно многое и не разглядеть в суете.

Ночью я опять часто просыпался: то менял бок, то пробовал согреться лежа на спине, но острый холодок тянул и снизу, от земли, и пробирался через неплотное одеяло: надо было, конечно, устать, как устали во время своей службы они, чтобы так богатырски похрапывать!

Я выходил погреться у костра, разговаривал с дежурными и все поглядывал вверх, но в эту ночь розовое облачко так и не появилось...

Утром, стоя у палатки, я сперва долго рассматривал стоявший на далеком отсюда холме, постепенно, словно корабль, выходящий из дымки Свято-Троицкий храм, потом обернулся на наш лагерь. Вид двадцатиместных, стоявших за рядом ряд, палаток с темными боками и тускло блестевшими от росы пологами и будил воображение, и словно тревожил душу давними и оттого туманными воспоминаниями... Студенческие военные лагеря в «дворцовой» Таманской дивизии?.. Алтайская «целина»?.. Или это уже наша с Алексеем Земсковым Сибирь — палаточный городок на Антоновской площадке, на Запсибе?

— Казаки-и! — донеслось издалека — ... молитву!.. Стройсь!..

По причине цивильной своей одежки, с шерстяною вязаной станичными мастерицами кофтой в левой руке последним пото́м стоял в длинной шеренге одетых в черкески кубанцев и ставропольцев да в полевую, защитного цвета, форму — донцов с забайкальцами, глядел на отца Сергия Овчинникова, читавшего молитву под трехцветным знаменем Рады — красный — казачий цвет, синий — славянство вообще, зеленый — мусульманский, и сердце опять волновали настойчивые воспоминания — как бы не со мною бывшего, но такого, что всем нам должно непременно знать и помнить... и вдруг, когда поднес ко лбу сложенные в троеперстии пальцы словно задержал их над переносицей, и глаза вдруг сильно щипнуло: ну, конечно же!.. Палаточный казачий лагерь на Лемно́се, на этом греческом острове, куда они уходили из Крыма на последних судах, принадлежавших еще Белой армии... Лемнос, все правильно, тот самый Л о м о н о с, где голодали-холодали, где помирали от тоски по родным куреням, по оставшимся за двумя морями — Черным и Эгейским — станицам... Сперва боялись лишний раз войти в воду искупаться, потому что в кубанском лагере ходили слухи: громадный осьминог утащил двух донцов. В донском лагере рассказывали: утащил двух кубанцев... А потом — в чем мать родила, только с нательным крестом да обнаженной шашкой в руке и там, и там начали выходить охотиться на осьминогов: пусть они казаков боятся!

«От пуза» ели сами и продавали грекам, те заказывали, когда приходили в построенный из того, что нашлось под руками, русский храм — послушать пение... Как пели казаки! Как просили Господа помочь им вернуть себе родину!.. Как — в готовности и в надежде — кричали *славу* делавшим им смотр атаманам войск и главнокомандующему, барону Врангелю, уже отдавшему их под защиту, под покровительство союзной Франции...

И на много, на много лет: иностранный легион в Африке, делянка в сельве, на которой надо вырастить пшеничку, в Бразилии, строительство дороги в Югославии —

она так и называется с тех пор: Русская дорога... Через какие страдания пролегла!

Казачьи офицеры, чье положение по российским законам приравнивалось к дворянскому, джигитовали на цирковых аренах Берлина и Парижа, георгиевские кавалеры дублировали не слишком уверенно сидящих в седле голливудских знаменитостей в бесконечных фильмах про индейцев да про ковбоев — это было лучшее, что им выпало, это была удача, подарок судьбы... Счастье!

А сколько делалось потной, грязной и действительно опасной работы, за которую не брались ни ковбои, ни индейцы, ни негры...

Любопытное дело: считают, что донцов больше осталось в Европе, в Старом свете, кубанцы ушли в основном за океан — в Новый свет... Может, и тут сказалась так и нерастраченная еще с запорожских времен страсть к далеким походам... Хотя — как лишить ее донцов?.. Удивительное дело, загадочное, таинственное: пройдя Урал и Сибирь, присоединив к России Дальний Восток, Аляску и добравшись до Калифорнии, переместив русские рубежи за край земли, казаки потом остались без родины... Некого винить?

Настолько раздвинули пределы империи, что она стала распадаться, как некогда Рим, по причине необъятности своей?

И где же, как не тут, в Дивееве, и сказать, что дело совсем в другом: в отступничестве от веры предков, их заветов, от их обычаев. И Государя предали, которого когда-то сопровождали сюда два казачьих полка... представляю, какие то были полки!

Но вот опять казаки начинают на пепелище!..

Одно утешение: в тысячелетней своей истории — не впервой.

И пусть в брезентовом этом городке вместе с паломниками, пришедшими и приехавшими сюда со всех концов разоренной Родины, они и правда, как на острове, казаки... Но остров этот особенный, ибо возник он в океане безверия... Спасительный остров!

Утренний ветерок тихонько шевельнул полотнище трехцветного кубанского знамени. Слышнее стал голос «войскового» священника отца Сергия Овчинникова — совсем еще молодого, но уже вознесенного казаками к высокой степени почитания:

— Будем это помнить, братья: «аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии его...»

Прости художнику грех отвлечения от проповеди и от молитвы, батюшка Сергий — опять мне вспомнилась одна не столь давняя картина: Владикавказ, малый круг Терского казачества... Зал почти на тысячу мест, набитый битком. И — одно дыхание в этом зале и, кажется,— единое биение сердца...

Я сижу рядом с пожилым, но почти по-юношески подвижным атаманом станицы Архонской Николаем Александровичем Левченко: подполковник кавалерии, он в черкеске, в которой закончил войну, при всех регалиях, орденах, при оружии... Нет-нет да и поправит на боку шашку — чтобы не помешала, чего доброго, сидящему слева от него архимандриту Александру... Рыжебородый, с горящими глазами архимандрит, только что сказавший проникновенную речь, в которой историю казачества справедливо начал с «честного атамана Ильи Муромца» и «податаманья» Добрыни Никитича, чуть приподнимал и иногда перекладывал на плече свой длинный посох, и я, наклоняясь, то и дело искоса поглядывал на этих двоих — в синей черкеске и в черной монашеской рясе — и сердце мне и в самом деле щемило: и тревожно, и счастливо... Перегнувшись за спиною у Левченко, негромко сказал архимандриту: «Давно они не были рядом, отец Александр!.. Посох наставника и шашка бойца...»

Он встрепенулся, отозвался горячим шепотом: «Да, да, они разлучены были: в этом наша трагедия!..»

Вернется и в самом деле высокий, горний дух тех времен, когда казачество, гордясь, называло себя христолюбивым, а то и просто христовым воинством?..

Когда, надев портупею с ремнями крест-накрест на спине, казак ясным умом понимал и глубокой душою чувствовал, что тем самым он поднял, чтобы до конца дней бесстрашно и безропотно нести его не плечах, свой крест — прообраз Креста Господня?

«О, пречудный отче Серафиме!.. Вознеси о нас благомощную твою молитву ко Господу сил!..» Молитву о воинстве, которое кается нынче в столь многих и многих своих грехах и снова горячо желает стать Христовым...

Созиждет ли Господь этот *дом*, вокруг которого снова загомонят одинокие пока курени и радостно оживут все еще спящие в глубокой летаргии станицы?..

* * *

Сорокалетний забайкальский казак Николай Плющ ростом невысок, но широк в плечах, крепок и, как груздок в поре, ладен. Серовато-голубые глаза, густые светлые волосы и такая же борода придают округлому, с правильными чертами лицу вид не только дружелюбный, но благостный... Познакомились мы в Дивееве, куда он, армейский прапорщик, явился чуть ли не на свой страх и риск. «Ладно тебе — самоволка! — утешали его на полушутке.— А почему не решить: воля Божия?.. Ты ведь не куда-нибудь подался — сюда!»

Увиделись потом в апреле на атаманском совете в Москве, и как о деле обоим вполне ясном я коротко спросил:

— Вспоминаешь?

Он даже вздохнул:

— Каждый день!

— А что запомнилось больше всего остального, Николай Павлович?

Он мягко улыбнулся, глаза зажглись тихим светом:

— Со мною там такое произошло!.. Когда стояли в охране внутри храма, поймал вдруг себя на том, что забылся и вместе со всеми пою акафист преподобному, представляете? Перед этим меня пытались научить под гитару петь — куда там! Полтора года дружок промучился, а после говорит: извини меня, Николай! Уж если медведь кому и правда на ухо наступил, так это тебе!.. А тут вдруг пою! Да еще как, вы бы знали, как! Чуть не в полный голос, а главное, так хорошо выходит. Гляжу, старушки, которые неподалеку стоят, смотрят на меня, утирают слезы и кивают ласково, одна другой шепчет: от молодец!.. А меня вдруг прошибло: да откуда же я, кроме всего прочего, слова знаю — никогда перед этим слыхом не слыхал! И вот во мне: страх и радость!.. Неужели слова вдруг забуду?.. Или сорвется голос, петуха пущу: ведь слуха и в самом деле никогда не было... Верите, пережил: и мороз по коже, и сердце как не выскочит — ну, счастье!.. Минут десять со всеми вместе пел, эх, как я пел!.. Пока акафист не кончился... Ну, откуда во мне это вдруг взялось — ну, скажите?!

Николай Плющ не первый, кто рассказывал о пережитых им в Дивееве необычных и счастливых минутах, и я чуть не с завистью подумывал иногда: а что со мною самим было?.. Эта странная на первый взгляд и такая теплая, понятной грустью окрашенная встреча с дивеевским жителем Алексеем Земсковым, с которым работали на переднем, как принято тогда было говорить, крае: на ударной сибирской стройке... Или сама по себе вся эта от начала и до конца наша поездка в Дивеево, которая уже сорвалась было и могла не состояться... Ведь только побывав там, только пережив дарованное это счастье пусть слабого еще, пусть робкого просветленья души, чуть не со страхом начинаешь понимать: чего мог лишиться... И разве это не знак нам, ездившим туда? Администратор Елена Петровна, сотворившая тогда чудо, «рафик» достав, с шутливым испугом шепнула мне после просмотра: «А что происходит-то, что происходит?!.. То режиссер к нам чуть не каждый день экстрасенсов приводил — проверял нас на совместимость, а тут и самого его не было, но Саша с Сергеем сняли свои лучшие кадры... можете объяснить?»

Вот — стараюсь!

С летчиком Сашей Когутом, Александром Станиславовичем, тоже подружились в Дивееве... И я не преувеличиваю — подружились. Гляжу: довольно молодой человек в аэрофлотской форменке стоит, со всех сторон не то что зажатый — прямо-таки задавленный строгими пожилыми паломницами да богомольными старушками из местных, но вид у него такой дружелюбный, а улыбка такая открытая, будто об этом он только и мечтал всю жизнь: попасть в такую толчею, из которой ну никакой возможности выбраться. Мы снимали кино, мне волей-неволей приходилось пробираться через толпу, и возле него я невольно задержался, негромко спросил: «Откуда вдруг в этом краю — «голубая кровь» аэрофлота?..»

«Да я ведь батьку Громова привез! — радостно откликнулся он. Из Екатеринодара восемь часов пилили против ветра на «кукурузнике», чуть не все ПВО

всполошили — шли напрямую... Все наши — поездом, а он опаздывал, атаман!»

Саша Когут, первый летчик в Кубанской Раде. Штатный первый пилот.

А сам батька Громов?

Да простит мне Высокопреосвященный митрополит Питирим: не однажды видел, Владыко, не только по телевизору, но и вживе собеседников ваших — со счастливыми лицами уже оттого, что они стоят рядом и ловят каждое ваше слово... Я художник, у меня, что там ни говори, особое зрение: когда в Дивееве впереди следовавшей за Вами полукольцом казачьей охраны в «бичераховках», в черной полевой форме Вы, величественно как всегда, шли рядом с одетым в алый бешмет, невысоким, в неизменных очках кубанским атаманом, на этот раз у Вас был воистину счастливый вид!.. Может, то была радость от возвращения блудных — так давно и так далеко заблудших! — сыновей к заждавшейся Матери Церкви.

Но если бы Вы знали, как эта счастливая Ваша улыбка была нужна в с е м н а м, не раз видевшим, как во время коротеньких перерывов Вы вместе с нашим батькой неторопливо беседовали. Нужна была наверняка и ему, кубанскому атаману, Владимиру Прокофьевичу Громову.

Я намного старше него, и опыт мой, вероятно, намного грустней. Но, обращаясь к нему и при всех и наедине, я произношу совершенно искренне: батька!..

Как раз потому, что не однажды раненым сердцем подмечаю: в отличие от многих других, надевших нынче казачью форму с золотыми генеральскими погонами, это было ему дано — пониманье роли о т ц о в с т в а в совершенно осиротевшем нашем народе, и оно заметно усилилось в нем и явно окрепло после Дивеева...

Не так давно в Ставрополе атаман города Георгиевска Василий Дронов — его казакам первым вручили наградные кресты за памятное «Дивеевское служение» — дал мне посмотреть несколько уже порядком затертых, не раз переходившим из рук в руки писем: «Ну вот и опустел наш городок без вас. Ни у кого нет сомнений, что ваш приезд сюда был для нас ну просто большим праздником, хотя поездка ваша была по делу. Нам очень понравились все вы: манера держаться, ваш казачий этикет, неторопливая речь, прямой взгляд, простота и в то же время какая-то несгибаемость ваша. Милые мои, как перед Богом скажу: самому мне выпала честь с вами увидеться и подружиться — с людьми, которые взялись за возрождение нашей России: она стонет от несправедливости и подлости, она тонет и умоляет о помощи, ждет ее от вас, надежных людей... Трудно нам всем придется, но у казаков назад пути нет, держитесь, братья, мы с вами...»

...И ясно теперь, что не в том образе, в котором наивно ожидали их, в е р н у т с я н а ш и: с красной звездою на пилотке, в плащ-накидке и с автоматом на груди... Н а ш и — это православные святые и чудотворцы, радетели и хранители земли русской; храбрые герои и бескорыстные защитники каждого из народов, бок о бок живущих на теплой, как материнское молоко, общей нашей земле... Да и они ли от нас уходили?.. Или в гордыне своей так надолго мы сами ушли от них, а они все терпеливо ждут нашего возвращения, потому что хорошо знают: с ними мы станем непобедимы. Живою водою они омоют лица отчаявшихся и уставших, и Святой Дух, как огонь, сходящий на гроб Господень, воспламенит сердца всех дотоле разъединенных и живших в пол-ума и в половину души одним общим порывом братской любви.

Совсем по-нашенски сказал впавшему в глубокое уныние саровскому монаху явившийся к нему уже после окончания своих земных странствий преподобный Серафим: «Радость моя! Я всегда с тобою. Мужайся, не унывай».

Это от него, «убогого служки Серафима», Великого Саровского Чудотворца — всем нам.

Г. НЕМЧЕНКО

Конференция по исихазму

12—14 октября 1992 года в Смоленском межъепархиальном Духовном училище состоялась первая в России научная конференция по исихазму «Исихазм: истоки, история, актуальность», которая была посвящена памяти протоиерея Иоанна Мейендорфа. В конференции приняли участие богословы, священнослужители и ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска. С докладами выступили: игумен Вениамин (Новик), игумен Венедикт (Кантерс), диакон Георгий Зяблицев, иеромонах Петр (Кузовлев), игумен Иннокентий (Павлов), профессора Г. М. Прохоров, В. В. Бычков, Г. Г. Сильницкий и др.

Обсуждались вопросы сущности исихазма, его происхождения, места в системе православной духовности, различных форм его исторического бытия в Византии и Древней Руси (XIV—XVI вв.). Особое внимание в докладах и дискуссиях было уделено учению и практике «умного делания» святого Григория Паламы. Были также затронуты более общие вопросы культурологического значения исихазма, его влияния на художественную культуру Византии и Древней Руси, взаимодействия исихазма с неоплатонизмом, типологического сопоставления исихазма с некоторыми религиозными и мистическими движениями древности и средних веков и с гуманистической мыслью Западной Европы.

В процессе работы конференции выявлена не только большая культурно-историческая роль исихазма, но и его значимость для развития современного религиозного и общественного сознания в России. При этом выяснилась недостаточная разработанность целого ряда аспектов сущности и истории исихазма: роли «Ареопагитик» в формировании богословия и философии исихазма, его соотношения с гуманизмом Византии, Италии и Древней Руси, его влияния на русскую религиозную жизнь и культуру.

Участники конференции пришли к выводу о необходимости продолжения исследования различных аспектов исихазма и их обсуждения на периодических конференциях.

Следующая конференция «Исихазм: история, философия, литература и искусство» планируется на октябрь 1993 года. На конференции предполагается затронуть следующие проблемы: 1. Умное и практическое делание в традиции и современности. 2. Келья, скит, общежитие, мир. 3. Исихазм и другие духовные движения. 4. Исихазм и русская духовность.

Материалы конференции будут опубликованы.

Заявки на участие в конференции с наименованием темы доклада и тезисы просьба присылать не позднее 15 апреля 1993 года по адресу: 214000 Смоленск, ул. Тимирязева, 5. Духовное училище.

Дополнительные справки по тел.: 9-42-75, 9-42-74.

Оргкомитет

Храм просит помощи

Несколько лет тому назад возобновились богослужения в храме Преподобного Сергия в селе Мосейцево Ростовского района Ярославской области. Этот храм был построен в 1787 году усердием владелицы села Ошаниной. В XIX веке в церкви был установлен один из красивейших в России пятиярусный деревянный золоченый иконостас. После закрытия храм стоял пустой и постепенно разрушался.

Община храма Преподобного Сергия обращается с просьбой о помощи. **Наши реквизиты: расчетный счет № 701628 в Ростовском коммерческом банке, МФО № 288286. Наш адрес: 152114, Ярославская область, Ростовский район, село Мосейцево.**

Священник Владимир ЕМЕЛИЧЕВ

Следственное дело № 36960
(по архивам КГБ)

За трапезой в общей столовой Данилова монастыря диакон Иван Яковлевич Смирнов, 55 лет, услышав разговоры о предполагающемся тайном выборе Патриарха (скоро два года, как почил Святейший Патриарх Тихон, а власти все не разрешают собрать Церковный Собор для избрания преемника), вдруг негромко пропел:

Великого Господина и Отца нашего, Святейшего Кирилла, Патриарха Московского и всея России...

Неожиданно оборвав величание, диакон обвел братию глазами и спросил:

— А вот если помянуть Владыку Кирилла (Смирнов; митрополит Казанский и Свияжский) патриаршим титулом за литургией, каково будет?

— По уставу не положено,— тускло отозвался молодой монах.

— Я и сам знаю,— диакон досадливо махнул рукой... До общей молитвы он не произнес ни слова.

Спустя пять дней диакон очутился во внутренней тюрьме ОГПУ и 18 января 1927 года был допрошен уполномоченным 6-го отделения Секретного отдела Казанским А. В.

Вопрос: Ваше отношение к Советской власти?

Ответ: Революции как христианин не могу сочувствовать.

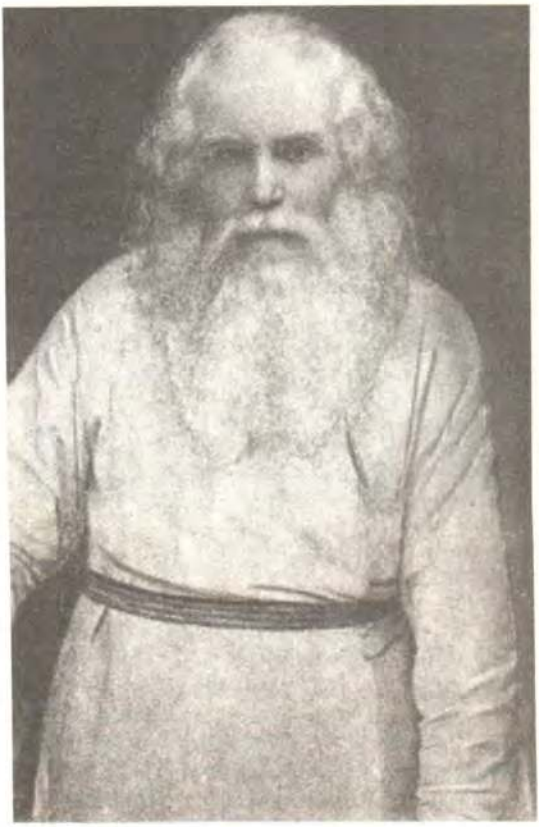
Вопрос: Почему вы помянули именно Кирилла?

Ответ: Я считаю митрополита Кирилла единственным лицом, возглавление коим Церкви положило бы конец всем церковным нестроениям.

Вопрос: Так вы и в церкви Кирилла Патриархом называете?

Ответ: Очень ему сочувствую, но я давно в Церкви и строгий уставщик, поэтому никогда за службой не поминал и не помяну его как Патриарха, пока не будет избран...

Диакон более не представлял интереса для уполномоченного, и он, приказав увести подследственного, подшил к делу первый листок — ордер на арест гражданина Смирнова И. Я. и взялся за привычный труд — составление постановления о предъявлении обвинения.

Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов)

«Января 18 дня 1927 года я, уполномоченный 6-го отд. СООГПУ Казанский А. В., рассмотрев следственное производство по делу на гр-на Смирнова Ивана Яковлевича, нашел, что таковой, будучи служителем культа (дьяконом), пропагандировал среди церковников мысль об избрании патриархом активного антисоветского деятеля, митрополита Кирилла, использовывая для своей деятельности авторитет церкви, т. е. совершал преступление, предусмотр. ст. 58/14 УК; мерой пресечения впредь до окончания следствия избрать содержание под стражей».

После внезапной кончины в 1925 году

Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых)

в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы Патриарха Тихона Первосвятительский престол пустовал до 1943 года, когда на него был возведен Патриарх Сергий. Местоблюститель Патриаршего престола Митрополит Петр, требовавший от властей разрешение собрать Поместный Собор Русской Православной Церкви для избрания «великого Господина и Отца нашего», был в декабре 1925 года арестован и более не увидел свободы. Расстрелян в 1937 году. Но его арест не угасил надежду духовенства и народа найти себе опору во «втором Тихоне», и тайно, чтобы не прознали власти, русские иерархи приступили к выборам нового Патриарха.

Большинство епископов считало, что единственная бесспорная кандидатура, которую поддержит подавляющее большинство духовенства,— митрополит Казанский и Свияжский Кирилл. Избрание решили провести сбором письменных мнений среди епископата, ибо любое собрание будет тотчас объявлено контрреволюционным и приведет к новым арестам и утеснениям.

Заручившись мнением двух десятков иерархов, находившихся на свободе или в ссылке, и решением епископов, заключенных в Соловках, о согласии видеть Первоиерархом митрополита Кирилла, епископ Павлин посетил митрополита Сергия и попросил его подписать обращение к духовенству о выборах Патриарха.

— Но мы можем этим избранием возбудить недовольство гражданской власти,— насторожился митрополит.

— Уверяю вас, Ваше Высокопреосвященство, здесь нет контрреволюции; Церковь отделена от государства, и выборы — наше частное церковное дело.

В конце концов Владыка Сергий согласился с доводами Владыки Павлина и подписал обращение.

Начался сбор подписей. Но как ни секретничали епископы, пересылая лишь с нарочными свои письма в Москву из далеких епархий, в ОГПУ вскоре узнали об их «контрреволюции» и незамедлительно приняли свои, всегда одни и те же меры — арестовали и митрополита Сергия, и большую часть Владык, успевших отдать свой голос за митрополита Кирилла. В кабинетах власти замелькали бумажки со штампом всесильной репрессивной организации, похвалявшейся раскрытием нового заговора «черносотенной группировки церковников, ведущих за собой всю церковь», «поставившей своей задачей борьбу с Соввластью при помощи возбуждения населения верующего через церковь, использовывая возможности, предоставляемые последней».

Начались допросы по следственному делу, получившему номер 36960.

Из допроса митрополита Сергия (Страгородского) 20 декабря 1926 года

Вопрос: Почему все дело по избранию Патриарха велось так секретно?

Ответ: Во-первых, мы не хотели до времени предавать огласке вопрос об избрании Патриарха в церковных кругах, пока он не выяснится среди хотя бы епископов. Во-вторых, исходили из соображений, что гражданская власть может в самой технике работы (разъезды и т. д.) усмотреть какой-нибудь заговор, и предпочитали, чтобы она узнала об этом после, когда вопрос примет практически серьезный характер.

Из допроса епископа Павлина (Кошечкина) 19 декабря 1926 года

Вопрос: Как вы решились избрать Кирилла, не спрашивая его согласия?

Епископ Рыльский Павлин (Кошечкин)

Ответ: Я об этом не рассуждал.

Вопрос: Почему это избрание Кирилла вы проводили в такой тайне, беря слово не говорить никому и т. д.?

Ответ: Потому что это дело касается только Церкви и делалось в частном порядке.

Вопрос: По вашему мнению, Церковь в целом должна следить за благонадежностью своих членов?

Ответ: Не должна, потому что она преследует религиозные цели, и если ее член подходит к ней с религиозной точки зрения, ей нет дела до его политической физиономии. Последнее является личным делом каждого, и дело государства иметь дело с его политической деятельностью.

Вопрос: Вам известно, что выдвинутый вами кандидат в Патриархи подвергался репрессиям за антисоветскую деятельность?

Ответ: Я не знаю, за что он был наказан.

Из допроса архиепископа Иосифа (Петровых) 10 декабря 1926 года

Вопрос: А вам известно было, что митрополит Кирилл подвергался репрессиям за антисоветскую деятельность?

Ответ: Мне было известно, что он страдал, а за что — я не знаю.

Из допроса архиепископа Корнилия (Соболева) 19 декабря 1926 года

Вопрос: Что вы можете показать по делу избрания в Патриархи митрополита Кирилла?

Ответ: Инициатива этого избрания принадлежит мне, и о себе я говорить могу, а других называть не буду, потому что считаю это непорядочным. Говорить о других везде, где результатом этого могут явиться неприятные последствия для названных лиц, не позволяет моя этика.

Вопрос: Почему все это избрание проходило так секретно?

Ответ: Чтобы ОГПУ не проведало и не помешало бы нам.

Из допроса епископа Афанасия (Сахарова) 20 января 1927 года

Вопрос: Вы знаете епископа Павлина? Давно ли он был у вас?

Ответ: Епископа Павлина знаю. Он был у меня в октябре или ноябре, хорошо не помню, прошлого года.

Вопрос: Зачем он к вам приезжал?

Ответ: Вы знаете.

Вопрос: А все-таки?

Ответ: Насколько я представляю, я по УПК имею права и не давать показаний.

Вопрос: А Павлин заставлял вас поклясться, что вы никому не скажете о причине его приезда?

Ответ: Клятвы мы не употребляем вообще. Само собой разумеется, что то, о чем мы говорили, говорилось не для того, чтобы стать всеобщим достоянием.

Вопрос: А каково ваше личное мнение об избрании митрополита Кирилла в Патриархи?

Ответ: Я считаю его наиболее достойным кандидатом.

Вопрос: А не является ли, по вашему мнению, несколько неудобным для этого кандидата то, что он за антисоветскую деятельность подвергался репрессиям?

Ответ: При отделении Церкви от государства, оформленном законом, я полагаю, для государства безразлично, кто будет стоять во главе Церкви. В данном случае, я думаю, что политическая деятельность Кирилла нас,

церковных деятелей, не касалась. Достаточно того, что он подходил, по моему мнению, для возглавления Церкви. Кроме того, я знал, что в последнее время власть облегчила его положение, а раньше отзывалась о нем, как о человеке лояльном.

Можно, конечно, арестовать и допросить еще десять, да что десять — сто епископов, но что толку? Это поняли в ОГПУ.— Они ж даже с Соловков умудряются свои мнения рассылать. Нет, здесь нужна другая политика, чтобы не допустить появления второго Патриарха Тихона, который объединил бы верующих и прекратил в Церкви раздоры, с таким трудом посеянные нами.

И летит 20 декабря 1926 года шифровка в губернскую Вятку: арестуйте проживающего в уездном городке Котельнич административно ссыльного Смирнова Константина Илларионовича (он же митрополит Кирилл), по профессии служителя культа, и держите его до прибытия наших людей под замком в вятском изоляторе.

Сотрудники ОГПУ не заставили себя долго ждать и, не стесняясь того, что на жившего уединенно, почти не имевшего общения с людьми митрополита не было никакого компромата, по приказу начальства обвинили его в том, что, «пользуясь среди духовенства и верующих СССР громадным авторитетом, как первый кандидат, согласно завещанию Патриарха Тихона, в заместители Патриарха... начинает кампанию за ликвидацию Синода и за восстановление во главе Церкви Патриарха с неограниченной властью, вербуя себе этим контрреволюционно настроенных сторонников в различных городах СССР». И повезли радостные «блюстители закона» Владыку подальше от людей — в Туруханский край.

Ни диакон Иван Яковлевич Смирнов, ни епископ Павлин, ни заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола Митрополит Сергий более не смели мечтать о выборах преемника Святейшего Тихона: только людей на новые страдания обрекать.

Михаил ВОСТРЫШЕВ

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

Духовный подвиг Ивана Ильина

(К 110-летию со дня рождения)

Выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин родился в Москве 9 апреля (28 марта) 1883 года. Столетие со дня его рождения на Родине прошло незаметно и бесследно. Тогда еще не наступило время, позволяющее потомкам, воспользовавшись традицией юбилея, воздать, наконец, долг памяти и признательности одному из лучших сынов России. Нескоро, с трудом возвращается в Отечество подлинное наследие русской духовной культуры...

Жизнь Ивана Александровича складывалась — в житейском и обыденном ее понимании — несладко. Пожалуй, единственное, что в ней было с избытком — это лишения. Но и они не вдруг возникли на его пути[1].

Учился Ваня Ильин в московских классических гимназиях. Учился легко и успешно, завершив курс с золотой медалью. Блестяще окончил он и Московский университет, юридический факультет. Студенческий интерес И. Ильина тяготеет к философским и государствоведческим вопросам, юноша пишет сочинения об идеальном государстве Платона, пытается разобраться в философии Канта, в его взглядах на «вещь в себе».

В Московском университете значительным авторитетом пользовалась кафедра энциклопедии права и истории философии права. Именно на этой кафедре Ильин был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. За три подготовительных года он написал шесть работ: «О наукоучении Фихте Старшего издания 1794 г.», «Учение Шеллинга об Абсолютном», «Идеи конкретного и абстрактного в теории познания Гегеля», «Идея общей воли у Жан Жака Руссо», «Метафизические основы учения Аристотеля о Doulos Fydei', «Проблема метода в современной юриспруденции».

Перечень юношеских работ поражает разноплановостью интересов, глубиной анализа, стремлением выявить исторические предпосылки философии, овладеть ее методом и применить его к философии права.

В России в начале XX века существовало правило: будущий лектор должен полу-

Иван Ильин

чить серьезную подготовку, выдержать специальные экзамены и проверку. Так и И. А. Ильин в 1909 году сдал магистерские экзамены, прочитал две испытательные лекции — и только после этого был утвержден в звании приват-доцента юридического факультета. Тогда же он начал читать основной курс по истории философии права на Высших женских юридических курсах.

Однако и полученной подготовки оказалось недостаточно: Ильин два года проводит в научной командировке за границей в знаменитых университетах Германии и Франции.

Вернувшись в 1912 году на родину, И. А. Ильин погружается в активную педагогическую деятельность. Конечно, прежде всего Московский университет, затем Высшие женские курсы, Московский коммерческий институт, Народный университет им. Шанявского. Высший музыкально-педагогический институт, Ритмический институт, Философский исследовательский институт. Последние три созданы уже после Октябрьской революции.

В 1918 году состоялось знаменательное событие — защита магистерской диссертации. Время тревожное — первый послереволюционный год. Но юридический факультет еще жил старыми традициями. Ильин представил объемистый труд «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Тема, как видим, еще тоже традиционная для философии. Официальные оппоненты — светила мировой величины: профессор П. И. Новгородцев и профессор князь Е. Н. Трубецкой[2].

Результат этой необычной по времени и условиям защиты диссертации был исключительный: соискателю ученый совет единогласно присудил обе степени — магистра и доктора государствоведческих наук.

Научный и общественный авторитет И. А. Ильина способствовал его избранию председателем Общества младших преподавателей Московского университета. В 1921 году его выбирают членом правления Московского юридического общества, а также председателем (ввиду кончины Л. М. Лопатина) Московского психологического общества.

Но научная работа Ильина, его общение со студенчеством оказались неприемлемы в условиях свершившейся революции, власть предержащие молодого социалистического государства не нуждались в таком правоведе. Разумеется, их не устраивали не только научные воззрения философа и юриста — неприемлемы были его идеологические взгляды и политическая позиция. В отличие, скажем, от Н. А. Бердяева, неустававшего подчеркивать, что он всегда избегал политической деятельности и никогда не стоял в оппозиции коммунистическому правительству, И. А. Ильин был убежденным и деятельным противником большевиков. Данное обстоятельство и в дальнейшем выступало главным основанием для критического, мягко говоря, отношения советского государства к Ильину, в оценках которого он был «монархистом и шовинистом».

Советская власть не жаловала ученого — шесть арестов пережил он в первые годы строительства социализма. Трижды его арестовывали в 1918 году, прежде чем в декабре предстал он перед московским революционным трибуналом. Можно сказать: повезло — был оправдан за отсутствием у обвинения доказательств.

Наконец, «приснопамятный» 1922 год — пожизненное изгнание за «непризнание советской власти». В октябре И. А. Ильин оказался в Берлине.

По-разному складывались судьбы русских ученых, писателей, общественных деятелей и представителей искусства за рубежом. Одни, борясь за право выжить, «растворялись» в иноземных условиях, другие, лишенные сыновних чувств, не связывали себя ни долгом, ни обязательствами — устраивались по житейскому правилу «своя рубашка ближе к телу». Говоря в этой связи о судьбе И. А. Ильина, можно смело утверждать: он всегда оставался патриотом России, он всегда любил свою Родину, он верил в ее будущее и боролся за него.

В эмиграции Ильин стоит особняком. Он никогда и раньше не жаловал шумных политических собраний. И отношение к русской эмиграции у него никогда не было однознач-

ным. Он обладал глубокой проницательностью, позволявшей безошибочно определять, кто истинный поборник свободы России, а кто — крикливый политикан, для которого Россия лишь средство реализации амбиций. Ильин с негодованием обрушивался на эту дряблую часть русской эмиграции, в свое время немало потрудившуюся над разрушением российской государственности. «Левая», «прогрессивная» эмиграция не останавливалась даже перед клеветой в адрес И. А. Ильина.

Научная деятельность его не прервалась. Одиннадцать лет Ильин был профессором Русского научного института, недолгое время даже деканом юридического факультета. Крепло европейское признание — в 1924 году его избирают членом-корреспондентом Славянского института при Лондонском университете.

Ширится круг его познавательных интересов. Стараясь осмыслить происшедшее с его Россией, ученый исходил из того, «что кризис, приведший Россию к порабощению, унижению, мученичеству и вымиранию, был в основе своей не просто политический и не только хозяйственный, а духовный».

Берлинский период жизни И. А. Ильина отмечен необычайной творческой активностью. Вот лишь перечень курсов лекций, которые читал Ильин: энциклопедия права, история этических учений, методология юрических наук, система этики, введение в философию, введение в эстетику, история греческой философии, философия немецкого идеализма, логика, философия религии, учение о правосознании, философия Гегеля, религиозная идея Восточного Православия, духовные причины революции в России, современная русская изящная литература, сущность и судьба коммунизма, формы государственного устройства, основы советского государства.

Трудно представить, особенно если обратить взор на отечественную действительность, какой универсальной подготовкой, педагогическим мастерством, наконец, умением организовать свою работу должен обладать ученый, взваливший на свои плечи такой груз! А ведь наряду с преподаванием он выступает с публичными лекциями в самых разнообразных аудиториях Европы.

В эти же годы написаны его лучшие произведения, посвященные широчайшему кругу вопросов из области философии, права, истории, литературы. Иван Александрович никогда не торопился писать и издавать свои книги. Так, еще в 1919 году он закончил работу «О сущности правосознания», а в свет она вышла после смерти ученого. Многие темы он вынашивал по тридцать и сорок лет. В 1927—1930 годы Ильин издавал журнал «Русский колокол», являясь его редактором и постоянным автором. Достаточно сказать, что за столь короткий срок он опубликовал в нем около 250 страниц.

Когда в Германии к власти пришли нацисты, Ильина изгоняют из Русского научного института. Не ограничившись этой мерой, «созидатели» новой Германии запрещают ему публичные выступления, не допускают в печать его статьи и книги; конфисковываются печатные работы. Помимо духовного насилия, его фактически обрекают на голодную смерть. Усиливаются доносы и преследования. Вновь возникла вероятность арестов, реальной угрозой стал концлагерь.

Летом 1938 года с помощью друзей И. А. Ильин покидает Германию и направляется в Швейцарию. Без имущества, без денег философ обосновывается в пригороде Цюриха Цолликоне. Финансовую поддержку на первых порах ученому оказал С. В. Рахманинов, с которым Ильин был связан дружескими отношениями. В Швейцарии довелось ему провести последние шестнадцать лет.

Восстанавливалась лекционная деятельность. Продолжилась научная работа. Все более четким становилось видение пройденного пути. Выкристаллизовалось мировоззрение И. А. Ильина, окончательно оформились его философские взгляды, окрепла нравственная позиция. Но время брало свое. 21 декабря 1954 года Иван Александрович Ильин закончил свой земной путь.

Осталось его духовное наследие; созданное им предназначалось не на потребу времени — с мыслью о возрождении России, с надеждой, что ее будущие восстановители обратятся к его опыту, писалась каждая строка, выводилось каждое слово. Все созданное мыслителем — до сих пор недоступное соотечественникам — есть результат духовного подвига. Многое для сохранения трудов Ильина сделала его вдова — Наталия Николаевна.

II

Прежде чем изложить философскую позицию Ильина, важно отметить существенную черту, без уяснения которой образ философа будет неверен. В отличие от многих современников, чье творчество составило эпоху в развитии отечественной философской мысли (русский религиозно-философский ренессанс XX века), И. А. Ильин — последовательный проповедник идей Русского Православия. Вся его философия религии обращена на познание путей духовной свободы, укрепление личности путем сердечного созерцания и созерцательной любви.

Наряду с уже упоминавшимися философскими сочинениями отметим и другие важнейшие труды: «Религиозный смысл философии. Три речи» (1924); «О сопротивлении злу силою» (1925); «Путь духовного обновления» (1935; позднее был издан дополненный вариант); «Основы христианской культуры» (1937); «Аксиомы религиозного опыта» (в двух томах, 1953); «Путь к очевидности» (1957); наконец, совершенно за-

мечательная книга, своего рода духовное завещание Ильина — «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» (1958).

Представление о содержательной стороне философских взглядов Ильина дает книга «Путь к очевидности». Она была издана уже после смерти философа. В ней раскрыт центральный пункт философских воззрений Ильина — учение об очевидности. Вся жизнь мыслителя была положена на его разработку. В этой же работе выделен раздел «Что есть философия», в котором как бы подводится итог понимания предмета и метода философии. Много времени посвятив исследованию философских систем прошлого, содержание которых стало частью его собственного мировоззрения, Ильин не считал необходимым создание новой философской системы. Тем самым он продолжил традицию русского философствования, лучшие образцы которого всегда отражали направленность на практические вопросы жизни, на духовное становление личности.

Задачу создания системы он рассматривал как мнимую цель культуры. Для него философия — всегда ясный и честный взгляд, жизненное исследование духа и духовности, в свою очередь неотделимое от предметно-обоснованных выводов. Основной порок философии Ильин видел в стремлении разума навязывать жизни законы человеческой логики, подчинять саму жизнь умозрительным схемам. Он восставал против предуказаний рассудочной разумностью путей и форм духовного явления. Ибо истинное бытие предмета не укладывается целиком в формы человеческого разума, хотя бы и доведенные до высших степеней совершенства.

Главное призвание философа Ильин видит в предметном созерцании и мышлении, при которых и процесс систематизации становится более объективным. Поскольку эту работу, по его мнению, философ должен «представить самому предмету: если его предмет в самом деле есть «система», то его философия верно передаст и изобразит ее; но если предмет есть бессвязная совокупность, то это обнаружится и в его предметной философии. Исследующий философ не смеет повелевать предмету; он не смеет и искажать его в своем изображении» («Путь к очевидности», 1957).

И. А. Ильин не мог обойти традиционного вопроса: является ли философия наукой? Такая постановка вопроса актуальна и в наши дни, ведь еще не достигнута ясность относительно выбора позиции — в какой мере философское мировоззрение соответствует научным конструкциям. Как относиться к многообразию философских построений в мировой культуре?

Для И. А. Ильина таким образом сформулированный вопрос не нуждался в однозначном ответе. Он допускал, что философия может выступать и в качестве науки при условии, однако, соблюдения «особого **духовно-религиозного** опыта и особого описательного **художества».** То есть речь идет об индивидуальном характере всякого философствования. Человек, ступивший на стезю философствования, должен нести **«ответственность** исследователя, **волю к предметности и бремя доказательства».** Только сохранив **предметную верность,** исследователь может рассчитывать на системный характер своих философских построений.

Всякий философский поиск — это особый **философский опыт,** поэтому процесс философского познания не может необратимо замыкаться в единожды установленное **строение философского акта,** отнюдь не однородное в разных областях философии. Истинным предметом философии является начало духа. Оно обнаруживает себя в живой и неживой природе, в человеке и его созданиях, иными словами, во всем познаваемом философом. Поэтому только посредством соответствующего духовного опыта и в результате опытного акта может вырасти философское знание.

В такой постановке проблемы Ильин исходит из сократовского опыта: когда этот родоначальник диалектики задался вопросом, познаваема ли и определима ли добродетель, то ответ предполагал возможность распространения его на всю философию. Ильин считает, что человек, намеревающийся исследовать добродетель, должен прежде сам обладать ею, и «философ, желающий успешно исследовать свой предмет, должен реально-опытно переживать его и тем самым осуществлять его; он должен превратить свою душу и свою жизнь в **орган своего предметного опыта.** Только ставши сам орудием духа, он сможет испытать и познать сущность духа».

Начиная уже с гносеологии, устанавливающей критерии верного знания о предмете, на первый план выходит проблема очевидности. Лишь накопив и обобщив разносторонний опыт очевидности, философ сможет избежать игры мертвых понятий и создания пустых конструкций.

Таким образом, центральный пункт философских воззрений Ильина — *учение об очевидности.* Очевидность есть обратное слепоте или ослепленности поверхностной видимостью. Очевидность всегда предметна. Ильин согласен, что очевидность вещей, задача ее постижения — удел гносеологии. Но он не может оставить ее только теоретическому мышлению, ибо она неотделима и от других областей культуры. Но поскольку очевидность подвижна, исторична, овладение ее истинной природой требует от исследователя «дара созерцания и притом многообразного созерцания, способности к вчувствованию, глубокого чувства ответственности, искусства творческого сомнения и вопрошания, упорной воли к окончательному удостоверению и живой любви к предмету».

Отсюда и этика — учение о нравственности, добре и добродетели — не терпит сухого профессионализма, сугубо академи-

ческих знаний, а нуждается в определенном нравственном опыте. Только личное переживание, глубокое индивидуальное испытание дают право на рассуждения о любви, радости, долге, добре и зле, силе и свободе воли. Нравственная оценка людей и их поступков требует совестного действия, а потому философ должен воспитывать себя и готовить к акту совести.

Также и эстетика не вытекает лишь из одного субъективного вкуса исследователя. И в постижении прекрасного мыслителю необходимо пройти через самовоспитание художественного созерцания и опыт.

Главный вывод, к которому приходит философ, следующий: «Основное правило этого пути гласит так: сначала — **быть**, потом — **действовать** и лишь затем из осуществленного бытия и из соответственного, а может быть, и опасного, и даже мучительного делания — **философствовать**».

В ходе собственных духовно-философских размышлений Ильин вырабатывает и свой взгляд на русскую религиозную философию. Эта философия должна преодолеть подражание иностранной философии, в первую очередь германской. На смену подражанию и выдумке, праздному умствованию должно прийти понимание неизмеренной глубины русского национального духовного опыта, отечественная философия должна стать «убедительным и драгоценным **исследованием духа и духовности**».

Всем своим творчеством философ подтвердил верность традициям русской культуры, поднявшись в собственном религиозно-философском мышлении на высочайший уровень. Требование конкретности Ильин воплотил в каждой своей работе. Все они способствуют пониманию тех или иных периодов отечественной истории, намечают перспективы выхода из трагических тупиков социального процесса.

И все же особое место в ряду его произведений занимает книга «О сопротивлении злу силою». В ней выражена, необычайно полно и рельефно, нравственная позиция И. А. Ильина. Тема борьбы со злом в это время — время его изгнания из-под отчего крова, ставшего чужим и враждебным, — притягивает философа не традиционным морализаторством, а практической потребностью. Проблема зла, таким образом, как никогда, приобрела актуальность и потребовала пересмотра всего толстовского учения о добре и зле, столь милого значительной части русской интеллигенции.

Ильин против абстрактно-отвлеченного морализаторства, запутывающего представления людей об истинной природе добра и зла. Он утверждает прямо и определенно: «Зло начинается там, где начинается **человек**, и, притом, именно не человеческое тело, во всех его состояниях и проявлениях, как **таковых**, а человеческий **душевно-духовный** мир,— это истинное местонахождение добра и зла» («О сопротивлении злу силою», 1975).

Критикуя Толстого и его последователей, Ильин отмечает, что они не понимают духовной природы зла. Он проводит детальный разбор их учения и вскрывает причины заблуждений. «Вообще говоря,— пишет он,— термины «насилия» и «зла» употребляются ими как равнозначные, настолько, что самая проблема непротивления «злу насилием» формулируется иногда как проблема непротивления «злу злом» или воздаяния «злом за зло»; именно поэтому насилие иногда приравнивается «сатане», а пользование им описывается как путь «диавола». Понятно, что обращение к этому «сатанинскому злу» воспрещается раз навсегда и без исключений; так что лучше умереть или быть убитым, чем пустить в ход насилие...»

По Ильину, «зло есть, прежде всего, **душевная склонность** человека, присущая каждому из нас; как бы некоторое, живущее в нас **страстное тяготение** к разнузданию зверя, тяготение, всегда стремящееся к расширению своей власти и к полноте захвата».

Лишь на пути духовного воспитания возможно преодоление зла, ибо, в соответствии с духовным законом, не сопротивляющийся злу поглощается и порабощается им. Зло — не пустое слово, не отвлеченное понятие, существующее лишь как некая гипотетическая возможность. Оно конкретно, реально присутствует в жизни людей.

Личностное бытие, складывающееся в определенный духовный уклад и духовное воспитание, должно быть направлено на выявление истоков живой духовности, на очищение души, для ее восприятия. Чувство стыда и долга, искренние порывы совести и правосознания, потребность в красоте и в духовном сорадовании ближнему, любовь к Богу и Родине — вот те непреходящие жизненные основы, которым трудоемкая работа сознания придает форму убеждений.

Каковы же признаки этих неотъемлемых качеств человеческой жизни?

Человека можно лишь тогда назвать духовным, когда он добровольно и самодеятельно стремится к объективному совершенству, нуждается в нем, отыскивает его и любит его. Тогда и к жизни он подходит с мерой подлинной Божественности: истинности, прекрасности, правоты, любовности, героизма. Но и это не все. Одухотворение лишь тогда достигает настоящей силы и цельности, «когда оно несомо полнотою (плеромою) глубокой и искренней любви к совершенству и его живым проявлениям».

Человек лишь тогда наполняется любовью, когда он обращен к жизненному содержанию приемлющим единением, посредством которого устанавливается живое тождество между приемлющим и приемлемым. Последнее при этом выражает чувство прощенности, примиренности, достоинства и свободы. Но и в этом случае любовь приобретает жизнеспособность в одухотворенности, в духовности, иначе она обращена в слепоту, пристраст-

ность, своекорыстность, подвержена опошлению и уродству. И тогда «добро есть **одухотворенная** (или, иначе, религиозно-опредмеченная...) **любовь**; зло — **противодуховная вражда.** Добро есть любящая сила духа; зло — слепая сила ненависти. Добро, по самой природе своей, религиозно,— ибо оно состоит в зрячей и целостной преданности Божественному. Зло, по самому естеству своему, противорелигиозно, ибо оно состоит в слепой, разлагающейся отвращенности от Божественного».

Не приемля толстовское учение о добре и зле, Ильин отвергает и учение Лютера, и иезуитские соблазны. Всему этому, как мы убедились, он противопоставляет такое решение вопроса, которое соответствует древнему духу Православия — противостоять злу можно только любовью. И в этой борьбе со злом преуспеет тот, кто посвятил себя религиозному и нравственному совершенствованию, готов к духовному воспитанию других, способен постоять за други своя — применить силу и меч.

Обратиться к идее силы и меча, конечно, заставила неотвратимость положения, в котором оказалась его любимая и несчастная Россия. Будучи человеком глубоко нравственным, искренне и горячо православным, Ильин не мог довольствоваться одними призывами и лозунгами сил, противостоящих поработителям России. И всю энергию, всю мощь своего таланта он не замедлил употребить на прояснение сугубо практического в тех условиях вопроса — «Смеет ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Смеет ли человек, религиозно приемлющий Бога, его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу силою и, когда необходимо, то и мечом?»

На поставленный вопрос Ильин отвечает так: меч и сопротивление злодеям силою не противоречат нравственному сознанию православного христианина, это сопротивление всегда остается «делом благим, праведным и должным».

Вместе с тем он не приемлет наивную попытку Мартина Лютера дать мечу абсолютное оправдание. Известно, что вдохновитель Реформации видел в мече поддержку и защиту мира, гарантию предотвращения бедствий; он полагал, что дело меча (война с ее убийствами и грабежами) есть «дело любви», «дело превосходное и божественное». Более того, сама убивающая рука, в которую вложен такой меч, «не есть уже более человеческая рука, но Божия рука, и это не человек, а Бог вещает, колесует, обезглавливает, убивает и воюет; все это — Его дела и Его приговоры».

Подобная трактовка, по мнению Ильина, никак не соответствует духу христианства: «Первобытная упрощенность этого рассуждения, навеянного иудейскими традициями Ветхого Завета, бросается в глаза». Лютер уничтожает черту, отделяющую правосознание от совести, целесообразное от совершенного.

Выступает Ильин и против более утонченной попытки дать абсолютное оправдание мечу, а заодно и любой неправедности, выдвигаемой некоторыми иезуитами. Последние так же, как и Лютер, опираются на ветхозаветное представление о Боге, в соответствии с которым Божество — это совершенство **силы**, а не **любви** и **добра.** Иезуиты не исключают, что Бог может поручить человеку совершение неправедных дел. Так, иезуит Бузенбаум, утверждая запретность преднамеренного и сознательного человекоубийства, делает исключение для того случая, когда оно будет «позволено Богом, Господином всяческой жизни».

Еще яснее и прозрачнее высказывает эту идею иезуит Алагон: «По повелению Божию можно убивать невинного, красть, развратничать, ибо Он есть Господин жизни, и смерти, и всего, и потому должно исполнять его повеление».

И. А. Ильин решительно отвергает подобную казуистическую постановку вопроса о сопротивлении злу силою. Он отмечает, что она исходит из расширительного толкования идеи «позволенности».

Эти заблуждения и предрассудки не одно десятилетие вели Россию к разложению и гибели.

Свою задачу Ильин видел в том, чтобы вскрыть ложные основы разрушительной идеологии. Противостоять им призвана «религиозная и государственная мудрость Восточного Православия и, особенно, Русского Православия». Есть и другая сторона этой задачи. Философ был идеологом Белого движения. И в ожидании, когда проглянут древняя мудрость и сила, не раз водившие наших предков, строившие Святую Русь, он обращается к белым воинам, носителям православного меча, добровольцам русского государственного тягла.

В письме к П. Б. Струве Ильин дал «маленький комментарий» к книге, рассчитывая, что пояснение будет способствовать лучшему усвоению ее идейного замысла. В ней можно выделить четыре части.

В первой раскрывается содержание понятий добра и зла, принуждения и насилия, понуждения и пресечения. Автор занят здесь «расчисткой дороги от мусора» — постановкой проблемы. Вторая часть — это «погребение набальзамированного толстовства». Третья — суть «разрешение проблемы — начало: **бей**, но когда? но доколе? но отколе? но кого? но зачем? но почему?». Наконец, четвертая часть — «разрешение проблемы — конец: **очищайся**, от чего? почему? для чего?».

И все же книга была задумана не как антитеза толстовству. В ней Ильин предполагал на основе евангельского нравственного учения дать решение одной из сложнейших проблем — допустимости силы в борьбе со злом, показав, что сопротивление злу силою не противоречит принципам нравственного

сознания православного человека. И он его дал. Своей книгой И. А. Ильин затронул самые чувствительные струны общественного сознания, не замедлившего отреагировать на ее появление.

III

Стоит специально остановиться на полемике, развернувшейся вокруг работы И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою». И до нее культурный мир по-разному воспринимал идеи философа и правоведа. Отнюдь не все представители религиозной философии разделяли его убеждения, соглашались с предлагаемыми им рекомендациями. Неприятие положений, развиваемых Ильиным, в частности, исходило из окружения Мережковских и Бердяева. Но эта книга Ильина явилась своего рода водоразделом, отчетливо обозначившим противостоящие стороны внутри русской эмиграции.

С этой книгой также связана и общественная деятельность Ильина, направленная на верную оценку происшедшего в России, на поиск путей ее возрождения и обновления. Поскольку и для нас, ныне живущих, не безразличны исторические уроки, уяснение роли одного из видных представителей русской культуры в этом процессе представляется несомненным и заслуживающим внимания.

Именно на основе осуществленного исследования Ильин сделал практические выводы из недавней русской истории. Некоторые из них он изложил в ряде публичных выступлений в начале лета 1925 года, а затем опубликовал статью «Идея Корнилова. Из речи, произнесенной в Праге, Берлине и Париже» («Возрождение» от 17 июня 1925 г.). Статья содержала упоминание о предстоящем выходе книги и знакомила с некоторыми ее идеями.

Высказав свое мнение о Лавре Георгиевиче Корнилове как о русском национальном герое, Ильин, однако, сосредоточил внимание не на его личности, а на идее Корнилова, которая Ильиным воспринималась как идея православного меча.

Одна из причин постигшего Россию несчастья уходит в неверное строение русского характера и русской идеологии. Сказанное он относит, главным образом, к интеллигенции. Особо вредные последствия вызвало учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу силою. Ильин писал: «Придавая себе соблазнительную видимость единственно-верного истолкования Христова откровения, это учение долгое время внушало и незаметно внушило слишком многим, что любовь есть гуманная жалостливость; что любовь исключает меч; что всякое сопротивление злодею силою есть озлобленное и преступное насилие; что любит не тот, кто борется, а тот, кто бежит от борьбы; что жизненное и патриотическое дезертирство есть проявление святости; что можно и должно предавать дело Божие ради собственной моральной праведности...»

Своим исследованием Ильин и ставил задачу «перевернуть раз и навсегда эту «толстовскую» страницу русской нигилистической морали и восстановить древнее русское **православное учение о мече** во всей его силе и славе...»

Отклики на выступления И. А. Ильина, а затем — на статью и книги последовали незамедлительно. Поскольку философ числился в лагере контрреволюции и белогвардейщины, отреагировала родина социализма. Причем именно статья советского автора была первой в многоголосом хоре критиков и отвергателей Ильина. И этим автором был небезызвестный Михаил Кольцов, опубликовавший в «Правде» (19 июня 1925 г.) статью «Омоложенное евангелие». Как не раз случалось раньше (да и сегодня), когда идеи русских писателей перетолковывались на иной лад, и на этот раз фельетонист приписал Ильину то, чего тот не говорил, ошельмовал русский патриотизм и обвинил его в том, что он совместно с Петром Струве проповедует «новейшей марки патентованное православие, с оправданием еврейских погромов, гражданской войны и белого террора».

Высказал свое мнение об идеях Ильина и Максим Горький. Правда, в печать оно попасть по каким-то причинам не успело, но в письмах к некоторым советским писателям — прозвучало. Так, в письме от 15 мая 1927 г. основоположник соцреализма делится с М. М. Пришвиным: «Профессор Ильин пишет, опираясь на канонические Евангелия, отцов церкви, богословов и свой собственный гниловатый, но острый разум, сочиняет Евангелие мести, в коем доказывается, что убивать людей — нельзя, если они не коммунисты» (Литературное наследство. Т. 70. М., 1963, с. 346).

Оставим эту критику. Ее авторов можно понять, хотя в отличие от многих и многих советских людей, лишенных правдивой информации, преследуемых за малейшую попытку получить достоверные сведения, они обладали этой достоверностью и пренебрегали ею ради иных идеалов.

Появились критические статьи и в эмигрантских изданиях, стоящих на разных политических позициях. И. П. Демидов, правая рука П. Н. Милюкова в эмиграции, опубликовал в газете «Последние новости» статью «Творимая легенда». В ней автор категорично отвергает идею священного меча и заявляет, что мораль, против которой выступает Ильин, — никакая не толстовская, а настоящая христианская, новозаветная.

Не осталась в стороне и газета А. Ф. Керенского «Дни», в анонимной статье поддержавшая Гиппиус в ее отповеди «лжефилософу, кликушествующему на страницах «Возрождения», г. Ильину». Были и другие статьи в других газетах.

Высказались и философы, некогда принимавшие активное участие в возрождении

русской религиозной философии в родном отечестве, фигуры весьма заметные как в дореволюционной России, так и в эмигрантском зарубежье — З. Н. Гиппиус, Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, Ю. Айхенвальд.

Особая злобность исходила из статьи Гиппиус «Предостережение», появившейся в «Последних новостях» 25 февраля 1926 года. Она призвала читателей «отнестись внимательнее» ко всем последним книгам Ильина. Как замечает Н. П. Полторацкий, Гиппиус возмутило не то, что революционерами-грабителями оказались большевики, а то, что якобы «уголовной бандой грабителей и убийц с их сообщниками оказывается — вся русская интеллигенция». Нет возможности приводить здесь непотребную брань, которой изобилуют высказывания Гиппиус в адрес русского философа. Надо полагать, нас ждут более основательные исследования творчества этого удивительного мыслителя, где будет сделан и более детальный разбор доводов его критиков.

Здесь же приведу еще один пример. Речь пойдет о статье Николая Бердяева «Кошмар злого добра» в издаваемом им журнале «Путь» (1926, № 4). В обширной статье, опубликованной в этом «органе русской религиозной мысли», известный философ ополчился с присущей ему язвительностью на работу Ильина. Даже Н. П. Полторацкий в своем развернутом анализе рассматриваемой полемики не нашел возможности привести все бранные суждения философа-свободолюба об Ильине.

Смысл его обвинений сводился к следующему: «Чека» во имя Божье более отвратительно, чем «чека» во имя диавола». Бердяев объявляет Ильина чуждым «лучшим традициям нашей национальной мысли», провозглашает его принадлежащим отмирающей эпохе «новой истории».

Не приводя никаких собственных аргументов, со статьей Бердяева солидаризировался Ф. А. Степун.

Выступление В. В. Зеньковского, критическое по отношению к книге Ильина, не содержало новых доводов — ему приписывались двойственность христианского сознания, противоречивость во взглядах Церкви на войну, кощунственность слов о «православном мече» и т. д. Все сказанное — в своих деталях и в целом — било мимо цели. Авторы критических высказываний будто сговорились — не замечать принципиальной позиции Ильина, конкретных обстоятельств и причин, послуживших основанием исследования, наконец, диалектического по сути способа разрешения жизненного противоречия, не имеющего окончательного разрешения ни в теоретической философии, ни в богословии.

Можно предположить: главное, что объединило критиков — это нежелание, неготовность принять упреки в адрес интеллигенции и тем самым осознать и разделить собственную ответственность за причастность к развалу России. Моральной готовности принять осуждение ни у религиозных философов, ни у бывших общественных деятелей времен февральской революции и Учредительного собрания не нашлось.

Книга И. А. Ильина, содержащая философское обоснование правомерности морального выбора,— не один русский человек стоял в послеоктябрьские годы перед такой необходимостью — не могла быть поддержана противниками русского Православия. Сам Ильин сгруппировал возражения идейных противников следующим образом: «Во-первых, мое воззрение противоречит христианству. А во-вторых, если оно не противоречит христианству, то теперь не своевременно об этом говорить. А если даже и своевременно, то, в-третьих, это «принижает достоинство философа».

Не вся эмиграция, однако, неодобрительно отнеслась к книге Ильина. Среди его слушателей и читателей было немало тех, кто разделял убеждения автора в ошибочности и вредности толстовского истолкования христианской любви.

Первым серьезным положительным откликом можно считать статью П. Б. Струве «Дневник политика» в газете «Возрождение» от 25 июня 1925 года. Подчеркивая, что Толстой имел мужество не признавать ни церковного учения, ни предания, Струве пришел к выводу, что Ильину «удалось поставить и в определенном смысле разрешить проблему противления злу силою».

Поддержали книгу также Б. Суворин, В. Арденский, П. Петропавлов, В. Х. Даватц, А. Билимович и другие. По мнению одного из рецензентов, одного лишь заглавия книги А. И. Ильина «было достаточно, чтобы страдающая застарелым прогрессивным параличом российская общественность зашипела и «вознегодовала» на талантливого автора...»

Особо следует сказать об оценке Н. О. Лосского, который в своей «Истории русской философии» в разделе, посвященном творчеству Ильина, подробно остановился на этой его работе и оценил ее в высшей степени положительно.

Конечно, не остался безразличным к развернувшейся критике и сам автор. Правда, наряду с содержательными ответами на те или иные критические доводы ему пришлось неоднократно указывать на недобросовестность оппонентов. Сам Ильин критические нападки воспринял не иначе, как гонение. Он пришел к убеждению, что «ни один из возражавших не читал» его исследования и что атака на его книгу была развернута по указке определенных центров, нашедших, что она чревата для них нежелательными последствиями.

Отмечая недопустимый для научных обсуждений тон статьи Бердяева, Ильин вынужден был прибегнуть к резкому ответу: «Статья г. Бердяева написана тоном патологического аффекта; он сам так публично и характе-

ризует свое собственное состояние как переживания «кошмара», «удушья», «застенка», «отвращения»... Проведя скрупулезный анализ выдвинутых Бердяевым обвинений, Ильин убедительно показал их полную надуманность. И в целом, говорит Ильин, публицистике Бердяева чужда умственная аскеза. И независимо от того, поносит ли что-нибудь Бердяев или, напротив, превозносит, предлагаемые оценки — его субъективные химеры. Вот почему «мудро будет поступать тот, кто будет читать и слушать его с крайней осторожностью».

Позволю себе заметить, что предупреждение и сегодня не утратило своей актуальности. Похоже, наше время бездумно унаследовало былую популярность Н. А. Бердяева. В свое время это был самый известный русский философ за рубежом. Ныне переиздание его произведений опережает все другие переиздания. Пойдет ли это на пользу нашему читателю? Сомневаюсь. Более того — уверен, что бердяевская философия уводит от истинного понимания традиционной философской мысли России, особенно в ее православной линии.

В адрес других оппонентов Ильин обращает следующие слова: «Подумайте только, русская интеллигенция девятнадцатого века гуманнее Апостола Павла и Преподобного Сергия, милосерднее Апостола Петра и любвеобильнее Патриарха Гермогена... И традиция наших великих святых, ныне мною выдвинутая, оказывается традициею «злого добра». Ученый не может себе позволить предательского гуманизма, которым становится малодушная гуманность, «как только трагическая борьба со злом ставит ее перед необходимостью совершить неправедность во имя любви»...

Обсуждение проблем моральной философии было продолжено Ильиным в других исследованиях, из которых здесь отмечу лишь «Аксиомы религиозного опыта». Эта книга — плод длительной работы — в двух томах вышла в Париже в 1953 году. Во втором томе автор специальный раздел «Трагические проблемы религиозного опыта» посвятил, в частности, проблеме зла и сопротивления ему.

* * *

В своем творчестве И. А. Ильин воплотил *«чудесные дары нашей России»*. Ему удалось показать и доказать, что духовная культура народа — это не почетное кладбище, не музей его достойных свершений, а полнокровная творческая жизнь, не прекращающаяся и в каждом из нас. Ильин не только рассказывает о России, он учит нас беречь ее духовное достояние, ее дары.

Каждой строкой своих трудов И. А. Ильин стремится способствовать нравственному оформлению науки, укреплению православной веры, опираясь на своеобразие нашего духовного опыта.

Насколько актуальны эти задачи, особенно остро чувствуем мы сегодня, переживая случившееся с нашей Родиной, отыскивая опору и надежду в час смуты, вновь посетившей Россию. Всем нам предстоит решать проблему русского национального возрождения, воссоздавать в полной мере и силе тот духовный уклад, который имел во владении русский народ. Вот почему творчество И. А. Ильина обладает ценнейшим качеством — оно помогает достойно пронести бремя даров и справиться с опасностями на нашем пути.

В своих книгах и статьях И. А. Ильин раскрывает национальную душу с ее религиозно-живой и религиозно-открытой стороны. Он показывает, как из глубин православия исходит и в сознании каждого верующего человека утверждается уверенность, что «священное есть главное в жизни», предостерегая тем самым от унижения и пошлости, к прискорбию, столь широко распространившихся в нашей жизни.

Поэтому всякий, лелеющий мечту и надежду избавиться и уйти от соблазнов окружающего нас распада, стремящийся одухотворить свое хрупкое и неустойчивое состояние, имеет возможность посредством трудов И. А. Ильина не только приобщиться к отечественной духовной культуре, но и получить уроки, идущие от его страдающей и верующей души; постигнуть и прочувствовать, что духовная культура есть «культура сердца, совести и чувства, есть культура созерцания, ви́дения; есть культура служения, самоотречения и жертвенности; есть культура веры и молитвы; есть культура храбрости и подвижничества».

И укрепимся в надежде, что эти уроки И. А. Ильина окажутся с Божией помощью по силам и нам!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Свидетельств о происхождении и годах детства и юношества будущего философа не так много. Они еще не вошли широко в исследовательский обиход биографов. Наиболее полные работы, касающиеся жизни и творчества И. А. Ильина, принадлежат Н. П. Полторацкому. Эти работы в значительной мере и послужили первоисточником в рассказе о философе.

[2] Следует обратить внимание на эту существенную деталь. В ней видится проявление той преемственности в отечественной философской мысли, которая позволяет говорить о творчестве И. А. Ильина как о завершающем звене в истории русской философии.

Игорь СМИРНОВ

Почему мы верим в Россию?

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей Родине, о России. Это естественно и неизбежно: эта скорбь не может и не должна нас покидать. Она есть проявление нашей живой любви к Родине и нашей веры в нее.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что **не иссякли благие силы русского народа**, что не оскудели в нем Божии дары, что по-прежнему лишь на поверхности омрачненное живет в нем его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы и отпадут, как засохшие листья. Они **перестанут видеть Россию в Боге и любить ее духом**; а это значит, что они ее потеряют, выйдут из ее духовного лона и перестанут быть русскими.

Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит — **воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность** и ее во всей вселенской истории **неповторимое своеобразие**, понимать, что это своеобразие есть **Дар Божий**, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов и требовать для этого дара — свободы и самостоятельности на земле. Быть русским значит **созерцать Россию в Божьем луче**, в ее вечной ткани, ее **непреходящей субстанции и любовью принимать ее** как одну из **главных и заветных святынь своей личной жизни.** Быть русским значит **верить в Россию так**, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть, и не прав Тютчев, что «в Россию можно только верить», ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидать ее земное величие и ее духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить.

Пусть не говорят нам, что Россия не есть предмет для веры, что верить подобает в Бога, а не в земные обстояния. Россия перед лицом Божьим, в Божьих дарах утвержденная и в Божьем луче узренная,— есть именно предмет веры, но не веры слепой и противоразумной, а веры любящей, видящей и разумом обоснованной. Россия, как цепь исторических явлений и образов, есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней **борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик.**

Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести, в его подвигах; не только в его войнах, но и в сокровенном смысле этих войн. И особенно — в том скрытом от постороннего глаза **направлении его сердца и воли**, которым проникнута вся его история, весь его омолитвованный быт. Мы должны научиться **видеть Россию в Боге** — ее сердце, ее государственность, ее историю. Мы должны по-новому — духовно и религиозно осмыслить всю историю русской культуры.

И, когда мы осмыслим ее так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь **предстоял Богу**, искал, домогался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божьими мерилами; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, душа его **всегда молилась и молитва** всегда составляла живое естество его духа.

Верить в Россию значит видеть и признавать, что душа ее укоренена в Боге и что ее история есть возрастание ее от этих корней. Если мы в это верим, то никакие «провалы» на ее пути, никакие испытания ее сил не могут нас страшить.

Естественна наша неутихающая скорбь о ее временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но неестественно уныние или отчаяние.

Итак, душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в Его земных явлениях: **в правде, праведности и красоте.** Когда-то давно, может быть еще в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлен приговором в сказке.

«Надо жить по-Божьи... Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу»... И на этом решении Россия строилась и держалась в течение всей своей истории — от Киево-Печерской Лавры до описанных у Лескова «Праведников» и «Инженеров-Бессеребренников»; от Сергия Преподобного до унтер-офицера Фомы Данилова, замученного в 1875 году кипчаками за верность вере и родине; от князя Якова Долгорукова, прямившего стойкой правдой Петру Великому, до умученного большевиками исповедника — Митрополита Петербургского Веньямина.

Россия есть прежде всего — живой сонм русских правдолюбцев, «прямых стоятелей», верных Божьей правде. Какою-то таинственной, могучей уверенностью они знали-ведали, что видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу; что делающий по Божьи побеждает одним своим деланием, строит Россию одним своим (хотя бы и одиноким, и мученическим) стоянием. И тот из нас, кто хоть раз попытался объять взором сонм этих русских стоятелей, тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему, когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: «Побойся Бога!» — а укоряя, произносит слова: «Бога в тебе нет!» Ибо имеющий Бога в себе носит в своей душе **живую любовь и живую совесть:** две благороднейшие основы всякого жизненного служения,— священнического, гражданского и военного, судейского и царского. Это воззрение исконное, древнерусское; оно-то и нашло свое выражение в указе Петра Великого, начертанном на Зерцале: «Надлежит пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всяк, творяй дело Божье с небрежением». Это воззрение выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божье. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей — и тех, что сражались за Россию, и тех, что освобождали крестьян от крепостного права (на основах, не осуществленных нигде в мире, кроме России), и тех, что создавали русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода.

Здоровая государственность и здоровая армия невозможны без чувства собственного духовного достоинства, а русский человек утверждал его на вере в свою бессмертную, Богу предстоящую и Богом ведомую душу: вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти — и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева.

Но здоровая государственность и здоровая армия невозможны и без верного чувства ранга. И прав был тот капитан у Достоевского, который ответил безбожнику: «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?» Творческая государственность требует еще **мудрости сердечной и вдохновенного созерцания**, или, по слову Митрополита Филарета, сказанному во время коронования Императора Александра II, — она требует «наипаче таинственного осенения от Господня Духа владычного, Духа премудрости и ведения, Духа совести и крепости».

Этим духом и держалась Россия на протяжении всей своей истории, и отпадения ее от этого духа всегда вели ее к неисчислимым бедам. Поэтому верить в Россию, значит принимать эти глубокие и великие традиции,— **ее воли к качеству, ее своеобразия и служения**, укореняться в них и уверенно строить на них ее возрождение. И вот когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому что мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живем ее **духом**, который вам чужд и недоступен. Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из коих каждое имеет свой особый вес и кои все вместе ведут нас в глубину нашей веры и нашей верности.

Мы верим в русский народ не только потому, что он доказал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и эко-

номически объединив одну шестую часть земной поверхности; и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племен — разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов («Герой нашего времени», глава I, «Бэла»); и не только потому, что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар;

и не только потому, что он, незащищенный естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все свои исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения;

и не только потому, что он создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлеченному парению,— язык, о котором Гоголь сказал: «Что ни звук, то и подарок, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи»... («Выбранные места из переписки с друзьями»);

и не только потому, что он, создавая свою особую национальную культуру, доказал — и свою силу творить новое, и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (Ломоносов);

и не только потому, что он выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и **неформальным** созерцанием права);

и не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе еще не оценены другими народами по достоинству, — ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце;

и еще не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемые богатства, надземные и подземные, которые обеспечивают ему возможность,— в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы,— отойти в глубь своей страны, найти там все необходимое для обороны и для возвращения отнятого расчленителями и отстоять свое место под Божьим солнцем, свое национальное единство и независимость...

Мы верим в Россию не только по всем этим основаниям, но, конечно, мы находим опору и в них. За ними и через них сияет нам нечто большее: народ с **такими дарами и с такой судьбой**, выстрадавший и создавший **такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории.** Он в действительности и не покинут Богом, уже в силу одного того, что душа его искони укоренялась и укоренилась в молитвенном созерцании, в искании горнего, в служении высшему смыслу жизни. И если временно омрачилось око его, и если единожды поколебалась его сила, отличающая верное от соблазна,— то страдания очистят его взор и укрепят в нем его духовную мощь...

Мы верим в Россию потому, что созерцаем ее **в Боге** и видим ее такою, какой она была **на самом деле.** Не имея этой опоры, она не подняла бы своей суровой судьбы. Не имея этого живого источника, она не создала бы своей культуры. Не имея этого дара, она не получила бы и этого призвания. Знаем и разумеем, что для личной жизни человека — 25 лет есть срок долгий и тягостный. Но в жизни целого народа с тысячелетним прошлым этот срок «выпадения» или «провала» не имеет решающего значения: история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают **возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил.** Так будет и с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и его религиозность. Изжившиеся запасы зависти, злобы и раздорливости отойдут в прошлое. И восстанет новая Россия.

Мы верим в это не потому, что желаем этого, но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся к **Божьему замыслу, положенному в основание** русской истории, русского национального бытия.

(1942 год?)

Святейший Патриарх Московский и всея Руси ***АЛЕКСИЙ II***

Заступница Усердная

Братья и сестры!

2 марта 1917 года Царица Небесная явила великую милость русскому народу, даровав ему Свою чудотворную икону «Державная». Ныне снова обретается сей чудотворный образ и занимает Промыслом Божиим уготованное место в намоленном многими поколениями православных верующих храме, воздвигнутом более трехсот пятидесяти лет назад в честь Казанской иконы Божией Матери. Здесь на протяжении столетий возносили горе́ свои сердца и молитвы наши предки, здесь они получали духовное утешение, укрепление и благодатную помощь от Господа и Пречистой Его Матери.

Первое обре́тение иконы Божией Матери «Державная» произошло в трудный период в истории нашей страны. Также и второе обре́тение сего честно́го и чудотворного образа происходит в переломное для нашего Отечества время. В сложные периоды истории нашей страны и Церкви Господь для утешения, ободрения и укрепления подает нам духовные радости и милости, ниспосылая нам святыни, к которым люди Божии прибегают с упованием и надеждой на благодатную помощь и предстательство Царицы Небесной. И только так мы рассматриваем второе обретение и возвращение чудотворной иконы Божией Матери в Казанский храм в Коломенском. Так мы понимаем обретение святых многоцелебных мощей угодников Божиих, последнее обретение мощей преподобного Серафима Саровского — молитвенника и печальника земли Русской; подвижника, который в период своей земной жизни был близок к народу, который утешал всех, приходивших к нему, который был носителем благодати Духа Святого, носителем радости о Воскресшем Господе Иисусе Христе. Этой радостью, этой благодатью Божией он делился со всеми. И сегодня, явлением его мощей, эта радость передается нам. Ею мы должны укрепляться в трудностях, в скорбях, которые переживаем вместе со всей державой нашей, со всем Отечеством.

Отечество наше мы всегда называли домом Царицы Небесной. Сколько храмов было построено на Русской земле в честь Пречистой Девы Богородицы, не счесть. Великое множество святых, намоленных и чудотворных икон явлено на Святой Руси, и от них люди Божии получают и утешения, и чудотворения, и благодатную помощь. И мы верим, что во втором явлении — точнее в возвращении — святыни является нам зна́мение благодатного присутствия Царицы Небесной с нами. Возложим свое упование на Ее благодатное предстательство, и наши надежды, вера и упование — не посрамят.

Царица Небесная, верим, сохранит и Отечество наше и дарует народам земли дух мира и братолюбия, терпимости и благоразумия. История свидетельствует: множество бед на Руси проистекало именно от разделения. Когда разделялся народ, разделялось Отечество — приходили беды. Когда Отечество объединялось, а объединялось оно вокруг духоносных мужей, которые собирали народ и страну,— страна выстаивала, несмотря на трудные испытания, выпадавшие на ее долю. И наша задача сегодня — объединяться, смотря в будущее и памятуя, что в единении — сила, в единении Святой Церкви Христовой и вокруг Нее. Сила — в единстве народов, которые на протяжении веков жили вместе, не проявляя ни вражды, ни нетерпимости. И вот, наша общая задача — преодолевать накопившуюся в последние годы и десятилетия нетерпимость, вражду и рознь. Если мы преодолеем это, то выстоим, сохраним и Церковь, и Отечество наше для грядущих поколений,

---

Слово, сказанное Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в Казанском храме в Коломенском (Москва) 15 марта 1991 года, в день празднования иконе Божией Матери «Державная».

для будущего. И мы видим знамения милости Божией в возвращении чудотворных икон и святых мощей — народных святынь, которые всегда являлись в трудные годины испытаний, чтобы поддержать Святую Русь, чтобы мы все могли черпать благодать Господню из духоносных источников и этим укрепляться.

Этот святой храм тоже построен в честь нашей народной святыни — Казанской иконы Божией Матери. *Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго,*— обращаемся мы к Царице Небесной,— *всех нас заступи, о Госпоже, Царице и Владычице.* Сегодня, как никогда, должны быть близки нам эти слова. Пусть найдут они в наших сердцах живой отклик, обратят наше моление к Божией Матери, да хранит Она всех нас в мире, взаимопонимании и терпимости, да умножит среди нас любовь Христову, которую, к сожалению, наше общество все более утрачивает. Мы же, православные, должны являть пример умножения любви. *Тако да просветится свет ваш пред человеки,*— говорит Господь,— *яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего иже на небесех* (Мф. 5, 16). О христианской вере нашей, о том, что мы истинные последователи Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, должна свидетельствовать прежде всего жизнь наша. Имеющих в себе любовь ко Христу Господь укрепит по молитвам Царицы Небесной и святых угодников Божиих, предстоящих у Престола Живоначальной Троицы, Которой подобает слава во веки. *Аминь.*

Коломенская икона Божией Матери «Державная»

Державная икона Божией Матери явила себя русскому православному народу 2(15) марта 1917 г.— в день отречения от престола императора Николая II — в селе Коломенском близ Москвы. Явление иконы не было неким обновлением, но просто обнаружением старой иконы в подвале церкви Вознесения в селе Коломенском. Настоятель храма, отец Николай Лихачев, по настойчивой просьбе крестьянки Евдокии Адриановой занялся вместе с ней поисками иконы Божией Матери. Адриановой, жительнице деревни Перервы, было трижды в тонком сне открыто, что есть позабытый образ Богородицы, через который отныне будет явлено небесное покровительство Царицы Небесной русскому народу. Она ясно слышала слова: «Есть в селе Коломенском большая черная икона, ее нужно взять, сделать красной, пусть молятся».

Настоятель храма, к которому обратилась Евдокия, не возбранил ей осмотреть все иконы в церкви, сопровождая ее, но, вероятно, вначале доверия к ее сну не имел. Не нашедши ничего похожего в храме, отец Николай предложил посмотреть иконы, находившиеся в подвале церкви, по разным причинам сложенные там. Среди тех икон выбрали самую большую, покрытую вековой пылью. Решили омыть эту запыленную икону, и, к удивлению всех, на ней ясно выступило изображение Божией Матери, сидящей на троне. По мере приведения иконы в порядок обнаружилось, что Младенец Христос на коленях Божией Матери простер благословляющую руку. Владычица имела в одной руке скипетр, в другой — державу (знаки царской власти над миром), а на голове Ее была корона. Красная мантия, или порфира, на плечах Божией Матери была на зеленой подкладке. Зрелище казалось потрясающим: при необыкновенно суровом лике Богоматери Она имела царственный вид — все указывало на то, что Владычица отныне принимает на себя особое попечение о многострадальном русском народе.

Адрианова признала в этой иконе виденную ею во сне. Священник сейчас же отслужил молебен с акафистом перед обнаруженным образом Божией Матери, а Адрианова со слезами благодарила Владычицу, помогшую ей найти икону.

Слух о вновь найденной иконе быстро распространился не только в селе Коломенском; богомольцы стекались в церковь Вознесения из Москвы и других мест, получая от Божией Матери благодатную помощь.

Икону возили в тот год на фабрики и заводы, а также и в другие церкви, только по воскресным и праздничным дням она оставалась в селе Коломенском. Побывала она и в Марфо-Мариинской обители в Москве, где была встречена святой великой княгиней Елизаветой Феодоровной и другими сестрами с большим торжеством.

По некоторым сведениям установлено, что Державная икона Божией Матери до 1812 года принадлежала Вознесенскому женскому монастырю в Москве. В год нашествия Наполеона на Москву она была спрятана в селе Коломенском и, вероятно,

оставалась забытой там в течение 105 лет, пока не явила себя в положенное Господом Богом время. Ведь икона эта обнаружилась в совсем особое время — в начале русского лихолетья. День ее явления совпал с днем отречения от престола последнего царя, а царственный вид иконы, скипетр и держава, словно подчеркивают, что Владычица приняла на Себя и опеку, и окормление верных чад Церкви Российской. Знаменательна и алая порфира Богоматери, словно отражающая цвет крови...

Служба и акафист Державной иконе Божией Матери составлены с участием Святителя Тихона († 1925).

Обретенная икона находится в храме в честь Казанской иконы Божией Матери, что в Коломенском.

Празднование в честь Державной иконы совершается 2 марта.

Преподобный Ефрем Сирин

Слова умилительные

Встав очень рано, ходил как-то я с двумя братиями вне благословенного града Едессы, возвел очи свои на небо, которое подобно чистому зеркалу со славою осиявало звездами землю, и в удивлении сказал: «Если звезды сияют с такою славою, то кольми паче праведные и святые, сотворившие Божию волю, в тот час, когда приидет Господь, воссияют неизглаголанным светом спасительной славы».

Но вдруг, при воспоминании о страшном Христовом пришествии, содрогнулись кости мои, и ощутив смущение в теле и душе, заплакал я с сердечною болью и сказал, воздыхая: «Каким я, грешник, окажусь в этот страшный час? Как предстану Престолу страшного Судии? Как мне, рассеянному, иметь место с совершенными? Или как мне, козлищу, стать с овцами одесну́ю Христа? Или как мне, бесплодному, оказаться в числе святых, сотворивших здесь плод правды? Или что мне делать, когда святые узнают друг друга в небесном чертоге? Кто меня узнает? Праведные будут в чертоге, нечестивые в огне. Мученики покажут свои муки, подвижники свои добродетели, а я что покажу, кроме слабости своего нерадения? О душа рассеянная, душа грешная, душа бесстыдная, душа, ненавидевшая всегда жизнь свою! Долго ли развлекаясь пресмыкаться тебе по земле? Долго ли увлекаться тебе худым навыком к лукавым помыслам? Не знаешь разве, что худые помыслы ежечасно стоят перед тобою, как темное облако, и препятствуют тебе трезвиться пред Богом? Чего ждешь ты в нерадении своем, пока коснит (медлит.— *Ред.*) прийти Небесный Жених? Но Он не коснит, несчастная; напротив того, как страшная молния с небес будет пришествие Его. Постарайся оказаться готовою в этот страшный час, чтоб не плакать там в век века. Вовсе не обращай внимания на падения других, оплакивай свои беды. Не смотри на сучец, иже во оце брата и ближнего, но думай всегда о своем бревне (Мф. 7, 3.4). Если в состоянии будешь вынуть сперва бревно из своего ока, то вынь и сучец у брата и ближнего. А если не в состоянии, то оплакивай ужасную свою слепоту. Как тебе думать, что сообщишь свет ближнему? Будь ежечасно врачом самой себе, душа, тогда только уврачуешь недужного брата своего. У тебя нет предлога к твоему нерадению, потому что Святый Бог дал тебе все: рассудок, разумение и духовное ведение. Уразумевай полезное.

За нерадение свое плачу я о себе. Благий Бог даровал нам просвещение ведения, а я день за днем отвергаю оное. Если бы исполнял я волю Господню, то блажен был бы в час тот, и не я один, но блаженны были бы все, творившие волю Господню. Посему-то не будет там у нас оправдания, потому что все грешим, имея ве́дение. Все мы познаем Божий Промысл и все дары, какими ущедрил нас благий Бог. Благодать Его во всякое время часто посещает сердца наши и, если находит себе упокоение, в душе, то постоянно в ней обитает, если же не находит чистого сердца,

тотчас отступает. Но щедроты всеблагого Бога снова побуждают ее снизойти и посетить нас грешных — потому что все мы изменяемы по произволению, но не по природе — всегда рассеянных и слабых, завистливых и лукавых, часто думающих друг о друге худо, исполненных лукавыми помышлениями и всегда, как в ужасную тину, погруженных в помыслы. Когда благодать приходит посетить нас и встречает в сердцах наших зловоние нечистых помыслов, то тотчас отступает, не находя себе входа, чтобы вселиться и обитать в нас, и разве только светоносною сладостию своею производит впечатление на сердце, чтобы ощутил человек, что благодать посещала его, но не нашла себе входа, чтобы таким образом усладившись озарением благодати, взыскал он ее. Впрочем, сама благодать не может совершенно отступить от нас, потому что собственным своим милосердием побуждается всех миловать. Видишь ли Промысл Божий? Видишь ли милосердие Христово? Видишь ли, как Бог всегда любит нас и хочет, чтоб спаслись мы? Блажен человек, который всегда старается уготовить благодати чистое сердце, чтобы нашла она благоухание добродетелей и святыню души и обитала в ней в век века.

Итак, чем воздадим Милосердному Богу за все сии блага и дары, за то, что снисшел Он с небес от Отца и ради нас воплотился и принял крестную смерть? Если бы и тысячи лет жили мы на земле, ничем не могли бы воздать Богу за сию Его милость. Того боюсь я (ибо в точности знаю нерадение свое), чтобы все видящие меня и ублажающие лживое мое благоговение не оплевали меня там, когда увидят меня горящим в огне.

Пощади, милосердый Господи, Христе Спасителю, Сыне Единородный, пощади непотребного раба Твоего, чтоб не оказаться мне там предстоящим судилищу в страхе и великом стыде, не стать позором для зрителей — Ангелов и человеков. Но здесь, Спаситель мой, накажи меня как чадолюбивый, сердобольный Отец, а там прости как Единый Безгрешный Небесный Бог. Ибо, если здесь, Спаситель, не вразумишь несчастного и не дашь ему сердечного озарения, чтоб ежедневно без стыда приносил покаяние во грехах своих, что там делать ему, не имеющему оправдания? Угодно было Тебе, Владыка, по великим щедротам Твоим, даровать мне жизнь, и родившись по милости Твоей, сподобился Я, недостойный, стать сосудом Твоей благодати и добрыми гуслями, благозвучно источающими всегда для всех слушающих словеса спасения. Но, получив это, я, слабый и грешный, по лености отказал в воздаянии за благодать. Подавай мне благодать Свою, и пусть в устах ленивого звучат божественные сладкопения. Как угодно было благодати, так озаряла она омраченный ум, чтобы возвещал я сии словеса. Посему опять припадаю к благодати Твоей, Единородный Сыне Спасителю душ наших: как здесь благодать Твоя на всякий час была озарением, покровом и защитою, убежищем и радостию для меня, недостойного, так и там, о Спасителю, под крылом ее да укроюсь я от Страшного Суда и в Царствии Твоем ущедренный благодатию, спасенный милостию, стану одесную, воспевая и прославляя долготерпение Твое, Пречистый Создатель, потому что не презрел Ты слез непотребного и грешного раба Твоего.

* * *

Сокрушайся, душа моя, сокрушайся о том, что все блага, полученные тобою от Бога, ты не сохранила. Сокрушайся о всех злых делах, которые совершила ты. Сокрушайся о всем том, в чем долготерпелив был к тебе Бог. Сокрушайся и кайся, чтоб не предали тебя в тьму кромешную. Кайся, бедная душа, чтоб не посрамиться тебе пред страшным судилищем Христовым. Увы мне, грешнику, осквернившему чистоту сердца. Мое нерадение и моя леность помрачили дерзновение сердца моего. Лукавая похоть, как властелин рабу, дает мне приказания, и я тотчас со страхом повинуюсь: она вводит меня в заблуждения, и я нахожу в том удовольствие.

И кто восплачет обо мне или утешит меня? Только Сам Спаситель мой, по свойственной Ему благости, призрел на меня отчаянного. Горе мне, грешнику, потому что я изъязвлен! Горе мне, потому что Ты, Владыка,

сотворил меня чистым, а я, по нерадению своему, осквернил себя грехами! Будучи равночестен Ангелам, сам себя умалил я. Умножились беззакония мои, Господи, и нет им конца. Как буду умолять Тебя, Спаситель мой, если уста мои исполнены злоречия? Как буду песнословить Тебя, если совесть моя осквернена? Как возлюблю Тебя, если исполнен ненависти? Как будет обитать во мне истина, если я вооружился ложью? Как призову Тебя, если не соблюл заповедей Твоих? Но Сам Ты, будучи совершен, не призри меня, ничтожного, не отрини меня, мерзкого, не оставь меня, безнадежного. Ибо врагу моему весьма приятно видеть, что я впадаю в отчаяние, тем только и увеселяется он, что надеется увидеть меня своим пленником. Но Сам Ты милосердием Своим посрами его надежду, исхити меня из зубов его, избавь от злохитренного умысла и от всех направленных им против меня сил!

Всех, кого удручает совесть о непотребных делах, умоляю: не отчаивайтесь, не доставляйте радости своему сопернику, но без стыда приступите к Богу, плачьте пред Ним и не теряйте надежды. Ибо Господь наш весьма рад видеть нас кающимися и ждет обращения нашего. Он говорит: *по всех сих ко Мне обратися* (Иер. 4, 7). И еще в Евангелии призывает: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Посему никто да не отчаивается, хотя и согрешил. Бог *взыскающим Его мздовоздаятель бывает* (Евр. 11, 6), а кто отвергает Его и не кается, к тем строг.

Каким же путем может человек искать Его и найти? Прежде всего должен возгревать в сердце любовь к братиям, ибо сказано: *Бог любы есть* (1 Ин. 4,16). Посему, если кто приобрел любовь, то приобрел он Бога, если кто стяжал смиренномудрие, то подобен он Христу, а кто не смиренномудр, тот чужд Христу. Если кто приобрел послушание, то подражает он Богу, а кто прекословит, тот чужд Христу. Если кто покоряется начальнику, то подражает он Ангелам; а кто непокорен ему, тот в свойстве с диаволом. Если кто любит истину, то он истинно друг Христов, а кто любит ложь, тот ученик диавола. Если кто любит брата своего, то возлюблен он Богом, а кто ненавидит брата своего, тот ненавистен Богу. Если кто клевещет брату на брата, то осуждается он с диаволом, а кто страждет за брата, тот наследник Христов. Если кто гнушается поползнувшимся в грех, то сам себя осуждает он, а кто сострадает падшему и соболезнует о нем, тот душу свою делает чистою. Если кто гордится или надмевается, как человек, преуспевший в жизни и почитающий себя совершенным, то потерял он труд и не получит награды; а кто старается по смирению скрывать свои добрые дела, тот возвышен будет Господом и получит от Него награду. Если кто хвалится успехами, или кичится, то он падет, а кто уничижает себя и умаляет, тот возводит себя на большую высоту. Если кто скоро приходит в гнев, или раздражается, то он вне правды Божией и Христос не водворяется с ним; а кто приобрел крепость и возлюбил скромность, тот — жилище Духа Святого. Если кто отвращается от прегрешившего брата, то он в заблуждении и в мыслях у него тщета, а кто из любви сострадает ему, тот совершен в добродетелях. Если кто отвращается брата странника, то Бог отвращается от такового; а кто принимает его с любовью, того приемлет Бог. Если кто находит удовольствие в постройке заведений и домов, то старается он лишить себя вечных благ; а кто домогается духовного и подвизается для сего, тот познает сладость вечных благ. Если кто любит нарядные одежды, то не облечен он божественною ризою; а кто прикрывает себя власяницей, тот имеет попечение облечься в духовную ризу. Если кто во время молитвы и псалмопения нерадив или рассеян, то раздражает он Бога; а кто с усердием и прилежанием услаждается псалмопением, тот приобщается Святого Духа. Если кто не трудолюбив в извлечении пользы из Писаний и в чтении их и не читает их с любовию, то он — бесплодное дерево, а кто прилежно испытывает Писание, тот приносит сугубый плод, *яко древо, насажденное при исходищих вод* (Пс. 1, 3). Если кто во время, отведенное для ночных молитв, услаждается сном, то явным образом человек он плотский, а не духовный, а кто усердно при-

нуждает себя к бдению, тот с любовью ищет Христа. Если кто множит пустые речи, то мерзким себя делает он пред Богом и людьми; а кто приучает себя к молчанию, тот прославляет Бога и многими будет любим. Если кто из братий имеет избытки и не дает беднейшему, то он чужд святыни и благами его насладятся другие; а кто помогает впавшим в нищету, тот наследник небесного царства. Если кто, будучи силен и здоров, превозносится пред немощными и смиренными, то проклят он Богом и услышит от Него слова: *всяк возносяйся смирится* (Лк. 14, 11), а кто немощным вспомоществует и сострадает, тот услышит от Господа: *понеже сотвористе единому сих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40). Если кто возмущает братий, клевеща одному на другого, то ненавистен он Ангелам и человекам, а кто успокаивает гневных и опечаленных, тот *сыном Божиим наречется* (Мф. 5, 9). Если кто презирает пост и выполняет волю и пожелания плоти, то нет в нем чистоты и невинности, а кто изнуряет себя постом, тот делатель всякой чистоты, целомудрия и невинности. Если кто услаждается многоядением и яствами, то явно раболепствует он духу чревоугодия, а кто посвятил себя воздержанию и им себя обуздывает, тот легко преодолеет страсти и помыслы. Если кто находит удовольствие в свиданиях с женщинами и с ними бывает весел, то раболепствует он лукавым страстям и не имеет мира с совестью, а кто бегает сих свиданий и удаляется от подобного навыка, тот в мире с совестью. Если кто услаждается плотским благородством и надеется на оное, то не посвятил он себя Богу, но играет помыслами и сам служит их игралищем, а кто удаляет себя от родственников по плоти и не имеет к ним пристрастия, тот истинно отрекся от мира и служит Богу. Если кто, получив приказание, ропщет, то явным образом лишается награды за послушание, а кто с готовностию выполняет приказание, тот сохраняет светлую лепоту души. Если кто, когда подают ему совет, отвращается и, осуждая советника, безумно восстает против него, то отталкивает он от себя Христа и остается без всякой пользы. Такими мыслями все мы, братия, должны украшаться и вооружаться. Потому будем внимательны к себе самим, возлюбленные мои братия, чтоб чрез плотские страсти не лишиться нам вечных благ.

Увы мне! Какие утехи и какое наслаждение уготованы нам, и нет подвизающегося, нет вожделевающего! Напротив того, предпочитаем мы настоящее, временное, непостоянное, а вечных оных благ и на мысль себе не приводим. Какое ослепление! Какой вражий обман! Увы мне! Какие мучения уготованы в наказание подобным мне грешникам, живущим нерадиво, и нет боящегося и трепещущего, но как бы пустословием почитаем внушаемое нам, увеселяясь страстями тела, потому что связаны мы ими, как железными цепями, и нет противоборствующего, но связываемые радуемся! О всегубительные козни нечистого змия! Как помрачил он умы всех, чтоб думать нам превратно и вредное возлюбить паче будущих благ.

Итак, приидите, братия мои, приидите отцы, приидите, рабы Христовы, сокрушим сердца свои и будем день и ночь плакать пред Господом. Приидите, напомним себе оный час и неотвратимую нужду и в сокрушении прольем слезы. Приидите, воспомянем неизреченные и неописуемые оные блага и сокрушимся. Приидите, воспомянем престол Всесильного и Праведного Бога и тот страх, ужас и стыд, какой ожидает нас пред оным, и восплачем о себе. Приидите, напомним себе, братие, *как праведники просветятся, яко солнце* (Мф. 13, 43), а грешники окажутся подобными саже на горшке и, сокрушившись сердцем, возревнуем о добрых делах. Приидите, братия мои, и любовию утвердим себя в страхе Божием, чтоб сподобиться нам вечных благ. Приидите, в сокрушении и в простоте сердца припадем к Богу, потому что Он благ и милосерд и спасает кающихся. Посему будем умолять Его, чтоб ввел нас в царство Свое, Ему же подобает слава во веки! Аминь.

(Печатается по изд.: Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. Ч. 1. Сергиев Посад, 1895, с. 207—215)

Святейший Патриарх Сергий (Страгородский; † 1944)

Отношение православного человека к своей Церкви и инославию

Истина христианства в том состоит, что оно не есть лишь теория, человеческая догадка о бытии, о Боге, о происхождении мира и человека и о целях их бытия, или система, развитая умом человека из данных посылок, а есть описание действительной жизни, от века бывшей в Боге и принесенной в мир Иисусом Христом. Поэтому догматы для православного христианина всегда были и должны быть догматами благочестия, метафизической основой его нравственной жизни, должны утверждать собою указания праведной христианской совести и, в свою очередь, находить в ней для себя удостоверение и опытное пояснение. Идеальный христианин, следовательно, в своем богословствовании всегда исходит из своего внутреннего опыта и уверен в истине свободно, на том основании, что непосредственно сознает, опытно участвует в этой истине. Внешнее рассудочное признание бытия Божия присуще и бесам (ср.: Иак. 2, 19), но истину Божественной жизни постигает, чувствует только тот, кто ее переживает. Конечно, источник жизни не внутри самого человека, в нем постоянно живет грех, начало, отрицающее Божественную жизнь; поэтому внешнее посредство получения истины необходимо для каждого отдельного человека. Священное Писание и Церковь и для него являются свидетелями истины, но верит он этим свидетелям опять-таки свободно, не так, чтобы исторические и другие выводы принуждали его признать этих свидетелей заслуживающими доверия, а потому, что в своем собственном опыте духовном, в своей совести он находит прямое и непосредственное отражение той истины, которую ему Церковь и Священное Писание предлагают. «Церковь,— говорит Хомяков,— не авторитет, как не авторитет Бог, не авторитет Христос; ибо авторитет есть нечто внешнее для нас. Не авторитет, говорю я, а истина и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его; ибо Бог, Христос, Церковь живут в нем жизнью более действительной, чем сердце, бьющееся в груди его, или кровь, текущая в жилах его; но живут, поколику он сам живет вселенскою жизнью любви и единства, то есть жизнью Церкви». Не нужно христианину восходить на небо или спускаться под землю, чтобы там найти своего Христа (ср.: Рим. 10,7); он верует в Него, потому что постоянно убеждается, что Христос *дает ему жизнь и дыхание и все* (Деян. 17, 25)...

Всякий представитель инославия, как бы далек он ни был от [Православной] Церкви, всегда останется для [православного] христианина объектом духовного попечения. Христианину свойственно *всем быть вся* (1 Кор. 9, 22), признавать самую последнюю крупицу истины, если она есть у человека, чтобы посредством этой крупицы быть понятным своему противнику и *спасти хотя некоторых* (1 Кор. 9, 22). Но такое возвышенное настроение составляет лишь идеал, на практике редко осуществимый. Большинство людей лишь отчасти живут по вере и лишь отчасти принадлежат Церкви. Внутреннее чувство истины поэтому не слышно им с такой непосредственной ясностью, и вера для них — нечто внешнее, некоторое правило, наложенное на их волю. Поэтому и отношения их к своей вере и Церкви не будут так живы, а вместе с тем и отношение их к инославию будет уже не то. Сообразно со своим духовным складом, следуя своим симпатиям и пр., такие полуцерковные люди могут быть настроены или консервативно, или либерально.

Консерваторы всегда верны своему вероисповеданию. Но это не церковность истинного христианина,— это лишь полугражданская верность своему знамени, лишь конфессионализм. Человек держится данного вероучения не потому,

что внутренне постиг его истину, а просто потому, что к данному исповеданию он почему-либо принадлежит. Происходит такое, в сущности, самопротиворечивое явление именно оттого, что человек не живет по вере и потому опытно не ощущает ее истинности. Прямым выводом отсюда было бы отпадение, но этого не бывает или потому, что духовная косность мешает человеку видеть внутреннее противоречие его жизни, или потому, что ему страшен грозящий неизбежно, в случае последовательности, безотрадный скептицизм, безверие. Ярким примером такого полуверия, внешнего послушания вере без внутреннего ее постижения может служить известный католический ученый XIV века Оккам († 1349). Как истый номиналист, он признавал, что общие понятия (а следовательно, и понятие о Боге, о происхождении мира и под.) суть только формы человеческого мышления, и потому, оперируя ими, человек никогда не придет к познанию истины; доказанное рассудком может быть истинным в той же мере, как и прямо ему противоположное. Отсюда Оккам неожиданно приходит к признанию безусловной истины Священного Писания и Церкви! Не имея познания истины и даже наперед отказываясь от понимания ее, Оккам как бы хочет ограничиться лишь тем, что ему будет велено признать за истину. Таково в сущности духовное состояние и всех вообще конфессионалистов: не имея в себе истины, они принуждены определять ее буквой внешнего, со стороны данного свидетельства, и, конечно, никогда в полном обладании ею не будут. Положение таких людей пред лицом иноверия весьма непрочно и неуверенно. Одно умственное и, в некоторой степени, насильное признание той или другой истины, без внутреннего переживания в себе, без осуществления в жизни, никогда полной уверенности и спокойствия духа не даст. Человек всегда будет опасаться за прочность столь легко ему давшейся веры и столь случайно обоснованного убеждения. Поэтому всякая новая мысль, а тем более прямое отрицание его официальной веры будет ему страшно и, как страшное, ненавистно. Вместо пастырской благожелательности у такого человека в отношении к инославию будет господствовать фанатизм, желание прогнать и уничтожить, прежде чем доводы противника поколеблют нетвердые основания его полуверы. С другой стороны, нельзя ожидать от таких людей желания как-нибудь войти в положение инославных, открыть в них что-нибудь хорошее и посредством этого найти для них мост к истине. Сам не разумея сердцем истины и зная ее только по внешним признакам, человек, конечно, не может и другого исповедания оценивать иначе, как только совне: согласно оно с буквой Православия или не согласно. О большем он не спрашивает. Типичным примером такой узкой, нерассуждающей полемики может служить полемика схоластическая, а в особенности в католичестве...

Противоположность конфессионализму составляет либеральный индифферентизм, то есть безразличие к вероисповедным особенностям, все-де веры одинаковы. Но противоположность эта, скорее, видимая, поверхностная,— в сущности и это направление мысли выражает то же самое духовное состояние, то есть такую же только внешнюю, половинчатую принадлежность Церкви. Люди этого лагеря также видят в вероучении своей Церкви только свод сухих формул без осязательного содержания. Они также не знают живой истины своей Церкви и, следовательно, также в глубине своей души, незаметно для себя, заражены сомнением или отрицанием. Разница от консерваторов только в том, что фанатизм (odium teologicum), которым страдает лагерь консервативный, этим либеральным людям не свойствен. Поэтому и отношения их к инославию более мягки, чем отношения лагеря консервативного, то есть более последовательны и искренни: неуверенные в глубине души в своем вероисповедании, они не пытаются навязать его другим, не делают из догматов предмета спора или причины разделений. Некоторые из них, по настроению своему менее отвлеченные или более мягкие душой, чуждаясь догматов или не понимая их, не перестают интересоваться христианством, или, собственно говоря, судьбами христианского общества. Их болезненно поражают происходящие в этом обществе вероисповедные разделения, взаимная ненависть между последователями Христа. Полемика, чуждая познания истины, бесплодно играющая никому не понятными и не-

нужными формулами и ненавидящая противников, дает этим мягким людям много поводов считать себя справедливыми. И действительно, они как будто справедливо говорят, что разделения не свойственны обществу любви — Церкви Христовой, особенно разделения из-за таких отвлеченностей, в которых не уверены и сами защищающие их. Дело богословской науки, по их мнению, должно состоять не в том, чтобы отстаивать тонкости и, таким образом, все более и более углублять бездну, разделяющую спорящих, а, напротив, в том, чтобы как-нибудь их примирять, указать им их общую почву в исполнении закона Христова, напомнить им, что христианство не философия школьная, не схоластика, а жизнь. Как протест против бездушной полемики ортодоксальных протестантов XVII века, это направление началось среди протестантов, более благомыслящих; именно в этом духе первый начал писать протестантский богослов Георг Калликст († 1656). В католическом мире следы такого направления можно видеть в сочинениях знаменитого Боссюэта. Немало представителей этого направления и в настоящее время. Ученые эти свою задачу поставляли в том, чтобы всячески содействовать делу единения христиан и миру церковному. Задача, конечно, великая, и цель деятельности вполне христианская, святая, но дело в том, что, не имея в себе сознания христианской истины, люди этого лагеря и самое дело единения ставят на совершенно ложную почву. Они стараются всячески сгладить, стушевать существующие разности между исповеданиями, представить их неважными, случайными. Некоторые в этом доходили до того, что, вслед за Ришелье, говорили, что, например, «даже в учении об оправдании совершенно нет никакого различия между католиками и протестантами». Из вполне законного стремления к «соединению всех» получилось, таким образом, совсем неправильное воззрение на догматическое учение, как на нечто несущественное для спасения, как на нечто условное, обязанное своим происхождением мнениям человеческим. Направление это, конечно, всего более естественно в протестантстве, где так много разделений и так легко они возникают. Что бы ни говорил протестант об авторитете Священного Писания и прочем, а все-таки дело веры для него есть дело личного убеждения. Можно ли это частное достояние делать меркой для других? Как бы ни был искренний протестант верен своему исповеданию, своей частной Церкви, он не может забыть, что и она есть дело людей, что и в ней нельзя видеть безусловной истины. «Была ли,— спрашивает Неандер,— Церковь где-нибудь в вполне здравом состоянии? Это могло бы иметь место только там, где не было бы мути греха. Во всех различных формах христианства мы должны уметь различать образ одного Христа — затемненный, может быть, более, может быть, менее,— разнообразные преломления одного Божественного луча». Если же в мире нельзя найти вполне полного и верного выражения Христова учения, тогда каждому приходится выбирать только то, что ему более по душе, уже не справляясь особенно внимательно, насколько истинна данная форма; он ищет уже не истины, а только «наибольшего удовлетворения» своей религиозной потребности. О вкусах же, конечно не спорят».

Особенно отличается таким направлением Церковь Англиканская: самый состав ее и положение заставляют ее ставить описанное направление почти главным принципом своей церковной политики. Англикане постоянно твердят об унии или с Римом (теперь, правда, это стремление замолкло), или с Православной Церковью, или же со своими диссидентами. Унии этой они хотят достигнуть на почве взаимной снисходительности в делах веры, взаимного терпения и в основание приводят слова апостола относительно принятия немощных без спора о мнениях: пусть каждая церковная община верует и учит так, как ей это представляется правильным (конечно, с сохранением основного христианского вероучения), пусть она совершает и богослужение по-своему, с почитанием икон или без него, со свечами или без них, но только пусть она не выражает притязания на безусловную истину, не отрицает христианского и в других общинах и не прерывает с ними общения. Первое, что поставлено целью в этом стремлении к унии, или, точнее, к известного рода церковной конфедерации, есть общение в таинствах, и в причащении прежде всего. Решив этот вопрос для себя и допуская к своему евхаристи-

ческому столу всех и каждого, члены Англиканской Церкви требуют того же и для себя и обращаются с просьбой о причащении и к православным. И всякий раз поднимается неприятный разговор, почему этого сделать нельзя. Отказ от причащения представляется каким-то средневековым упорством, фанатической исключительностью, вообще недостаточным проникновением духом Христовым. Официальным выражением того, какой унии желают достигнуть англикане, может служить, например, послание Ламбетской конференции (1898), в частности ее обращение к английским нонконформистам. В этом послании Англиканская Церковь в сущности уступила нонконформистам все и согласна принять их в общение, если они признают только два таинства и Священное Писание в качестве единственного источника вероучения (с непременным условием, конечно, чтобы они самой Церкви позволили совершать остальные таинства и соблюдать принятые в ней формы). А ушедший недавно на покой англиканский Гибралтарский епископ (он является помощником Лондонского по управлению заграничными англиканскими церквами в Европе) в одном из своих посланий, не обинуясь, говорит о «почти полном догматическом согласии Англиканской Церкви» с нашей, Православной. Конечно, такое миролюбивое настроение и отношение к инославию всегда завоюет себе симпатии: быть нетерпимым к чужим мнениям и верованиям всегда считается признаком умственной узости и нравственной недоразвитости, несовершенства. Однако необходимо посмотреть, насколько чист тот источник, из которого исходит это столь миролюбивое настроение. При этом мы увидим, что все эти благородные попытки унии дороги для нас и привлекательны только до тех пор, пока в вопросах веры мы будем стоять исключительно на точке зрения здешней, земной жизни и земных интересов.

Конечно, великая польза для христианского мира быть единым: у всех вероисповеданий есть... общее дело — просвещение светом Христовым миллионов людей... Время ли думать о вероисповедных счетах и о догматических тонкостях? Англикане (например, только что упомянутый Гибралтарский епископ) и старокатолики указывают и еще более специальный мотив для унии: наше общее разделение с Римом... Довод, конечно, основательный и вполне убедительный, но он имеет значимость только в том случае, если при этом не забываются другие, более существенные и более важные интересы Церкви. Мы в этом случае понимаем ее только с той стороны ее, по которой она является обществом или учреждением, стоящим на земле рядом с другими обществами и учреждениями. Для такого общества, конечно, многолюдность, внешняя сила и тому подобное — вопрос очень важный, существенный, особенно в борьбе за существование. Для Церкви же важнее не внешняя сила, а спасительность, потому что и Христос пришел не для основания царства на земле, а для спасения заблудших овец. Спасительность же обусловливается тем, насколько Церковь сохранит во всей чистоте ту жизнь Христову, которую ей блюсти поручил Сам Христос. Может ли Церковь допустить в свою среду другую жизнь, другое жизнепонимание? Это было бы отречением от себя, хотя бы эта небольшая уступка миру и духу времени принесла Церкви неисчислимые выгоды для ее собственно земного существования...

Апостол Иоанн Богослов так определяет характер христианского единения: *Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его* (1 Ин. 5, 2). Не всякий мир, следовательно, желателен, а только такой, ради которого не приходится жертвовать Христом и Его учением. Сам Христос говорит, что Он принес на землю не мир, но меч, огонь, а не слащавое и, в сущности, неискреннее рассуждение об единении, когда на самом деле в сердце полного единения нет. Вообще нужно сказать, что во всем этом, так же как у консерваторов, земная польза данного исповедания или общины, вообще интерес конфессиональный, хотя и в более широком смысле, берет перевес над интересом христианским, над любовию истины. Та же Англиканская Церковь может притом быть живым примером и того, к чему приведет такое искусственное соединение в одном церковном теле элементов несоединимых. Пюзей был несомненно истинный член Англиканской Церкви, равно как и лорд Галифакс (поднимавший вопрос о соединении с Римом), но такой же истинный и полноправный член и тот неле-

пый Кенсит, который поднимал иконоборческие скандалы в англиканских храмах (сбрасывал с алтарей кресты и под.). В английских духовных журналах часто можно встретить нескончаемые рассуждения о позволительности и даже обязательности почитания святых, о сохранении запасных даров для приобщения больных и пр., и в то же время другие журналы и писатели и проповедники задаются вопросом, позволительно ли даже крест ставить на церковном здании. И в результате оказывается, что связывает этих разномыслящих и разноверующих людей только один истэблишмент (учреждение.— *Ред.*), только государственная организация Церкви, иначе говоря, лишь внешний гражданский закон.

Первое условие церковного единения есть искренность, а она возможна только тогда, когда люди откровенно и без недомолвок скажут, что́ в инославном они видят неправильного и какого исправления требуют они от него.

Представленные примеры неправильностей и уклонений богословской мысли довольно определенно указывают нам на тот путь, какой должен избрать православный мыслитель в отношении инославия. Мы должны понять западные исповедания и оценить их с точки зрения истинно христианского учения. Говоря, что нужно понять их, мы отчасти определяем и самый метод исследования. Если мы будем только указывать частичные уклонения этих исповеданий от истины, будем на основании Священного Писания и Священного Предания опровергать каждый пункт за пунктом их вероучения, то мы западных исповеданий не поймем, а не поняв их, никого в их ложности не убедим: всегда останется возможность предполагать в наших доказательствах незаметную уловку, а в неудаче противника — только временный недосмотр или неопытность... Нужно понять западные вероисповедания в их основном мировоззрении, выяснить их жизнепонимание..., тогда частные пункты, пожалуй, не потребуют и опровержения. Жизнь — такой предмет, о котором может судить всякий, у кого есть разум и совесть, есть неизвращенное нравственное сознание. Догматических рассуждений кто-нибудь может не понять, исторических свидетельств можно не знать, а жизнепонимание у всякого перед глазами.

Если мы будем иметь в виду эту принципиальную сторону западного христианства, тогда исследование наше получит еще больший интерес. Дело в том, что католичество и протестантство, кроме того, что они являются известными, внешнеопределенными исповеданиями, существуют в то же время и в качестве принципов жизни и мышления (два это принципа или только своеобразные формы одного и того же, об этом будем говорить после), в качестве принципов, которые, конечно, ни к какому определенному месту или учреждению не приурочены и, следовательно, могут действовать и действительно действуют не только в западном обществе, но и у нас. Например, можно бы указать на В. С. Соловьева как на характерного и сознательного выразителя католичествующего мышления; но я разумею католический или протестантский уклон воззрения, выражающийся бессознательно, прикровенно. Этот последний можно встретить и в православных научных трудах, и в проповедях, и в обычном житейском жизнепонимании. Одним заимствованием всего этого не объяснить. Основательнее видеть в этом отпрыски однородной почвы, то есть католичество и протестантство, стало быть, родственны человеческой душе в известном ее состоянии. Поэтому-то и члены Православной Церкви, представители православной богословской науки могут иногда говорить и думать и писать по-католически или по-протестантски. Разница между Церковью (Православной.— *Ред.*) и западными исповеданиями в этом отношении будет только та, что в Церкви — это нравственное состояние и отсюда способ воззрения, хотя и свойственны многим и очень многим членам, однако не выражают воззрения собственного церковного, не приемлются Церковью. На Западе же это поставлено краеугольным камнем, признано за истину Церковью и богословской наукой и, в качестве догмата, в свою очередь направляет жизнь членов западных общин. Таким образом, произнося суждение о католичестве и протестантстве как о способах мышления и жизнепонимания, мы коснемся предметов и понятий, может быть, очень близких для нас, и достигнем, может быть, и положительного вывода, в смысле выработки православного жизнепонимания и принципов православно-богословского мышления.

Священник Георгий Зяблицев

Богословие преподобного Исаака Сирина

Духовное наследие одного из величайших христианских святых, преподобного Исаака Сирина, до сих пор в должной мере не оценено ни на Востоке, ни на Западе. В день памяти преподобного в богослужебных Минеях вы даже не найдете посвященной ему службы. Перефразируя греческую пословицу: «Бедному святому нет славословия», в отношении преподобного Исаака можно с сожалением сказать: «А великому святому и службы нет».

Тем не менее, в Византии преподобный Исаак был достаточно хорошо известен. Как пишет современный исследователь творений преподобного Исаака Илия Калифе-Хашем, «благодаря греческому переводу, сделанному в IX веке монахами Лавры Святого Савватия в Палестине Авраамием и Патрикием, труды преподобного Исаака пользовались большим авторитетом у византийского монашества. Преподобные Симеон Новый Богослов и Никита Стифат часто его цитировали. Преподобный Григорий Синаит рекомендовал читать его наряду с преподобным Максимом Исповедником и другими великими Отцами. Западной Церкви преподобный Исаак стал известен благодаря фрагментам на латыни, опубликованным в Венеции в 1506 году, а также староитальянскому переводу, изданному в 1500 году. Однако, наибольшим почитанием, по мнению исследователя, пользовался преподобный Исаак в славянском мире.

В 1787 году преподобный Паисий Величковский издал в Москве славянский перевод, который был переиздан в 1854 году. Исследователь Ириней Хаусхерр пришел к выводу, что «для русских он является величайшим из мистиков, глубочайшим из философов, всемирным учителем, православнейшим, наряду с другими Отцами Церкви» [1, с. 2053]. Западные исследователи, напротив, обычно отзывались о преподобном Исааке как о вполне «рядовом» мистике, не заслуживающем особого интереса. Например: «Исаак — это несторианский аскет, живший во второй половине VII века» [2, с. 903]. А вот образчик более уважительного отзыва: «Исаак из Ниневии — сирийский аскетический писатель VII века, несторианин... Один из ранних теоретиков христианской мистики. Поскольку святой Исаак зависит от Евагрия, то идеи Евагрия распространились через его творчество». [3, с. 775]. И, вероятно, пределом почтительного отношения является краткая статья в недавно изданной в Англии «Энциклопедии мистицизма»: В этой статье говорится следующее: «Исаак Ниневийский — это христианский епископ Ниневии, отрекшийся от кафедры через пять месяцев ради созерцательной жизни в горах. Исаак не уделял много времени размышлениям о природе Божией. Бог в его творениях предстает лишь как истинное Бытие, Первопричина, Совершенное Благо. Из этого следует, что только в Нем душа находит истинную жизнь, что ее стремление быть в единении со своим источником естественно и что душа должна быть очищенной от всего, что не является благом. Следовательно, аскетизм — мать святости. И преподобный Исаак развивает учение об отказе от мира, об уединении, о бодрствовании, о любви к Богу, вскормленной молитвой». [4, с. 88].

Преподобный Исаак Сирин; афонская икона XIV века

Эти отзывы, характеризующие преподобного Исаака лишь как одного из христианских мистиков, наследника Евагрия или Псевдо-Дионисия, отчетливо свидетельствуют о недопонимании своеобразия его духовного наследия, его уникальности в святоотеческой традиции.

Биографические сведения о преподобном Исааке весьма скудны. История его жизни

несколько прояснилась лишь из открытого в 1896 году произведения Иезудены, епископа Басры, жившего в VIII веке, под названием «Книга чистоты», которая представляет собой жизнеописание сирийских святых. Из нее следует, что преподобный Исаак родился в Ниневии и еще в молодости вместе с братом ушел в монастырь Мар-Матфей. Там он стал иноком, а затем удалился в пустыню. Через несколько лет его брат, ставший настоятелем монастыря, просил его вернуться ради пользы братий, однако, преподобный Исаак отказался. Но позднее, когда в Ниневии скончался епископ Моисей и жители города просили Исаака занять его место, он оставил пустыню и был посвящен Патриархом Георгом (660—680 гг.) в монастыре Беф-Абе. Пробыв в Ниневии пять месяцев, он неожиданно оставил епископскую кафедру и удалился сначала в горы, а потом в монастырь Раббан-Шабор. Здесь он написал большую часть своих творений. В этом монастыре он и отошел ко Господу, ослепнув незадолго до смерти.

По словам сирийского писателя XIII века Эбед-Иезу, преподобный Исаак «составил семь томов об управлении духовном, о Божественных тайнах, о судах и благочинии» [9, с. 175]. Наибольшая часть поучений святого сохранилась в арабском переводе в четырех книгах. В сирийском подлиннике сохранились лишь первая и вторая книги, в греческом переводе — вторая и третья. На русский язык творения преподобного Исаака переведены с греческого.

Преподобный Исаак, судя по жизнеописанию, жил в среде последователей Нестория. Однако из этого еще не следует, что его можно считать правоверным «несторианином». Автор жизнеописания свидетельствует, что он «многих смущал своими взглядами». В одном из сирийских источников говорится о конфликте преподобного Исаака с несторианским епископом: «Против Исаака выступил Даниил, епископ Гармай бар Тубаниты, из-за рассматриваемых Исааком тем». Те же сведения доносит до нас несторианский автор IX века Ибн Ас-Салт. Он говорит о семи пунктах учения преподобного Исаака, которые подвергал критике епископ Даниил. В частности, он не разделял мнения преподобного Исаака, «что Бог бесконечно милостив, и Его милость превыше наказания, и потому страдания грешников после смерти не могут быть бесконечными» [6, с. 2042—2043].

Что касается Нестория, то, напомним, что он был избран Патриархом Константинопольским в 428 году при императоре Феодосии II. Вскоре после своего избрания он начал сурово преследовать еретиков, в частности ариан. Однако вскоре и сам вызвал недовольство некоторыми аспектами своего учения: Деву Марию, по его мнению, следовало именовать Человекородицей или Христородицей, поскольку человек Иисус стал обителью Божества уже после Своего рождения через наитие Святого Духа, благодаря чему Он и стал Христом, то есть Помазанником Божиим, и Логос пребывал с Ним в особом, «нравственном» единении. Учение Нестория было осуждено на Поместном Римском Соборе, а затем на Вселенском Соборе в Эфесе в 431 году, благодаря активности Патриарха Александрийского Кирилла, издавшего против Нестория свои «12 анафематизмов». Сам Несторий умер в ссылке в Египте, а его последователи бежали вначале в Антиохию, а затем в Персию, в страны Средней Азии, Индию и Китай.

Вообще несторианство, бывшее в некотором смысле предтечей протестантского богословия, вытекало из так называемой «антиохийской» традиции: оно делало акцент на человеческой природе Иисуса Христа, на Его личном человеческом подвиге, учило о Его постепенном вхождении в Божественную славу. Это была, так сказать, христология «снизу», в отличие от александрийской христологии «сверху», где о Христе всегда говорилось как о Воплотившемся Слове. В плане экзегетики несториане, также следуя «антиохийской» традиции, отвергали всякий аллегоризм в толковании Священного Писания. Среди экзегетов антиохийско-несторианской традиции особым почтением пользовался Феодор, епископ Мопсуетский († 429). Его несколько раз цитирует преподобный Исаак. Но кроме Феодора, он 4 раза цитирует Святителя Василия Великого, 1 раз — преподобного Ефрема Сирина, 1 раз — священномученика Дионисия, епископа Афинского (Псевдо-Дионисия); 16 раз — преподобного Евагрия Понтийского, а также других Отцов Церкви, не только не имевших отношения к антиохийской традиции, но, напротив, придерживавшихся «александрийского», то есть аллегорического, метода экзегезы. Все это говорит о широте церковной позиции преподобного Исаака, а также, вероятно, и о том, что для него терминологические тонкости христологии не имели безусловной значимости. Более того, в его творениях можно встретить, в духе александрийской традиции, рассуждения о Христе как о «вочеловечившемся Слове». Возможно, это тоже являлось одной из причин его конфликта с несторианским окружением. Кроме того, весьма показательно, что его творения были популярны и в среде так называемых «иаковитов», то есть сирийских монофизитов, стоявших на диаметрально-противоположных несторианам христологических позициях.

ДОГМАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

Собственно догматические рассуждения в творениях преподобного Исаака встречаются нечасто и, как правило, возникают в контексте той или иной аскетической или мистической темы.

Затрагивая тему сотворения мира,

преподобный Исаак говорит, что в «первый день сотворено было 9 духовных природ в молчании и одна природа — словом,— и это — свет» [7, с. 78]. В данном мнении преподобный Исаак согласуется с такими церковными авторитетами, как Святитель Василий Великий, преподобный Иоанн Дамаскин, которые также считали, что ангельский мир сотворен в первый день, и именно он подразумевается под «небом» в первом стихе книги Бытия.

В рассуждении о любви Божией преподобный Исаак затрагивает тему искупления: «Бог, по любви к твари, предал Сына Своего на крестную смерть, не потому, что не мог искупить нас иным образом, но чтобы научить нас преизобилующей любви Своей» [7, с. 210]. Исследователь Ириней Хаусхерр дает эту фразу в латинском переводе, где та же мысль выражена более отчетливо: «Смерть Господня совершилась не столько для того, чтобы искупить нас от грехов, но, главным образом, для того, чтобы явить миру любовь, какую Господь имеет к Своему творению. Ибо для искупления было бы достаточно и какого-либо иного способа» [8, с. 228]. Это рассуждение, по мнению Хаусхерра, роднит преподобного Исаака со средневековым философом Иоанном Дунсом Скотом, который считал, что Боговоплощение произошло бы и в том случае, если б не было грехопадения прародителей, ибо причиной Боговоплощения является не прародительский грех, а любовь Божия к миру.

Другой аспект темы искупления встречаем у преподобного Исаака в рассуждении о смиренномудрии: «Смиренномудрие есть риза Божества. В него облеклось вочеловечившееся Слово, и через него беседовало с нами в теле смирения нашего» [7, с. 234].

Говоря о молитве, преподобный затрагивает тему обожения (Боговселения), которое является результатом как личного молитвенного подвига, так и воздействия Святого Духа: «Очи подвижника уподобляются водному источнику до двух и более лет, потом приходит он в умирение помыслов. По сем мирном упокоении ум начинает созерцать тайны. Тогда Дух Святой открывает ему небесное, и вселяется в нем Бог» [7, с. 340]. Та же тема в другом месте, на этот раз со ссылкой на Апостола Павла: «Осмеливаюсь же сказать, со святым Павлом, что мы — *храм Божий*» (1 Кор. 3,16). Поэтому, как чист сам Бог, очистим и храм Его, чтобы возжелал вселиться в нем [7, с. 347]. Следует подчеркнуть, что учение об обожении (Богоуподоблении, Боговселении) как цели духовной жизни является в патристике традиционным, а, кроме того, имеет и античные параллели. (Святитель Григорий Богослов: «Награда добродетели — стать Богом» [9, с. 393]. Ориген: «Высшее благо или цель многие философы видят в том, чтобы делаться подобными Богу, насколько это возможно» [10, с. 290—291]. Плотин: «Высшая цель — не безгрешность, а обожение» [11]).

Говоря о созерцании Бога как предвестии жизни будущей, преподобный Исаак затрагивает тему различения в Боге Сущности и Энергий: «В истинном веке Бог покажет Лицо Свое, однако, не то, что Он есть» [7, с. 397]. Первой половиной этой фразы преподобный Исаак апеллирует к Священному Писанию (эпизод Богоявления Моисею в 33 главе книги Исход), а второй половиной — к святоотеческому истолкованию этого эпизода, согласно которому, сокрытое от Моисея *Лицо Божие* есть непостижимая Божия Сущность, а явленная Моисею Божия слава (*задняя Божия*) есть доступные человеческому восприятию Божественные энергии. (Ср. у Святителя Григория Богослова: *Задняя Божия* (Исх. 33, 23) — не само (Божие) естество, но лишь то, что до нас простирается, что после (сущности) Бога доставляет нам познание о Нем» [12, с. 393]).

Преподобный Исаак дает оригинальное дополнение к этому толкованию: в будущем веке, говорит он, будет явлено *Лице* Божие, однако и Его нельзя отождествлять с Божией сущностью, которая по-прежнему останется непостижимой. Само выражение «не то, что Он есть» является реминисценцией из Псевдо-Дионисия, у которого говорится: «Писание, именуя Бога невидимым, беспредельным и непостижимым, этим означает не то, что Он есть, но что Он не есть» [13, с. 9]. (Ср. у Плотина: «Любое наименование выражает не то, что Первоединый есть, а то, что Он не есть» [11, с. 13]).

Встречаем у преподобного Исаака и отзвук святоотеческого учения о несубстанциональности зла. Согласно этому учению, всякая природа или субстанция, как сотворенная Богом, является добром. Даже демоны злы не по своей природе, или субстанции (ибо Бог сотворил их ангелами), а по своей злой воле. Таким образом, зло не сотворено Богом, не имеет самостоятельного бытия, не имеет субстанции, а есть лишь отпадение от изначального добра, то есть умаление или недостаток добра. (Преподобный Иоанн Дамаскин: «Зло не сущность какая-либо и не свойство сущности, оно не есть что-либо иное как лишение блага... Грех есть изобретение свободной диавольской воли. Но и диавол — поскольку он создан — не зол, но добр, ибо Творцом он создан ангелом светлым и, как разумный, свободным. Но добровольно удалившись от согласной с природой добродетели, он очутился во тьме зла» [14, с. 252—253]. Плотин: «Зло есть недостаток добра» [11, с. 5].) В соответствии с этим святоотеческим учением и преподобный Исаак заявляет, что в природе нет зла: «Я признаю за истину, что ум наш и без посредства святых ангелов, сам собою может возбуждаться к добру, а вот познания о зле без посредства демонов не бывает. Ибо

доброе насаждено в природе, а злое — нет» [1, с. 81]. Судя по этим словам, преподобный Исаак полагает, что природа человека не утратила своей доброй сути в результате грехопадения, однако, стала доступной воздействию демонов.

Весьма замечательны суждения преподобного Исаака об аде и Рае и их соотношении с Божией любовью: по мысли святого, и ад, и Рай являются проявлениями Божией Любви. Без преувеличения можно сказать, что эти суждения являются своего рода богословскими жемчужинами в святоотеческой письменности. Преподобный Исаак пишет: «Мучимые в геенне поражаются бичом любви. И как горько и жестоко это мучение любви! Ибо ощутившие, что погрешили против любви, терпят мучение, больше любого мучения, внушающего страх; печаль, поражающая сердце за грех против любви, страшнее всякого возможного наказания. Неуместна мысль, что грешники в геенне лишаются любви Божией. Но любовь силою своею действует двояко: она мучит грешников и веселит выполнивших долг свой. И вот, по моему мнению, каково геенское мучение — оно есть раскаяние» [7, с. 84]. Но если «бич любви», поражающий грешников, связан с раскаянием, следовательно, адские страдания приобретают очистительный характер. Наиболее ярко сходные мысли в святоотеческой литературе выражены у святителя Григория Нисского. Он писал: «Одни после смерти окажутся чистыми от порока, другие же испытают врачество огня... Разница добродетельной и порочной жизни скажется в том, раньше или позднее приобщится человек уповаемого блаженства, ибо мере каждого превзошедшего в порочности будет соответствовать и продолжительность врачевания» [15, с. 318]. (Ср. у преподобного Иоанна Дамаскина: «Бог создал нас не для того, чтобы наказывать, но как Благой, для того, чтобы мы были причастны Его благости» [16, с. 114].) Напомним, что учение преподобного Исаака об очистительном характере адских мучений было одним из пунктов, вызвавших гнев несторианского епископа Даниила.

О Рае же и вечном блаженстве преподобный Исаак пишет следующее: «Рай есть Любовь Божия, в которой наслаждение всяческими блаженствами... Любовь есть то Царство, которое Господь таинственно обещал апостолам, говоря: *да ясте и пиете на трапезе Царствия Моего* (Лк. 22, 30). Любви достаточно для того, чтобы напитать там человека вместо пищи и пития. Это истинное вино, веселящее сердце человека! Блажен, кто испиет вина сего!» [7, с. 391—392].

Следствием понимания очистительного смысла адских страданий является и еще одна характерная черта учения преподобного Исаака о будущей жизни: отрицательное отношение к идее чистилища как некоего промежуточного состояния между адом и Раем — «Что может быть безумнее таких слов: «Достаточно для меня избежать геенны, а о вхождении в Царствие я уже не мечтаю!» Но ведь избежать геенны и значит войти в Царствие, равно как и лишиться Царствия — значит войти в геенну. Писание не указало нам трех состояний, говоря: «Когда придет Сын Человеческий во славе Своей, то поставит овец справа от Себя, а козлов — слева» (ср: Мф. 25, 31—33). Не три указано сонма: а два» [7, с. 309].

АНГЕОЛОГИЯ

В учении об ангельском мире преподобный Исаак, в основном, следует Псевдо-Дионисию Ареопагиту. Согласно Дионисию, чины ангелов являются необходимыми посредниками в передаче Божественного Света и откровений, ибо без этого посредства сам человек не способен к созерцанию Божества: «Общение с потусторонними сущностями само по себе превышает природу ума» [17]. Такого же мнения придерживается и преподобный Исаак: «Я полагаю, и это действительно так, что наши человеческие мысли без посредства существ небесных не могли бы приблизиться к откровениям... ибо уму нашему не достает той силы, какая есть у горних сущностей, приемлющих откровения и созерцания непосредственно от Вечного» [7, с. 82—83].

Псевдо-Дионисий под влиянием неоплатоника Прокла систематизировал наименования ангельских чинов из Священного Писания в строго последовательную девятичную иерархию, начинающуюся серафимами и заканчивающуюся ангелами, состоящую из трех триад («три тройственные степени» [13, с. 9]). Эта ангельская иерархия, по Дионисию, есть «учреждение, существующее между чинами и знаниями для совершения таинств просвещения и возможного уподобления своему Началу... Деятельность всякой иерархии разделяется на священное принятие и сообщение другим истинного очищения, Божественного света и совершенствующего знания» [13, с. 24]. Каждый чин ангельской иерархии, воспринимая Божественное знание от вышестоящих чинов, передает его нижестоящему чину, однако, не в полном объеме, а лишь настолько, насколько нижестоящий чин может их воспринять: «Каждый чин есть вестник и истолкователь высших себя». «Истолкователь» — это очевидно и должно означать, что вышестоящий чин открывает тайну настолько, насколько сам смог ее воспринять и насколько ее сможет вместить чин нижестоящий. А вот как о том же говорит неоплатоник Прокл: «Отличительные свойства низшего предсуществуют в высшем, а отличительные свойства высшего, будучи более цельными, не находятся в низшем. Поэтому в высших богах есть нечто непостижимое и неописуемое для низшего» [8, с. 91—92]. «Причиной недостатка Божественного света является неспособность вос-

приятия того, что ему причастно, затемняющего свет своей слабостью» [18, с. 89].

В соответствии с этим рассуждает и преподобный Исаак: «Каждый чин приемлет тайны от другого чина с соблюдением строгого порядка и степени, пока тайна не перейдет ко всем чинам. Но некоторые тайны останавливаются на первом чине и не передаются другим, ибо остальные уже не могут вместить величия тайны. Другие тайны открываются лишь второму чину, иные — нисходят до третьего, четвертого и ниже; и некоторые доходят до человеческой природы. Таким образом, через горние чины святые приемлют свет созерцания даже до славного Присносущия — сей непостижимой тайны» [7, с. 82—83]. (Ср. у преподобного Иоанна Дамаскина: «Ангелы вышестоящие передают нижестоящим и свет и знание» [16, с. 47]).

Следует отметить также рассуждения преподобного Исаака о природе ангельского познания, которые также являются адаптациями идей Дионисия и Прокла. Всякая сущность, говорит преподобный Исаак, проявляется в движении, а соразмерность движений обусловливает возможность восприятия. «Характерные отличия всякой умной сущности определяются ее собственными движениями, от которых зависит, может ли она приступить к восприятию Первого света непосредственно или через посредство другого чина, отличающегося, конечно, не местом, но большей чистотой восприятия высших движений и сил, сообразно со своей умственной мерой... Видение у существ бесплотных не вне их, как у существ телесных, но видеть им друг друга — значит и добродетелями, и мерою движений быть внутри движений существ, ими видимых» [7, с. 75—76].

Очевидно, преподобный Исаак апеллирует к древней формуле: «Подобное познается подобным». Поскольку сущность выражает себя в энергиях (действиях) или движениях, то сходство в движениях означает и сходство в сущностях, а сходство в сущностях делает возможным познание. (Ср. у преподобного Иоанна Дамаскина: «Энергия есть природное движение всякой сущности, отсюда ясно, что если сущность одинакова, то одинакова и энергия, а где природы различны, там различны и энергии» [6, с. 101]). Учение преподобного Исаака связано также с разработанной Дионисием (под влиянием Прокла) концепцией тройственного движения небесных Умов (духов.— *Ред.*), согласно которой каждый ангельский чин движется трояко: «устремляется к высшему, непрестанно обращается к себе, сообщает свои силы низшим» [13, с. 54], или, говоря словами Прокла, каждому небесному чину свойственно «возвращение», «пребывание», «нисхождение». При этом нисходящее движение («исхождение») высшего чина должно соответствовать или уподобляться восходящему движению («возвращению») низшего чина. Только при таком условии будет осуществляться взаимосвязь между чинами иерархии и передача познаний от высшего чина к низшему. По-видимому, именно это соответствие и подразумевает преподобный Исаак, говоря о соразмерности движений как условии познания.

Что касается первого чина иерархии — серафимов — то его восходящее движение обращено уже к самому посреднику между Богом и Тварью, Богочеловеку Иисусу: «Первый чин не сам собою учится, но имеет учителем Посредника Иисуса, от Которого приемлет и передает низшим» [7, с. 81]. В связи с этим преподобный Исаак утверждает, что до Боговоплощения ангелы имели меньшую степень проникновения в Божественные тайны: «Умное созерцание и видение, в коих пребывают чины существ небесных, до пришествия Христова во плоти не были для них столь доступны. Но когда воплотилось Слово, отверзлась им дверь во Иисусе» [7, с. 82]. (Ср. у Апостола Павла: *Дабы ныне соделалась известною чрез Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная Премудрость Божия* (Еф. 3, 10)).

Еще одна своеобразная черта ангелологии преподобного Исаака состоит в утверждении, что в будущей жизни иерархический порядок передачи знаний упразднится, и каждый будет получать духовные дары непосредственно от Бога: «В будущем веке не один от другого будет принимать откровение славы Божией, но каждому непосредственно будет дано Владыкой по достоинству. Там прекратятся чины учащих и учащихся» [7, с. 83]. Впрочем, преподобный Исаак не одинок в таком мнении. Можно привести в пример блаженного Августина, который, толкуя слова апостола Павла *когда* (Сын) *упразднит всякое начальство, и всякую власть и силу* (1 Кор. 15, 24),— понимает их в смысле упразднения в будущей жизни иерархии ангелов: «Отпадает нужда в уподоблениях посредством ангельских господств, властей и сил» [19, с. 268].

В заключение отметим также любопытное высказывание преподобного Исаака о трех видах восприятия человеком ангельской природы. «В телесности видимого предмета — осуществленно; в тонкости его — неосуществленно; и, наконец, в истинном созерцании, то есть созерцании самой сущности» [7, с. 79].

АНТРОПОЛОГИЯ

Антропология преподобного Исаака определяется антагонизмом духовной и телесной природы человека, нашедшем яркое выражение в словах апостола Павла: *Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти; они друг другу противятся* (Гал. 5, 17). Душа, говорит преподобный Исаак, по своей природе бесстрастна. Страсти «привзошли» в душу вследствие грехопадения: «Если добродетель есть природное здравие души, то недугом души являются

страсти, прившедшие в ее природу и выводящие ее из здравого состояния» [7, с. 28]. Здесь прослеживается связь с определенной святоотеческой традицией, в особенности со святителем Григорием Нисским, также утверждавшим, что душе, как природе бестелесной, страсти чужды. Святитель Григорий писал: «Нет никакого сходства по сущности между простотой и невидимостью души и телесной дебелостью... Когда Бог привлекает к Себе свое собственное (душу), но опутавшееся вещественными и земными пристрастиями, то это чуждое, но словно сросшееся с ней, Он как бы стирает, чем причиняет душе болезненные страдания» [15, с. 318].

То, что страсти чужды природе души, преподобный Исаак доказывает следующим аргументом: если б они были в душе по естеству, то есть в самой природе души, то она не терпела бы от них вреда. Страсти есть результат привязанности души к телу и к миру, возникшей в результате отпадения от Бога: «Где страсти прекращают свое течение, там мир умер для человека» [7, с. 22]. Преподобный Исаак дает следующее перечисление страстей: приверженность к богатству и вещам; к телесным наслаждениям; желание начальствовать; честолюбие, из которого вытекает зависть; надмение благолепием; желание наряжаться и нравиться; славолюбие, бывающее причиной злопамятства; страх за тело. Любопытно, что это перечисление далеко от восьмеричной схемы страстей преподобного Евагрия Понтийского, зависимость от которого преподобного Исаака так любят подчеркивать западные исследователи. Напомним, что преподобный Евагрий перечисляет страсти в следующем порядке: чревоугодие, блуд, сребролюбие, печаль, гнев, уныние, тщеславие, гордость.

Тело и душа — природы настолько противоположные, что, по словам преподобного Исаака, не только душа терпит вред, когда последует телу, но и тело изнемогает и терпит вред, когда «вынуждено стать вне своего благосостояния и последовать душе. Ведь то, что составляет собственность души, является смертью тела» [7, с. 28]. Источник страстей состоит в том, что душа «сдружилась» с животным телом, то есть с тем, что противоположно ее природе. Поэтому в те моменты, когда душа освобождается от попечений о вещественном и телесном, когда ее «движения» соответствуют ее бестелесной природе,— «тогда вся она цветет Духом в движениях своих и среди неба носится в непостижимом» [7, с. 30]. (Ср. у преподобного Иоанна Дамаскина: «Страсть есть неразумное движение души, вопреки природе» [6, с. 114].) Исходя из этого, преподобный Исаак говорит о трех состояниях души: противоестественном, естественном и сверхъестественном. «Противоестественное состояние — это движения души в мятущихся (обуреваемых.— *Ред.*) страстями; естественное — ве́дение Божиих тварей, чувственных и мысленных; сверхъестественное — созерцание сверхъестественного Божества» [7, с. 26]. Соответственно этому делению различаются и три ступени, или формы, познания: чувственное, духовное и сверхъестественное. «Чувственное» — это бездуховное знание на основании внешнего опыта, соответствующее страстному состоянию души. Это знание именуется также «плотским», или «голым», ведением. Вторая ступень — «духовное» знание, сопутствующее борьбе со страстями и исполнению Божественных заповедей. Оно еще «телесно и сложно», поскольку заключено в пределах интеллекта. Наконец, «сверхъестественное» ведение есть благодатный дар Святого Духа, Утешителя, когда «ум, будучи простым и тонким, воспаряет, словно на крыльях, в область бесплотных, касается глубин неосязаемого моря, представляет Божественные и чудные действия Промысла в природах духовных и чувственных, постигает духовные тайны. Это есть успокоение от делания в единении ума, наслаждающегося тайнами будущего» [7, с. 135—138].

Условием возвышения к духовному ведению является сосредоточение ума, освобождение его от многоразличных «помыслов». Единого Бога, в соответствии с принципом «подобное познается подобным», может познавать лишь ум, уподобившийся Ему в простоте и единстве. Преподобный Исаак пишет: «Духовное ве́дение просто и не воссиявает в помыслах душевных. Пока разум не освободится от многих помыслов и не придет в единую чистую простоту, он не сможет иметь духовного ведения, сущность которого в наслаждении жизнью будущего века, почему оно и исключает помыслы многие» [7, с. 219]. Духовное созерцание по своей природе чуждо всякому движению помыслов; ум в этом состоянии пребывает «как бы в изумлении», «в упоении», «в несложном созерцании» Божества.

Западные исследователи подчеркивают, что в учении о единении ума преподобный Исаак следует преподобному Евагрию Понтийскому. Действительно, преподобный Евагрий весьма выразительно учил о сосредоточении ума как залоге духовного созерцания. Например, у него говорится: «Ум не узрит в себе присутствия Божия, если не станет выше всех помышлений о вещественном и тварном. Страстей ум совлекается посредством добродетелей, а простых помыслов — посредством духовного созерцания, но и его отложит, когда явится ему тот свет, который во время молитвы запечатлевает присутствие Божие» [21, с. 431]. Однако, следует подчеркнуть, что преподобный Евагрий вовсе не является первооткрывателем. Рассуждения о единении ума весьма обычны как в христианской, так и в нехристианской мистике. Приведем тому несколько примеров. По учению Плотина, чистый ум есть, в отличие от рассудка, высшее свойство человека, и он характеризуется

именно отсутствием помыслов, то есть рассудочной деятельности. Плотин говорит: «Кто еще не привел себя в чистое, полное единство, тому не дается созерцание сияния Божия» [12, с. 4]. Псевдо-Дионисий Ареопагит пишет: «К самому же сокровенному мы устремляемся, отрешившись от всякой умственной деятельности» [18]. У преподобного Максима Исповедника читаем: «Ум, будучи в Боге, становится совершенно безóбразен и безвиден, ибо, созерцая Единовидного, и сам он единовиден и весь световиден делается» [22]. У преподобного Симеона Нового Богослова сказано: «Единый Бог, видя ум, соделавшийся ради Него единым, Единый, найдя единого, соединяется с ним» [23, с. 104].

Итак, сосредоточение ума, по учению преподобного Исаака, открывает для человека возможность реализовать свое высшее предназначение, состоящее в общении с Богом: «Кто зрение ума сосредотачивает внутри себя самого, тот видит духовную зарю; кто возгнушался всяким парением ума, тот видит в сердце Владыку своего» [8, с. 44]. «Мы должны пребывать в простоте, наедине с внутренним нашим человеком, где нет отпечатков помыслов, нет воззрения на что-либо сложное, ибо простое созерцание есть пища природы души» [8, с. 262].

Как бы сквозь призму этого учения о единении ума преподобный Исаак дает оригинальное, аскетическое истолкование добродетели смиренномудрия как «отречения от многого». Он пишет: «Смиренномудрый не желает иметь у себя многое и быть в непрестанных делах, но желает постоянно оставаться на свободе. Ибо при многих делах бывает и сборище помыслов многосложных. Поэтому смиренномудрый постоянно охраняет себя от всего многого... Дивлюсь же и тому, что истинно смиренномудрый, приступая к молитве, и не знает о чем молиться, но только молчит всеми своими помышлениями, ожидая одной милости и того изволения, которое изойдет о нем от лица достопоклоняемого Величия» [8, с. 216]. В связи с этим преподобный дает совет: «Когда предстанешь в молитве пред Богом, не говори чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему» [8, с. 217].

Все сказанное о единении ума вовсе не означает, что преподобный Исаак принижает значение деятельной любви, христианского доброделания. «Знаем,— говорит он,— что без любви к ближнему ум не может просвещаться любовью и общением с Богом» [8, с. 250]. Этические наставления встречаются у преподобного Исаака нечасто, однако они очень выразительны. Например, следующее: «Когда встретишься с ближним, принуждай себя оказывать ему честь сверх меры. Лобызай его руки и ноги, обнимай его с великой честью и хвали даже за то, чего не имеет. А когда разлучишься с ним, говори о нем все хорошее. Ибо тем самым ты заставишь его стыдиться и посеешь в нем семена добродетели» [8, с. 303]. Отношение к ближним показывает также степень душевной чистоты человека: «Кто всех людей видит хорошими, и никто не представляется ему нечистым и осквернённым, тот подлинно чист сердцем» [8, с. 103]. Но совершенная любовь к ближним, подчеркивает преподобный, является уже благодатным даром. Поэтому совершенной до самопожертвования любовью к ближним обладают лишь святые: «Соделавшись совершенными, святые уподобляются Богу излиянием любви и человеколюбия ко всем. И домогаются святые сего уподобления. Многие из них ради ближних предавали тела свои зверям, мечу и огню. Но никто не сможет взойти на степень этой любви, если не почувствует втайне надежды своей. Не могут приобрести такой любви и любящие мир сей. Приобретающие же такую любовь облекаются в Самого Бога» [8, с. 211].

Такова — в расширительном смысле — антропология преподобного Исаака Сирина. Как и все его творчество, она имеет ярко выраженную мистическую окраску. Такой традиционный аспект антропологии, как вопрос о дихотомическом (тело, душа) или трихотомическом (тело, душа, дух) составе человека, его, по-видимому, не интересовал. Во всяком случае, он не высказался ни в пользу первой, ни в пользу второй концепции. Однако с определенной долей условности можно сказать, что преподобный Исаак ближе к трихотомической схеме.

МИСТИКА

У преподобного Исаака мы находим краткие и выразительные определения молитвы. Молитва есть «свобода и упразднение ума от всего здешнего» [8, с. 209]. Это определение имеет в виду то сосредоточение ума, о котором говорилось выше. Молитва есть также «радость, воссылающая благодарение» [8, с. 330]. Здесь отражено уже содержание молитвенного переживания — радость общения с Богом. Вот как преподобный описывает вхождение человека в состояние этой молитвенной радости: «Бывает, что когда человек молится Богу со слезами и умилением, внезапно, словно закипает в сердце его источник, изливающий услаждение, тело его расслабляется, лицо поникает к земле, очи закрываются, помышления изменяются, и не может он сделать поклона от радости, возбуждающейся во всем теле его» [8, с. 288].

Однако, молитвенная радость — лишь начало молитвы. За ней следует молитвенное созерцание. Но и оно имеет различные степени. Вступление в молитвенное созерцание преподобный именует «изумлением». «Иногда от молитвы рождается некое созерцание, и оно прерывает устную молитву, и молящийся в созерцании изумляется, цепенея телом» [8, с. 67]. Но в таком состоянии еще сохраняется некоторое движение

помыслов — ум еще не вступил в состояние «чистой молитвы», которое лишь условно можно называть молитвенным, ибо оно выше молитвы. «Движения языка и помыслов в молитве суть ключи, а то, что после этого — есть вход в сокровенные клети. Здесь умолкают уста, язык, умолкает сердце — этот распорядитель помыслов, и ум — эта быстропарящая и бесстыдная птица. Здесь останавливаются ищущие — ибо пришел Домовладыка» [8, с. 68].

Таким образом, в состоянии экстатического «изумления» ум буквально исходит из самого себя и начинается «чистая молитва», когда ум уже «не имеет свободы», но всецело «путеводится» благодатию. «Ум, прозревший сокровенные тайны Духа, не спрашивает, не учится, но наслаждается тайнами нового мира, превыше свободы воли» [8, с. 261]. «Будучи за пределами мира смертных, ум умолкает в неведении всего здешнего. Это-то неведение называется высшим ведением. Об этом неведении говорится: «Блажен, кто постиг неведение» [8, с. 75]. Отметим, кстати, что последняя фраза принадлежит преподобному Евагрию. Преподобный Исаак особенно подчеркивает, что в состоянии молитвенного экстаза человеку открывается реальность будущей жизни: «Не молитвой уже молится ум, но ощущает духовные реальности будущего века, превышающие человеческое понимание, и это возможно лишь силою Святого Духа» [8, с. 111]. Такого созерцания сподобляется лишь один из многих тысяч людей.

И еще одно прозрение встречаем в описаниях молитвенного экстаза у преподобного Исаака. Он говорит, что человек имеет в себе как бы два внутренних ока. Одним оком он видит славу Божию, проявляющуюся в тварном мире, включая ангельский, а вторым — славу «святого естества Божия» [8, с. 390] уже саму по себе. (Ср. у преподобного Максима Исповедника: «Ум наш по природе своей способен к познанию телесных и бестелесных существ; о Святой же Троице ведение приемлет только по благодати» [24, с. 266]. О созерцании «первого ока» преподобный Исаак пишет: «Когда отверзутся глаза твои, чтобы, по мере чистоты, видеть красоту созданий и Божию в них силу, тогда ум путеводится чудом этого видения, и день, и ночь становятся едиными в созерцании славных чудес творений Божиих» [8, с. 186]. Это созерцание «первого ока» преподобный определяет следующим образом: оно есть «ощущение Божественных тайн, сокровенных в вещах и их причинах» [8, с. 21]. Вторым внутренним оком святой видит красоту нетварного света уже саму по себе: «Видя свет Святого Духа, он словно скачет в блистаниях света Его, веселясь видением славы этого озарения, ибо светозарность Божества непрестанно осиявает его, привлекая к красоте Божественного света» [8, с. 47]. (Ср. у преподобного Симеона Нового Богослова: «Услаждаясь этим неизреченным светом, я ликовал, радовался вместе с Тобой, Творцом и Создателем, постигая недоуменную красоту Твоего Лица» [25, с. 212]; ср. также у святителя Григория Паламы: «Тот, кто причастен Божественной энергии, сам как бы становится светом, ибо Бог, будучи Светом, обитает в возлюбленных своих и открывает Себя любящим Его» [26, с. 138]).

Созерцая Бога, человек становится богоподобным, ибо через причастие Божественному Свету совершается таинство «обожения» человеческой природы. Это есть высшее предназначение человека и конечная цель духовной жизни. Преподобный Исаак пишет: «Озаряясь лучом высшего света, душа, по непостижимому единству, становится подобной Божеству» [8, с. 71]. И здесь он вполне согласуется со святоотеческой традицией. Отцы Церкви также учили об обожении человеческой природы как цели духовного подвига. Преподобный Евагрий: «Душа, чистая в Боге — Бог» [27, с. 444]. Блаженный Августин: «Видящие Божество уже не люди, они больше, чем люди» [20, с. 265]. Преподобный Максим Исповедник: «Созерцатель по причастию Божества, как бы сам становится Богом» [28, с. 192]. Преподобный Симеон Новый Богослов: «Святые суть боги, обладающие внутри себя всей славой Божества» [23]. Преподобный Иоанн Дамаскин: «Человек становится Богом в смысле участия в Божественном Свете» [17, с. 80]. (Ср. у Апостола Павла: *Мы же ... взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу* (2 Кор. 3,18)).

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

По-видимому, самые вдохновенные строки в наследии преподобного Исаака посвящены любви к Богу. В этом отношении его можно сравнить разве что с преподобным Симеоном Новым Богословом, столь же ярко выразившим это чувство. Любви Божией в сердце человека, учит преподобный Исаак, предшествует страх: человек телесный боится смерти, человек духовный — Суда Божия, и лишь в человеке, обретшем Божественную любовь, уничтожается чувство страха. Страх Божий является не только предшественником, но и необходимым предварительным условием любви к Богу: «Как невозможно переплыть большое море без корабля, так никто не может достигнуть любви без страха Божия. Покаяние — это корабль, страх — его кормчий, а любовь — Божественная пристань. Страх вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смрадному морю жизни и направляет к Божественной пристани, которая есть любовь» [8, с. 392].

Любовь к Богу, в отличие от всякой земной любви, никогда не оскудевает: «Любовь, возбуждаемая чем-либо тварным, похожа на малый светильник, питаемый маслом, или на дождевой поток, течение которого прекращается с оскудением дождевой воды.

Но любовь к Богу — словно бьющий из земли источник: потоки его никогда не оскудевают, ибо Бог есть источник любви» [8, с. 142]. (Ср. у преподобного Симеона: «Насколько ты, Спасе, превосходишь все видимое, настолько и любовь к Тебе превосходит всякую земную любовь»).

Преподобный Исаак также сравнивает Божественную любовь с вином и говорит об «упоении» («опьянении») любовью: «Как человек, упившийся вином в день печали, забывает о своем трудном положении, так и упоенный любовью Божией в мире сем, то есть в доме плача, забывает все свои труды и печали и по причине упоения, становится бесчувственным к греховным страстям. Сердце его подкрепляется надеждой на Бога, душа его легка, как пернатая птица, ум его ежечасно возносится от земли и парит превыше всего человеческого, наслаждаясь бессмертием у Всевышнего» [8, с. 232]. (Ср. у Каллиста Катафигиота: «Озаряясь Божественным Светом, созерцая Божественную Красоту, ум опьяняется, словно от вина, и приходит в исступление» [29, с. 23]).

Сравнивая Божественную любовь с пищей, преподобный Исаак говорит, что любовь к Богу столь насыщает существо человека, что все земное уже не в силах его привлечь, как после изысканной пищи обыкновенная не вызывает аппетита. Для человека, приемлющего разумение в Боге, всякая земная сладость излишняя. Сознание его насыщено, насладившись чем-то иным. Он — словно человек, вкусивший дорогой пищи и поэтому не желающий обыкновенной» [8, с. 167]. (Ср. у преподобного Симеона: «Насколько самый чистый хлеб вкуснее навоза, настолько и даже несравненно более, вкушение горнего сладостнее, нежели вкушение дольнего» [25, с. 319].

Из любви к Богу естественно вытекает и любовь к Его творению, проявляющаяся в милосердии ко всякой тварной природе. У преподобного Исаака есть изумительные, не имеющие аналога в святоотеческой письменности, слова о «милующем сердце» святых. Их милосердие — это «возгорание сердца о всем творении: о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи источают слезы. От великой и сильной жалости умиляется сердце и не может оно вынести, слышать или видеть какого-либо вреда или даже малой печали, претерпеваемых тварью. А потому и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно, со слезами приносит молитву, чтобы сохранились они и были помилованы, а также и о природе пресмыкающихся молится с великой жалостью, которая без меры возбуждается в его сердце до уподобления Богу» [8, с. 209]. Когда читаешь эти строки преподобного, кажется, что вряд ли возможно найти лучший комментарий к евангельским словам: *Будьте милосердны, как Отец ваш небесный* (Лк. 6,36).

Еще одна характерная черта богословия преподобного Исаака — восторг перед Божественной Красотой, явленной в видимом и невидимом Божием мире. Он пишет: «По мере очищения ума отверзаются очи видеть красоту созданий и Божию в них силу, и ум, путеводясь чудом этого видения, день и ночь проводит в созерцании славных чудес творения Божия» [8, с. 186]. (Ср. у Святителя Василия Великого: «Что досточуднее Божией Красоты? Подлинно неизреченны и неописуемы молниеносные блистания Божией Красоты» [9, с. 380].) Что же касается красоты духовного мира, то преподобный восторгается и «красотой, которая внутри человека» [8, с. 46], и «красотой Божественного Света» [8, с. 51], и «горними красотами и бесчисленными чудесами иного, небесного, мира» [8, с. 389]. Но если Божественная Красота столь сильно ощущается уже в этой жизни, то жизнь будущая будет непрестанным изумлением перед Божией Красотой. Преподобный пишет: «Природа человеческая не перестанет там удивляться Богу. Поскольку всякая красота твари в будущем обновлении ниже Красоты Божией, то как сможет ум устранить свой взор от Божией Красоты? Ведь и ныне, когда покрывало страстей снято с очей ума, при узрении будущей славы мысль тотчас возносится в восторге. И если б в этой жизни Бог не положил предела такому состоянию, человек не смог бы устраниться от этого воззрения» [8, с. 388]. (Ср. у преподобного Симеона: «Красота Твоя непостижимая поражает ум мой, приводит в исступление мысли мои, и возжигает в сердце моем огонь любви к Тебе» [23, с. 242]. Конечно, в будущей жизни каждый будет видеть Красоту в разной степени, в зависимости от «меры» или восприимчивости своего ума, однако, при этом никто не будет знать «меры» другого человека, чтобы это не послужило причиной скорби и не омрачило духовной радости и веселия [8, с. 308]. (Ср. у преподобного Симеона: «Святые будут озаряться по мере веры и дел, надежды и любви, и степени любви вменятся им в различные обители» [23]). Преподобный Исаак Сирин очень тонко указует на особого рода духовное смирение человека, вытекающее из его пламенной любви к Богу и ближним и характеризующееся особой простотой и естественностью поведения. «Бывает смирение по страху Божию, и бывает смирение из любви к Богу. Первый смирен по страху, а второй — из радости. У первого всегда скромность, а у второго — великая простота и сердце неудержимое. Любовь не знает стыда и не умеет придавать членам своим вид благочиния. Любви естественно не стыдиться, забывая меру свою. Блажен, кто нашел Тебя, пристань великой радости!» [8, с. 412]. (Ср. у преподобного Симеона: «Одно дело — смирение, иное — цвет смирения, иное — плод его, еще иное — красота и сладость этого плода, и еще иное — его действия» [25, с. 314]).

Но к совершенству ведет аскеза, тяжелый труд духовного подвига. Поэтому хочет-

ся закончить статью некоторыми аскетическими наставлениями преподобного, указующими путь к совершенству. Основа аскетического делания — непрестанное памятование о Боге. Это как бы меч, умерщвляющий страсти: «Страсти искореняются и обращаются в бегство непрестанным погружением мысли в Боге. Как при безмолвной тишине в море играют дельфины, так при безмолвии в море сердечном во всякое время носятся, веселя сердце, тайны и Божественные откровения... Кто желает видеть Господа внутри себя, тот прилагает усилия к очищению своего сердца непрестанным памятованием о Боге. Что бывает с рыбой, покинувшей воду, то бывает и с умом, выступившим из памятования о Боге и парящем в памятовании о мире» [8, с. 45]. На ту же самую тему — противоположный образ: «Как погрузившему голову в воду невозможно вдохнуть воздух, так погрузившему мысль свою в здешние заботы невозможно вдыхать в себя ощущений иного мира» [8, с. 228].

В аскетическом подвиге не следует терять чувство меры: «Всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и то, что кажется прекрасным» [8, с. 14]. (Ср. у Святителя Григория Богослова: «И это признак целомудрия — знать меру своей жизни... Излишество часто бывает бесполезно, когда, стремясь к большей славе, напрягаем стрелу сверх меры» [30, с. 40]). На эту тему встречаем у преподобного Исаака даже парафраз знаменитого платоновского образа, в котором созерцание Божества сравнивается со взглядом на солнце. Преподобный пишет: «Если нечиста зеница душевного ока твоего, то не дерзай устремлять взор на солнечный шар, чтоб не утратить тебе и малого света, то есть простой веры, смирения, сердечного исповедания и малых, посильных тебе дел» [8, с. 21]. (Ср. у преподобного Симеона «Как человек, долгие годы сидевший в лишенной света темнице и внезапно увидевший солнечный свет, приходит в исступление, так и внезапно узревший умный свет, кажется исступленным и не видящим хорошо» [25, с. 308]). Сколь не труден аскетический подвиг, не надо отчаиваться: «Если и каждый день разбивается ладья твоя и терпит крушение весь груз, не переставай заботиться, запасаться, даже брать взаймы, переходить на другие корабли и плыть с надеждой» [8, с. 42].

Цель же аскетического подвига: покаяние, чистота, совершенство. «Покаяние — оставление прежнего и печаль о нем; чистота — сердце, милующее всякую тварную природу; совершенство — глубина смирения, то есть оставление всего видимого и мысленного и попечений о них» [8, с. 208]. Стремиться к этим духовным вершинам, *к почести высшего звания во Христе Иисусе* (Флп. 3,14) и призывают нас писания великого таинника Божия, преподобного Исаака, епископа Ниневийского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dictionnaire de spiritualite. T. 7. Paris, 1971.
2. Die Religion in Gesehichte una Gegenwart. B. III, Tübingen, 1959.
3. Lexikom fur Theologie und Kirche. B. Y., 1960.
4. Encuclopacdia of mysticism. London, 1976.
5. Цит. по кн.: Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Историческое учение об отцах Церкви. Т. 3.
6. Dictionnaire de spiritualite. T. 7.
7. Творения аввы Исаака Сириянина. Слова подвижнические, слово 17. Сергиев Посад, 1893.
8. Цит. по кн.: Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950.
9. Святитель Григорий Богослов. Письмо 135, к Евдоксию-ритору. Творения в двух томах. Т. 2. СПб., 1912.
10. Ориген. О началах, III, 6, 1. Казань, 1899.
11. Энэады, 2, 1, 6.— Вера и разум, 1898—1900.
12. Святитель Григорий Богослов. Слово 28, о богословии второе. Т. 1. СПб., 1912.
13. Ареопагит, Псевдо-Дионисий. О небесной иерархии. Кн. 2, § 3. Монреаль, 1974.
14. Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. 4, гл. 20, с. 252—253.
15. Святитель Григорий Нисский. О душе и воскресении. Творения. Ч. 4. М., 1862, с. 318.
16. Преподобный Иоанн Дамаскин. Цит. соч. Кн. 2, гл. 29, с. 114.
17. Ареопагит, Псевдо-Дионисий. О Божественных именах. Кн. 7, § 1. Буэнос-Айрес, 1955.
18. Прокл. Первоосновы теологии, § 150. Тбилиси, 1972.
19. Блаженный Августин. О Троице, 1, 8, 16.— Богословские труды, сб. 29. М., 1989, с. 268.
20. Преподобный Евагрий. Главы о деятельной жизни, к Анатолию, № 71. Добротолюбие. Т. 1, с. 431.
21. Преподобный Максим Исповедник. О любви. Ч. 3, § 97. Добротолюбие. Т. 3.
22. Преподобный Симеон Новый Богослов. Божественные гимны, 22. Сергиев Посад, 1917, с. 104.
23. Преподобный Максим Исповедник. Умозрительные и деятельные главы, § 142. Добротолюбие. Т. 3, с. 266.
24. Цит. по кн.: Архиепископ Василий (Кривошеин). Преподобный Симеон Новый Богослов. Париж, с. 212.
25. Святитель Григорий Палама. Слово на введение во храм Пресвятой Богородицы. Цит. по кн.: Архиепископ Василий (Кривошеин). Аскетическое и богословское учение свят. Григория Паламы, 8. Прага, 1936, с. 138.
26. Преподобный Евагрий. Изречения о духовной жизни, § 27. Добротолюбие. Т. 1, с. 444.
27. Преподобный Максим Исповедник. О богословии и Воплощении Сына Божия.— Христианское чтение. Ч. 38, 1830, с. 142.
28. Каллист Катафигиот. О Божественном единении и созерцательной жизни, гл. 24. Казань, 1898, с. 23.
29. Святитель Григорий Богослов. Песнопения таинственные. Слово 9. О человеческой добродетели. Т. 2, с. 21.

Православная миссия Великого Новгорода

Новгород — один из самых древних русских городов, впервые упоминается в Софийской 1-й летописи под 859 годом. Епископская кафедра основана в Новгороде в 989 году, вскоре после Крещения Киевской Руси (988). Духовным центром города и прилегавших к нему земель являлся собор святой Софии. Эту каменную церковь, «вельми прекрасну и превелику», новгородцы воздвигли в 1045—1050 годах. Впоследствии сложился церковно-хозяйственный комплекс, подчиненный Новгородскому архиепископу,— «Дом святой Софии». Его земельные владения имелись во многих регионах, входивших в сферу влияния Новгорода. В ведении архиепископа находилась казна, внешние сношения Новгородской республики, право суда и, конечно, миссионерская деятельность. Поэтому именно из Новгорода по бескрайним просторам Севера вскоре стал распространяться свет веры Христовой.

Уже в XI веке новгородцы начали осваивать земли, где жило племя весь (вепсы). Известно, что в свите «даньщика» Яна Вышатича, прибывшего в 1071 году собирать дань в Белозерье, где проживало это племя, был некий «попин» (священник) [1]. Возможно, что в том же XI веке на землях обитания древней веси появились первые православные церкви[2]. Можно также предположить, что и другие сборщики дани, объезжая подвластные им земли, подобно Яну Вышатичу, осуществляли миссионерскую деятельность.

Территории, с которыми граничила Новгородская республика,— побережья Рижского и Финского заливов, Ладожского и Онежского озер — были к XI столетию заселены группой родственных племен, известных под общим названием «прибалтийские финны». На побережье Рижского залива жило племя ливов; на южном берегу Финского залива, к востоку от реки Наровы, жило ответвление эстов — племя водь. На берегах Невы и в юго-западном Приладожье жило ответвление карельского племени — ижоры. Карельский перешеек и северное Приладожье вместе с лежащими к северу от этих земель местностями были заняты племенем карела. Лежащие к западу от Карельского перешейка центральные области южной Финляндии были заселены племенем емь; на юго-западном побережье Финляндии жили сумь[3], из слияния этих двух племен впоследствии образовался финский народ.

Примерно с того же, XI века Православие начало проникать в северное Приладожье, к жившему там племени карела (или «корела»; финск.— «карьялайсет»). Это было обусловлено тем, что через Карелию, по Ладожскому озеру, Неве, Вуоксе, Сайме с его протоками и Финскому заливу пролегал торговый путь между Западной Европой и Русью.

Жители окрестных земель, оседавшие в Новгороде, также принимали здесь православную веру. В известном «Вопрошании» Кирика (XII век) есть вопрос о сроке оглашения крещаемых, среди которых были выходцы из иноплеменного язычества. В ответе на поставленный вопрос сообщается о той практике, которая уже сложилась к этому времени: «Молитвы оглашеныя творити: болгарину, половчину, чюдину преди крещения 40 дний поста»[4]. То есть крещение «чудин» было делом обычным, и это постепенно сближало новгородцев с карелами и эстонцами.

В своей деятельности новгородские миссионеры сталкивались порой с противодействием западных монашеских орденов. В 1184 году в нижнем течении Западной Двины высадились монахи Августинского ордена. Они построили здесь замки и храмы и начали насаждать в Прибалтике католичество. Активную деятельность развернули в прибалтийских землях и миссионеры Тевтонского ордена. Здесь столкнулись интересы Православной и Римско-Католической Церквей. В 1207 году в Толове, северной части Латгалии, было введено Православие. В то время эти земли были подвластны союзнику Новгорода — Пскову; крещение жителей Латгалии было призвано остановить продвижение на эти территории католического Тевтонского ордена[5].

Вскоре новгородские власти то же сделали в Эстонии после похода под Отепяя (Оденпэ). Как повествуется в «Ливонской хронике», в 1210 году «великий король Новгорода, а также король Пскова со всеми своими русскими пришли с большим войском в Унгавнию (юго-восточная часть Эстонии, примыкает к Чудскому озеру.— *А. А.*), осадили замок Оденпэ и бились там восемь дней. Так как в замке не хватало воды и съестных припасов, осажденные просили мира у русских. Те согласились на мир, крестили некоторых из них своим крещением»[6].

В этом повествовании речь идет о крещении жителей Оденпэ, расположенного к югу от Тарту (бывший Дерпт). История Православия в этих землях восходит к 1030 году, когда новгородский князь Ярослав, сын равноапостольного князя Владимира, поставил крепость на берегу реки Эмбах (Эмайыги), положив начало городу, который был назван по его христианскому имени — Юрьев (Дерпт). Тогда же там был воздвигнут и православный храм[7].

Летописец Генрих Латвийский, автор «Ливонской хроники», сообщает, что после крещения жителей Оденпэ псковичи и новгородцы «возвратились в свою землю, обещавши послать к ним своих священников для совершения возрождающего к новой жизни Таинства Крещения; этого, однако, они впоследствии не сделали, ибо жители Унгавнии позднее приняли священников от рижан, были ими крещены и причислены к рижской церкви»[8]. В изложении Генриха Латвийского это происходило следующим образом: в 1220 году епископ Рижский Альберт (1199—1229), «отправив послов в Руссию, обратился к новгородцам со словами мира, а между тем не преминул послать священников в Эстонию. Первым из них был Петр Кайкевальде и Генрих, священнослужитель лэттов на Имере. Отправившись вместе в Эстонию, они прошли через Унгавнию, уже ранее крещенную, и достигли реки, именуемой Матерью вод у Дорпата (Тарту.— *А. А.*). От этой реки они начали сеять семена христианского учения, очищая святым источником возрождения окружающие деревни»[9].

Таким образом, основная масса восточных эстонцев (угавнийцев) была крещена западными миссионерами, прибывшими из Риги. Что же касается земель, примыкающих к Эстонии, то Православие сохранялось там в течение всего новгородского периода, а также и в последующую эпоху. Вот что писал, например, в 1701 году архиепископ Холмогорский Афанасий о жителях Ивангорода, граничащего с Нарвой: «По нижнюю сторону Иваня-града — церковь деревянная; в ней служат два священника с клирики; присылаются от новгородского архиерея; прихожане тоя церкви, кореляне, нашего благочестия христианския веры»[10]. (Здесь речь идет о «корелянах», принадлежавших к древнему племени водь. «Несмотря на то что славяно-русская колонизация проникла в этот край (Водский), остатки этой народности и по сие время сохранились в Наровском уезде Петербургской губернии. Эта водь называет теперь себя Watialaiset»[11],— писал один из русских авторов в начале нашего века.)

Новгородская политика имела свою слабую сторону: подчиненные земли не всегда закреплялись постройкой укрепленных пунктов и крепостей, а в имевшихся часто не было постоянных новгородских гарнизонов. Это значительно облегчило завоевание зависимых от Новгорода территорий западноевропейскими войсками[12], после того как в 1239 году папа римский Григорий IX (1227—1241) призвал немцев, шведов, датчан, норвежцев к крестовому походу против русских.

В борьбе новгородцев против шведов, начавшейся в XII веке на территории Прибалтики и Финляндии, столкнулись две конфессии — православная и католическая. В начале 20-х годов XII века шведские миссионеры в Финляндии во главе с епископом Томасом начали вести католическую пропаганду среди племени емь. В результате к середине 1120-х годов шведским миссионерам удалось склонить значительную часть племени емь к принятию католичества. Одновременно они смогли настроить старейшин племени емь против новгородцев, и в середине 20-х годов XIII века произошло отпадение этого племени от Новгорода[13].

В 1227 году новгородцы во главе с князем Ярославом Всеволодовичем (отцом святого благоверного князя Александра Невского) предприняли поход против еми и шведов, которые, нарушая договор о мире, заключенный в 1201 году, мешали развитию новгородской торговли. Князь Ярослав вернулся домой с множеством пленников, которые, воз-

можно, были затем крещены в Новгороде[14]. Но все же князь Ярослав не смог тогда добиться восстановления новгородского влияния в земле еми. Переход еми под влияние шведов изменял политическую обстановку к северу от Финского залива. Поэтому сразу же по возвращении из похода в Финляндию князь Ярослав Всеволодович решил принять меры против дальнейшего проникновения шведского влияния в «новгородскую» Карелию. Для того чтобы укрепить союз с соседними землями, туда были посланы из Новгорода миссионеры, которые начали проповедовать Православие среди живших там народностей — води, ижоры и юго-западной карелы.

По словам Лаврентьевской летописи, в 1227 году князь Ярослав Всеволодович, «послав, крести множество корел, мало не все люди»[15]. Такой успех новгородских миссионеров предположительно можно объяснить тем, что карелы уже издавна были знакомы с христианством. Здесь же следует привести мнение В. Егорова, одного из отечественных исследователей, который полвека тому назад высказал мысль о том, что невозможно было одним приемом в течение одного года крестить всех карел. Он считал, что фразу «мало не все люди» надо отнести к племени людинцев, частично сохранившемуся еще и в его время в деревнях близ Петрозаводска. Поэтому известие летописи он толковал так: «Крещены были карелы и [почти все] живущие между ними людинцы»[16].

Но как бы там ни было, для единовременного крещения карел князем Ярославом, по всей вероятности, было направлено в Карелию большое число православных священников и монахов, которые за довольно короткий срок сумели привести в лоно Православия значительное число карел. Правда, первоначально Православие было воспринято лишь в его внешних формах; языческие верования еще довольно долго продолжали бытовать среди карел и лишь постепенно, в течение столетий, были вытеснены христианством.

Христианизация порубежья сопровождалась введением в этих землях административной системы Новгорода. Православные карелы, жившие в Приладожье, были подчинены Новгороду, причем населенный ими край вошел в состав так называемой Водской пятины (от названия племени водь). Включение ижорской и карельской земель в состав «всей волости Новгородской» сопровождалось строительством в этих землях опорных пунктов (Копорье — в 1280 году, Корела — в 1295 году, Орешек — в 1323 году).

Ижорская земля также имела для Новгорода огромное значение, так как через нее, по реке Неве, проходил водный торговый путь, связывавший Новгород со странами Западной Европы. Поэтому новгородцы упорно боролись против всех попыток шведов и немцев закрепиться на Неве или на подступах к Неве — на Карельском перешейке и в водской земле.

Новгородская летопись сохранила эпизод о начале христианизации ижоры, являющейся ответвлением карельского племени. В сообщении от 1240 года говорится: «Бе некто муж старейшина в земле Ижерьской, именем Пелгусий, поручена же бе ему стража морская, восприят же святое крещение и живяще посреде роду своего, погана суща»[17]. Из этого сообщения видно, что во главе ижорцев, заселявших бассейн реки Невы, был поставлен представитель местной знати старейшина Пелгусий. Сам он принял Православие (во крещении Филипп), но тем не менее его род еще пребывал в язычестве («погана суща»). Кроме Пелгусия были крещены «лучшие мужи» племени[18].

Широкую миссионерскую деятельность на обширных землях к северу от Новгорода вели православные монахи. Основывая свои обители в карельских землях, они просвещали светом Христовой веры приходивших к ним жителей. Новгородские иноки были наставниками местных жителей не только в религиозно-нравственном, но и в бытовом отношении. Они крестили их, учили расчищать лесные чащи, обрабатывать землю, строить жилища и ладьи, плести сети, ловить рыбу, то есть превращали их в оседлых крестьян. «Свое привычное земское устройство русские насельники прививали и туземцам, когда крестили «дикую лопь» или «корельских детей» в православную веру,— писал один из русских историков.— Корел и лопарь, принимая христианство, вместе с новой верой и русским именем принимали и весь облик русского человека, «крестьянина», складывались в погосты вокруг церкви или часовни и начинали жить русским обычаем в такой мере,

что по старым грамотам нет возможности отличить коренного новгородца от инока-новокрещенца»[19].

Основными центрами христианизации приладожской Карелии были города Корела (Кексгольм, ныне — Приозерск) Тиверск (Тиурулинна). В Карелии имелись также большие торговые села: Кирьяжское (Куркийоки), Сердобольское (ныне — Сортавала), Сванский Волок (Тайпале) и др.[20]

Краткие летописные сообщения позволяют предполагать, что православные карелы не оставались без духовного попечения новгородских архипастырей. Так, в одном из летописных сводов под 1419 годом упоминается о поездке архиепископа Новгородского Симеона (1415—1421) по карельской земле. Причиной этого нелегкого по тем временам путешествия, о которой летописец не упоминает, была, вероятно, миссионерская деятельность — утверждение карелов в Православии[21].

Постепенно влияние Церкви на быт карел укреплялось. В грамотах XV века еще можно встретить старые карельские имена: Кокуй, Тойвот, Олфуй, но рядом с ними уже появляются и христианские. Со временем в карельский язык перешло из русского много слов религиозного значения, таких, как: святой, благословинду (благословение), пруазниэкку (праздник), рийзу (риза), кадильниччу (кадило), стихари (стихарь), покойниэкку (покойник), Господи Сусе (Иисусе) Христе, Богородиччу (Богородица), Евангели (Евангелие)[22].

«Большая часть русских названий приурочена к предметам религии, так как по принятии карелами христианства в их лексиконе оказалось очень мало подходящих слов для именования новых, неведомых дотоле предметов»[23] — так объяснял это явление один из русских исследователей. Вот еще несколько заимствований религиозного характера: в карельском языке понятие «вера» выражается близким словом «виеру», понятию о грехе соответствует слово «рега», слово «икона» по-карельски звучит как «образа», понятие «монах» выражается двумя словами: мунко (образованное от шведского «мункки») и «манах» (имеет русское происхождение)[24]. В Восточной Финляндии слова «монастырь» и «церковь» имеют сходное произношение: «монастери», «тсерква».

Однако русское влияние при всей своей значительности не вело к обрусению карельского народа, сохранившего свой язык и свою культуру. Тем не менее в крае, где местное население имело постоянные контакты с русскими переселенцами, все же неизбежно имела место некоторая ассимиляция. «Колонизация религиозная шла шаг за шагом по стопам земской колонизации, служила ей, неразборчивой по своему характеру, нравственным противовесом и с каждым столетием подвигалась все далее на восток и север,— писал в начале нашего столетия один из православных авторов.— На всем севере России в течение этого времени происходил медленный, но непрерывный процесс мирной ассимиляции финских племен ижоры, корелы, води, чуди, черемисов, вотяков, мери и даже мордвы на среднем течении Волги»[25].

Документы XV века дают основание утверждать, что в середине этого столетия почти все карелы носили православные имена. Таким образом, можно полагать, что в середине XV века Православие уже основательно внедрилось в быт карел. Окладные книги 1500 года, перечисляющие всех домохозяев Карельского уезда, называют в основном православные имена и отчества.

Православные новгородцы поддерживали постоянные связи с местным населением. Число русских купцов, постоянно живших в Карелии и наезжавших сюда из Новгорода и других русских городов, было немалое. Так, например, около 1500 года только в одном Выборге находилось до 400 русских купцов[26].

Несмотря на интенсивный рост миссионерской деятельности, христианизация населения земель, входивших в сферу влияния Новгорода, проходила медленно и ко времени окончания самостоятельного существования Великого Новгорода (1478) еще не была завершена.

Большая заслуга в деле дальнейшей христианизации обширных земель, лежащих к северу от Новгорода, принадлежит Новгородскому архиепископу Макарию, ставшему впоследствии Предстоятелем Русской Православной Церкви. До приезда в Новгород Макарий был архимандритом Можайского Лужского монастыря. В сан архиепископа Новгородского Макарий был возведен 4 марта 1526 года, в Новгород он прибыл 29 июля и находился на Новгородской кафедре до 1542 года.

Уже в первый год своего святитель-

ства на Новгородской кафедре архиепископу Макарию довелось принять участие в трудах русских миссионеров, подвизавшихся на Кольском полуострове. В XVI веке Крайний Север представлял обширное поле деятельности для проповедников веры Христовой, и она в это время распространялась и утверждалась там, где ее прежде не было. На севере новгородцы создавали поселения на всем побережье Белого моря. В XVI веке они стали хозяевами Кольского полуострова.

К северу от карельских земель лежала Лапландия — страна саамов (иначе — лопарей). В нее входили Кольский полуостров, Лапмаркен (крайняя северная область современной Финляндии) и Финмаркен (крайняя северо-восточная область современной Норвегии).

Среди лопарей веру Христову проповедовал инок Феодорит (ок. 1480— † ок. 1576), постриженик Соловецкой обители. Он научил лопарей, живших при устье реки Колы, грамоте, перевел на их язык несколько молитв, построил для новообращенных храмы и даже монастырь. Просвещенные Феодоритом «поморцы и лопяни с моря Окияна, из Кандолжской губе, усть Невы реки, из дикой Лопи», послали в 1526 году своих ходоков в Москву, чтобы получить антиминс для возведенной у них церкви при устье реки Колы. Великий князь Василий III (1505—1533) поручил архиепископу Макарию отправить к лопарям из новгородского собора священника и диакона, и эти клирики, прибыв на Кольский полуостров, крестили многих лопарей и освятили для них церковь во имя Рождества Иоанна Крестителя. «И государь князь великий велел послати богомолцу своему архиепископу Макарию из Новагорода от соборныя церкви священника и диакона; и они, ехавше свящали церковь Рождество Иоанна Предотечи, и многих лоплян крестиша во имя Отца и Сына и Святаго Духа, в нашу православную християнскую святую веру»[27] — так повествуется об этом событии в древней летописи. Таким образом, в 1526 году, в первый год святительства архиепископа Макария, было совершено массовое крещение поморцев и лоплян, живших у Кандалакшской губы — одного из заливов Белого моря.

Большую активность на миссионерском поприще развил на Кольском полуострове преподобный Трифон Печенгский (в миру Митрофан), основатель Печенгского монастыря. Число лопарей, обращенных им в Православие, росло; для научения новопросвещенных преподобный пользовался молитвами, которые ранее перевел на язык лопарей инок Феодорит, предшественник подвижника. После долгих трудов проповедника большое число лопарей, живших у реки Печенги и озера Пото, уверовало во Христа.

Преподобный был сыном новгородского священника и знал о покровительстве архиепископа Макария миссионерскому делу. Поэтому Трифон отправился в Новгород, чтобы испросить у новгородского владыки грамоту на построение храма. Из Новгорода он вернулся с мастерами-строителями, которые решили идти с ним в дальние земли из усердия к Богу. При возведении церкви блаженный Трифон за три версты носил на своих плечах бревна. Так были возведены храмы для лопарей, живших на реке Печенге и Пазреке. В самом начале 1530-х годов преподобный пригласил иеромонаха Илию, жившего в кольских землях, освятить храм и крестить обученных в вере лопарей. Иеромонах Илия постриг в монашество самого проповедника с именем Трифон (около 1532).

К этому времени относится очередная просьба лопарей «с Мурманского моря, с Колы реки» к новгородскому архиепископу Макарию. В 1532 году они просили «антиминсов и священников церкви Божия свящати и самех просветити святым крещением». И снова, как и 6 лет назад, к лопарям были посланы священник и диакон Софийского собора, которые крестили многих лопарей за Святым Носом (один из мысов в Белом море) и освятили для них две церкви: во имя Благовещения Пресвятой Богородицы и во имя Святителя Николая[28]. Вслед за этими и в других местах стали появляться храмы для уверовавших лопарей. В 1530-х годах преподобный Трифон основал при устье реки Печенги монастырь во имя Пресвятой Троицы, эта обитель сыграла огромную роль в деле христианизации Севера.

Будучи выходцем из монастырской среды, архиепископ Макарий принимал близко к сердцу нужды обителей, рассеянных в новгородских землях, и к нему часто обращались насельники этих монастырей, видя в нем своего покровителя и заступника. Так, например, до

нас дошла духовная грамота преподобного Александра Свирского от 30 августа 1533 года, которую он написал накануне своей кончины: «Се аз раб Божий пишу сию духовную грамоту, своим целым умом, государю преосвященному архиепископу Великаго Новагорода и Пъскова владыке Макарью». В то время Александро-Свирский монастырь (основан в 1487 году) был одним из крупных миссионерских центров в Обонежье, и судьба этой обители волновала ее основателя преподобного Александра. В грамоте, адресованной архиепископу Макарию, он писал: «Старцы, государь, святыя Живоначальныя Троицы обители, видя меня приспевша к кънцу, и начаша ми докучати о игумене: «Кого де ты нам прикажешь на свое место игумена»; и аз, государь, положу ли упование на Бога, да на тебя; а есть, государь, у Живоначальныя Троицы во обители, в нашей пустынке, 4 священника, и аз приказываю государь, Богу, да тебе, котораго, государь, ты благословишь в тех 4-х священниках, то им игумен»[29].

Преподобный Александр Свирский рассчитывал на поддержку со стороны архиепископа Макария, и в заключение своей грамоты он просил новгородского архипастыря: «Побереги и оборони (монастырь.— *А. А.*) от сильных людей, после моего живота»[30]. Отсюда следует, что процесс распространения христианства был отнюдь не всегда успешным в новгородских землях. Архиепископу Макарию довелось столкнуться с отпадением части местных жителей к дохристианским верованиям и традициям.

К концу существования Новгородской республики (1478) влияние Православия в некоторых ее отдаленных землях стало ослабевать. Так, в начале XVI века в северных частях Водской пятины — «до Лексы реки до Лопи до дикие» — многие жители не соблюдали посты, перестали возить усопших для погребения к церквам на погосты. Они нарекали новорожденным «свойски» имена, не принятые Церковью, нерусские, хоронили мертвых в курганах и «комолищах», допускали сожительство невенчанных пар.

Пережитки языческих верований, особенно среди карел, были настолько сильны, что в первой половине XVI века на это явление было обращено пристальное внимание новгородского Владыки. Архиепископ Макарий с соизволения великого князя и по повелению его, «желая прелесть оную искоренити и просветити божественным учением», написал окружную грамоту (от 25 марта 1534 года) ко всем игуменам, священникам и диаконам Водской пятины — в чудские, ижорские, карельские, ореховские и другие уезды и погосты — всюду, где находились язычествовавшие христиане[31]. Вручив эту грамоту своему приближенному священнику Илие, он отправил его вместе с «двумя боярскими детьми», Палицыным и Ошманаевым[32], искоренять языческие пережитки.

В этой грамоте, укоряя местных пастырей за их нерадение о своих духовных детях, архиепископ предписывал, чтобы они, как только приедет к ним Илия, собрали в своих приходах всех православных христиан и приказали им всем вместе, единодушно в селах, деревнях и лесах разорять и истреблять огнем языческие капища, дерева и камни, а языческих арбуев (жрецов) с их учениками приводить к священноиноку Илие для наставлений и убеждений. Арбуи являлись проповедниками и хранителями древних языческих верований и обрядов: они должны были присутствовать при рождении и при похоронах.

Сам же архиепископ Макарий в новгородской святой Софии «молебны пел и воду святил со всем священным собором», эту воду вместе с посыльной грамотой имел с собой священник Илия во время своего миссионерского путешествия. В грамоте предписано было, чтобы после истребления языческих мольбищ священники вместе с Илией совершили в церкви соборные молебствия, освятили воду, окропили этой водой всех жителей от мала до велика и их жилища. В то же время поучали, вразумляли и убеждали арбуев и их последователей оставить прежние языческие дела и жить по-христиански, а тех арбуев, которые принесут покаяние, исправляли бы сами по правилам святых апостолов и святых отцов, а о тех, которые останутся упорными и непослушными, извещали бы боярских детей, которые обязаны брать их и препровождать в Новгород на суд Владыки и гражданской власти[33].

Миссия священника Илии принесла видимые результаты: он с таким успехом исполнял волю Владыки, что даже сами язычники помогали ему разрушать свои капища и истребляли изображения идолов. Илия объехал многие погосты и

уезды в «чудских пределах» — Корелу, Ижору, окрестности Иван-города, Яма, Копорья, Ладоги; от берегов Невы до Каяни и Лапландии[34]. Всюду он восстанавливал православие и крестил жителей.

Можно привести интересный рассказ летописца о подвигах священноинока Илии: «Он же, по благословению архиепископа Макария ехав, обрете места и воздав молитву всемилостивому Спасу и Пречистей Богородицы и всем угодником Его, нача искореняти прелести кумирские и скверные молбища, лесы сечи и огню предавати, камение же чье в воду метати, и которые некрещены святым крещением просвещати... и егда пришед священник и священною водою окропив и молитву сотворив, и они велми старашеся разоряли молбища своя, и ничем же невредженни быша и видевше чюдо оно, слово Божие с радостью прияли и ту прелесть свою прокляша, а прежде сего пакости деяху священнику... И проповеди ради слова Божия Дух Святыи помогаше Илии священнику, и обращения ради их и покаяния многа показа Бог знамения и чюдеса, яко слепии мнози прозреша, и всякими недуги одержими исцеления прияша, и бесы от человек отгоними бываху, священныя ради воды кропления, за молитв пресвященнаго архиепископа Макария... И того искоренения по волостем и по местом шествуя семо и овамо, кто может исчести, преводя от темнаго дна адова на истинный свет богоразумия?»[35].

В следующем, 1535 году архиепископ Макарий снова посылал благочестивого священноинока Илию в те места, где он уже путешествовал для утверждения истинной веры, и велел также объехать все остальные места, в которых тот прежде не был, чтобы и там «разоряти чюдския обычая, еже женам их власов своих не постригати, и риз яко мертвечьих на главах и на рамех не носити, и кудесы своя прокляти»,— повествует летописец,— таков бо бе обычай злый в Чюди, и в Ижере, и во всей Корельской земли и во всех прежеписанных местех; он же (Илия.— *А. А.*) сия вся по повелению своего святителя и по божественным правилом, сия вся злыя обычаи разори, повеле власы ростити и главы своя покрывати, и вся поучив божественному Писанию, творити якоже христианом лепо»[36].

Миссионерская деятельность священника Илии в Карелии нашла отражение в устном народном творчестве карел. В одной из рун, например, говорится: «Гость пришел из Эстонии, святой Илья из Ижоры, стали церкви подниматься, на островах часовни. Крестил мужчин он добровольно, женщин против воли. Илья, сын святого, крестил карел, крестил людей, враждовавших между собой, усмирил народ бунтарский»[37] (перевод А. С. Жербина).

Миссионерская деятельность Владыки Макария затронула и татарские семейства. Московское правительство, прогневавшись за что-то на казанских пленников, привезенных в Новгород и другие города с их семействами, в 1535 году приказало всех мужчин заключить в темницы. В Новгороде их было более 80 человек, а в Пскове 70, и все они в течение пяти дней погибли в заключении. Уцелел только один — Асак (Осан), который изъявил желание принять православную веру со своим семейством; во крещении он был наречен Михаилом.

В следующем, 1536 году татарские вдовы, пережившие гибель своих мужей, «начаша приходяше молитися боголюбивому архиепископу Макарию, просяше святого крещения». Владыка Макарий послал запрос царю Ивану Грозному (1533—1584) о дозволении крестить их, «хотя бо вся человеки спасти и в разум истинный привести». Получив разрешение, он повелел определить женщин к соборным и приходским священникам для научения молитвам, а затем просветить Святым Крещением. «Они же... видевше яко породишася водою и Святым Духом... начаша прилежно молитися Святей Живоначальней Троице и хвалити святую православную веру; видеша бо яко избыша от козней лукаваго диавола и от темнаго дна адова». В Новгороде приняли крещение 43 женщины и 36 детей, во Пскове — 51 человек, в Орешке — 12 и в Кореле — 30; «и се, елико множество душ избыша козни лукаваго диавола и познаша святую православную веру»[38].

Известно также, что Владыка Макарий собрал около 700 рублей на выкуп русских пленных из Казани[39]. Впоследствии, будучи уже митрополитом Московским (1542—1566), Макарий по-прежнему занимался миссионерской деятельностью. Так, в 1553 году, после взятия Казани русскими войсками (1552), он крестил Утемыш-Гирея, а вскоре и взятого в плен казанского царя

Едигер-Махмета, во крещении названного Симеоном[40].

Миссионерскую активность проявлял и преемник Владыки Макария на Новгородской кафедре архиепископ Феодосий II (1542—1551). Вскоре после своего назначения в Новгород, в 1543 году, он написал послание в город Корелу, в котором укорял тамошних священников за то, что они не совершают крестных ходов и молебнов: «Вы, игумены, и священники, и диаконы около города и посада Корельского со кресты молебнов пети никогда не ходите»[41]. Архиепископ Феодосий при этом повелел впредь совершать крестные ходы и молебны и перечислил даже те дни, в которые должны совершаться крестные процессии[42].

А еще через 5 лет, в 1548 году, архиепископ Феодосий отправил еще одно послание к духовенству Водской пятины, в котором он предписывал искоренять все еще имевшиеся там языческие моления и обряды. Как и архиепископ Макарий, Владыка Феодосий послал туда софийского священника Никифора и «двух детей боярских» со строгим наказом упразднять язычество так же, как ранее это делал священник Илия[43].

«Прежде всего,— писал архиепископ Феодосий,— как бы зде в Великом Новегороде господин и отец наш Макарий митрополит во архиепископех, и слыша у вас во многих местех прелесть кумирскую, что християне, заблудив от православные веры, молились по скверным молбищам и много злодеяния безчинства творили своими нечестивыми умышлении по действу диаволю, и тогда он при своей пастве, повелением царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руссии самодержца, посылал в те ваши места в Чюдь и в Ижору и в Вошки и в Ореховские и в Корельские уезды с святою водою и с своими посыльными грамотами своего священника Илью с сеней от Рождества Христова, а велел ему, да с ним вам, игуменом и священником и диаконом, тое кумирскую прелесть скверныя молбища разорити, арбуев и их учеников, идолопоклонников, просветити божественным учением на истинный путь православные христианские веры, чтобы они от таковых своих скверных дел престали»[44].

Миссионерские усилия новгородских архипастырей в конечном счете принесли добрые плоды, и за следующие полстолетия Православная Церковь сделала большие успехи, одержав несомненную победу над язычеством. К концу XVI века христианизация Севера была в целом завершена, что хорошо видно на примере карельских земель. В XVI веке в Карелии, наряду с существовавшими уже обителями, было основано еще несколько монастырей, а именно: Климецкий на Онежском озере (1520); Яшезерская пустынь (в 75 км от Петрозаводска, основана по повелению Ивана Грозного); Ильинская Машезерская пустынь (в 22 верстах от Петрозаводска, основана в 1569 году); Николаевский Брусенский монастырь (в 40 верстах от Петрозаводска, основан в 1576 году); Сяндебская Успенская пустынь (в 22 верстах на север от Олонца, основана преподобным Афанасием в 1577 году); Соломенский монастырь (на Онежском озере, основан в 1590 году); Андрусова Николаевская пустынь (основана преподобным Адрианом в 1580-х годах); Важезерская пустынь[45]. Кроме того, на Кольском полуострове, кроме Печенгского монастыря, появилась и Кандалакшская обитель.

Как отмечает современный исследователь А. С. Жербин, в целом к началу XVII века на территории Обонежской и Приладожской Карелии, в Лопских погостах, в Карельском Поморье и на Кольском полуострове, по данным различных письменных источников, и прежде всего писцовых книг, насчитывалось 42 погоста и 77 церковных приходов, 35 часовен и 35 крупных и небольших монастырей, то есть в общей сложности около 200 духовных центров, занятых христианизацией местного населения. Учитывая, что общая численность населения региона не превышала 100 тысяч человек, получается, что одно место для богослужения приходилось в среднем на 500 жителей[46]. Таким образом, благодаря появлению в Карельском крае монастырей и храмов, православное влияние охватило практически всю его территорию.

* * *

Те проблемы, с которыми сталкивался архиепископ Макарий и его преемники в миссионерской деятельности, не были, однако, разрешены окончательно в течение нескольких веков, о чем свидетельствует пример Карелии с ее обширными землями и немногочисленным населением.

К началу нашего столетия православные карелы, как и ранее, по-прежнему нуждались в духовном просвещении. Можно сравнить высказывания двух русских исследователей, которые излагали на этот счет свои соображения. Вот что писал, например, в 1875 году олонецкий публицист А. Соборнов: «Невежество корелов есть главным образом следствие недостатка в Корелии сельских священников — этих первых народных учителей. Да и те священники, которые кое-где распределены по корельским погостам,— люди часто в высшей степени бедные и ради дневного пропитания употребляющие свои силы и значительную часть времени на тяжелые физические работы. Для исполнения церковных треб, конечно, остается время, но спрашивается: есть ли какая физическая возможность объезжать хотя и раз в год все корельские селения данного церковного прихода, селения, нередко отстоящие одно от другого на 40, 50 и 70 верст и притом лежащие в таких местах, в которые можно проникнуть только зимою, и то на лыжах. Этим объясняется невозможность большинства кореляков бывать хоть раз в 2—4 месяца на литургии»[47].

А 40 лет спустя другой русский автор, И. В. Оленов, свидетельствовал о сходной ситуации, обусловленной малочисленностью населения и обширностью церковных приходов. «Есть и теперь еще такие деревушки, где священник бывает не каждый год и дети по несколько лет живут некрещеными,— отмечал он в 1917 году.— А лет 20—30 назад, как рассказывают местные жители, часто бывали такие случаи: зимой на лыжах приходит к священнику за 40—50 верст от погоста детина лет 12—15 и обращается с просьбой: «паппи, ристи милма» (батюшка, крести меня)»[48].

Такие обстоятельства были не виной, а бедой карельских верующих, отделенных порой от ближайшего храма глухими лесами. И тем не менее оба русских исследователя единодушно свидетельствуют о благочестии карел и об их верности Православной Церкви. «В корельских селениях, как и в селениях русской народности Олонецкого края, поражает множество церквей, часовень и крестов,— писал А. Соборнов.— Нередко в одном и том же немногочисленном погосте есть две или одна церковь и несколько часовень. В каждой деревне, смотря по величине ее, можно видеть одну или две часовни и кресты. Такие знаки религиозности здешнего населения являются следствием благоговейной подражательности обонежским пустынножителям, которые, приходя в край, на месте своих подвигов водружали кресты, сооружали часовни и даже воздвигали храмы. Народ чтит эту память и при всяком мало-мальски важном событии строит часовни и воздвигает кресты. Эти часовни и кресты встречаются, кроме деревень, в лесах и по дорогам. Усердие народа снабжает часовни иконами, а кресты — кусками полотна или другой материи. В Корелии есть церкви, построенные 2—3 и более веков тому назад»[49].

Сообщение А. Соборнова дополняет И. В. Оленев, которому довелось побывать в самых глухих карельских уголках, там, откуда трудно было добраться до церкви или часовни. «На краю площадки под громадной развесистой сосной стоял старый деревянный крест, снизу до половины обложенный камнями и увешанный разноцветными лоскутками,— сообщает путешественник.— В середине креста я рассмотрел врезанный в дерево маленький медный, старинной работы образок святых Зосимы и Савватия, Соловецких угодников, особенно чтимых в Карелии. Карелы очень религиозны, и такие кресты вы встретите везде на дорогах»[50].

Приведенные строки относятся к 1917 году — времени, связанному с началом ломки традиционного уклада жизни карел на территории бывшей Российской империи. В дальнейшем православным поколениям «русских» и «финских» карел пришлось пережить еще немало испытаний, но до настоящего времени теплятся на сопредельных территориях светильники Православия. И по-прежнему справедливы слова, высказанные в начале нынешнего столетия по поводу тех лишений, которые довелось претерпеть православным христианам на протяжении нескольких веков: «В это трудное время простой карельский народ проявил стойкость в своих религиозных убеждениях,— отмечалось в одном из тогдашних изданий.— Глубокая вера, благочестие и преданность Церкви до сих пор отличают карел, которые по справедливости считаются одними из лучших сынов Православия»[51]. И в этом можно видеть несомненную заслугу архиепископа Макария и его преемников на кафедре древнего Новгорода.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 193.

[2] Копанев А. И. История землевладения Белозерского края, XV—XVI вв. М.; Л., 1951, с. 15—16.

[3] История Карелии с древнейших времен. Петрозаводск, 1952, с. 40.

[4] Русская историческая библиотека. СПб., 1880, т. VI, стб. 33.

[5] Русское Православие: вехи истории. М., 1989, с. 61.

[6] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938, с. 129.

[7] Чистович И. А. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к С.-Петербургской епархии. СПб., 1856, с. 125.

[8] Генрих Латвийский. Указ. соч., с. 129—130.

[9] Там же, с. 208.

[10] Афанасий, архиепископ Холмогорский. Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 году. СПб., 1838, с. 17.

[11] Любавский М. Русская историческая география в связи с историей колонизации. М., 1909, с. 110.

[12] История Карелии..., с. 60.

[13] Там же, с. 77.

[14] Беляев И. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1866, с. 322.

[15] Полное собрание русских летописей. СПб., 1841, т. 1, с. 191.

[16] Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, с. 65.

[17] Цит. по: Никитский А. Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879, с. 14.

[18] Цит. по: Кизилов Ю. А. Земли и народы России в XIII—XV вв. М., 1984, с. 33.

[19] Платонов С. Ф. Прошлое русского севера. Пг., 1923, с. 18.

[20] Православная Карелия. Пг., 1914, с. 5.

[21] Тихомиров П. И., протоиерей. Кафедра новгородских святителей. Новгород, 1891, т. 1, с. 235—236.

[22] Тихонов Е. Карелы в Финляндии.— Всемирный труд, 1867, № 1, с. 267.

[23] Камкин Н. Архангельские карелы.— Древняя и новая Россия, 1880, № 4, с. 661.

[24] Майков Л. О древней культуре западных финнов.— Журнал Министерства народного просвещения, 1877, № 12, с. 256.

[25] Смирнов Е. К. Очерк истории развития и современного состояния Русской православной миссии. СПб., 1904, с. 3.

[26] Православная Карелия..., с. 6.

[27] Полное собрание русских летописей. Т. VI: Софийские летописи. СПб., 1853, с. 282.

[28] Там же, с. 289.

[29] Цит. по: Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894, т. III, с. 39.

[30] Там же, с. 39.

[31] 1534 (7042) марта 25. Грамота новгородского архиепископа Макария в Вотскую пятину, в Чудь, в Ижору, в Карельский и другие уезды об искоренении языческих обрядов. ГПБ. Сборник XVI в., скоропись, QXVII, № 50, л. 116 об.—120. Цит. по: Материалы по истории Карелии..., с. 128—131.

[32] Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. СПб., 1909, с. 178.

[33] Тихомиров П. И., протоиерей. Указ. соч. Новгород, 1895, т. 2, вып. 1, с. 112—113. Текст грамоты см.: Гиппинг А. И. Указ. соч., с. 178—180.

[34] Томилин А. Великоновгородская святительская кафедра в историческом значении. СПб., 1851, с. 33.

[35] Полное собрание русских летописей. Т. V: Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851, с. 73—74.

[36] Полное собрание русских летописей, т. VI, с. 296.

[37] Цит. по: Жербин А. С. Христианизация Карелии в XII—XVI вв.— В кн.: Православие в Карелии: История и современность. Петрозаводск, 1987, с. 32.

[38] Полное собрание русских летописей, т. VI, с. 299.

[39] Здравомыслов К. Я. Иерархии Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени. Новгород, 1897, с. 30.

[40] Русское Православие: Вехи истории. М., 1989, с. 131.

[41] Материалы по истории Карелии..., док. № 58.

[42] 1543 г. января 15. Грамота Новгородского архиепископа Феодосия в Корелу об отправлении в установленное время молебнов и крестных ходов. ГПБ. Рукопись XVI в., скоропись. Q XVII, № 50, л. 121—122. Цит. по: Материалы по истории Карелии..., с. 146—147.

[43] Тихомиров П. И., протоиерей. Указ. соч., т. 2, вып. 1, с. 155.

[44] 1548 г. июня 8. Грамота Новгородского архиепископа Феодосия в Вотскую пятину, в Чудь, в Ижору, в Корельский и другие уезды о разрушении мольбищ и искоренении языческих обрядов. ГПБ. Сборник XVI в., скоропись, Q XVII, № 50, л. 306—313. Цит. по: Материалы по истории Карелии..., с. 154—159.

[45] Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, с. 80—81.

[46] Жербин А. С. Указ. соч., с. 31.

[47] Соборнов А. К истории культуры Олонецкого края.— В кн.: Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1875—1876, вып. 1, с. 128.

[48] Оленов И. В. Карельский край. Гельсингфорс, 1917, с. 48—49.

[49] Соборнов А. Указ. соч., с. 133.

[50] Оленев И. В. Указ. соч., с. 71—72.

[51] Православная Карелия, с. 3—4.

Архимандрит АВГУСТИН (Никитин)

Спасо-Влахернский монастырь

«Господь дает по сердцу. Устрояйте сердца ваши, елико можно, в обитель Ему, дабы устроение и сей видимой обители достигло совершения».

Из слова митрополита Московского Филарета
на освящении храма Нерукотворного образа Господня
в Спасо-Влахернском монастыре

Монастыри на протяжении всей истории России были очагами духовности и просвещения, центрами культурной и хозяйственной деятельности, оплотами государственности и, что самое главное, являлись воплощением духовно-нравственного идеала, на который ориентировались, которому стремились подражать русские люди. Для современного русского человека особый интерес представляет монастырское строительство в XIX и начале XX века, когда образованное общество России в значительной мере воспринявшие культуру Запада, под влиянием национального подъема, связанного с Отечественной войной 1812 года, стало вновь обращаться к традиционным русским ценностям, прежде всего к православной церковности, что и послужило причиной возникновения множества новых монастырей, как средоточия национальной духовности. Создавались монастыри людьми всех сословий и состояний: крестьянами, монахами, купцами и аристократами. К аристократам принадлежали и создатели Спасо-Влахернского монастыря — Головины.

Спасо-Влахернский монастырь.
Общий вид. Фото начала XX века

Знаменитый в русской истории род Головиных отличался благочестием. В XIX веке с Головиными связано основание двух подмосковных монастырей. На землях, принадлежащих Николаю Ивановичу Головину, был основан Крестовоздвиженский Иерусалимский женский монастырь, а Гавриил Павлович Головин, его двоюродный брат, под Дмитровом основал Спасо-Влахернский общежительный женский монастырь.

История основания обители ведется, однако, с начала XVIII века, когда Василий Петрович Головин решил построить храм в своем имении Деденево, расположенном в 11 километрах от г. Дмитрова. В июле 1712 года была заложена деревянная церковь в честь Нерукотворного Спаса. Икона Нерукотворного Спаса особенно почиталась в роде Головиных, ибо ею Великий князь Василий Дмитриевич благословил перешедшего к нему на службу Мангупского (Феодориди) князя Стефана, родоначальника Головиных и Ховриных. Считалось, что икона Нерукотворного Спаса принадлежит кисти преподобного Андрея Рублева.

В 1798 году сын Василия Петровича Головина, тоже Василий, положил основание новому каменному храму, строительство которого было завершено лишь в 1850 году внуком В. В. Головина Гавриилом. Сразу после освящения Спасского собора Гавриил Павлович Головин и его мать Анна (урожденная княгиня Гагарина) подали прошение в Святейший Синод об учреждении при храме женской общины, которая и была создана в 1852 году. Новой общине Головины пожертвовали 110 десятин земли и деревянную усадьбу, а также двухэтажный дом в Москве. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) принял активное участие в устроении новой общины. В письме Головиной от 16 февраля 1853 года (все даты — по старому стилю) он писал: «Указом Святейшего Синода от 20 июля 1852 года (За № 5226) объявлено мне Высочайшее Его Императорского Величества решение по Богоугодному желанию Вашему учредить в селе Ново-Спасское (Деденово) общежитие под наименованием Влахернского на учрежденных для Троице-Одигитриевого женского общежития правилах». Нужно отметить, что правила общежития для Троице-Одигитриевого монастыря были утверждены в свое время самим митрополитом Филаретом.

По просьбе основателей обители настоятельницей новой общины стала Елизавета Андреевна Татаринова, переведенная из знаменитого Дивеевского монастыря, основанного величайшим русским подвижником преподобным Серафимом Саровским. Елизавета Татаринова была пострижена в монахини с

Троицкий собор Спасо-Влахернского монастыря. Фото начала XX века

именем Серафима 7 августа 1852 года, а 23 сентября того же года возведена Митрополитом Филаретом в сан игумении. Своим дальнейшим процветанием Влахернский монастырь во многом обязан своей первой игуменье. Ее стараниями обитель, в которой к 1870 году находилось около сотни монахинь и послушниц, была обнесена каменной оградой. В 1886 году архитектором Никитиным к соборному храму была пристроена и колокольня. В это же время к монастырю перешел деревянный храм святого Димитрия Солунского. Игуменья Серафима пользовалась всеобщим уважением и любовью. За свою деятельность по благоустройству обители она была награждена Государем и Святейшим Синодом, а в 1882 году получила от жителей г. Дмитрова золотой наперсный крест с драгоценными украшениями.

В 1891 году Спасо-Влахернский монастырь посетили Великий князь Сергей Александрович и его супруга Елизавета Федоровна. Наверное, многое из увиденного Великой княгиней в Спасо-Влахернской обители пригодилось ей позднее при основании Марфо-Мариинской общины в Москве.

Монастырь обладал множеством святынь, значительная часть которых принадлежала ранее роду Головиных. Как отмечал в своих записках настоятель Николо-Угрешского монастыря архимандрит Пимен, «эта обитель одна из новейших по времени своего учреждения и одна из богатейших женских обителей святынею и древностями».

Из семейных реликвий рода Головиных в монастыре кроме иконы Нерукотворного Спаса находилась икона Знамения Богородицы, подаренная в 1611 году знаменитым русским полководцем князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским своему сподвижнику и другу Семену Головину. В монастыре находились богато украшенная икона Казанской Божией Матери, принадлежавшая долгое время нескольким поколениям князей Гагариных, вырезанная из кости икона Воскресения Христова, поднесенная в свое время архангельскими купцами императору Павлу I, от которого она перешла в род Гагариных, а от них — в Спасо-Влахернский монастырь, икона Смоленской Божией Матери — ею митрополит Филарет благословил Гавриила Павловича Головина при открытии обители.

Особое место среди монастырских святынь занимала икона Влахернской Божией Матери. С этой иконой византийский император Ираклий (610—648) ходил в поход на персов, затем она была перенесена на Афон и в 1653 году поднесена царю Алексею Михайловичу. Список с этой иконы попал к Головиным с теткой царя Марией Троекуровой, бывшей замужем за Алексеем Головиным. Среди украшений иконы находились и серьги сестры Алексея Михайловича царевны Татьяны Михайловны.

С Афона в Спасо-Влахернский монастырь попала и еще одна икона Божией Матери, именуемая «Достойно есть», которая была дана в благословение первой настоятельнице обители игуменье Серафиме в 1871 году. Следует еще раз упомянуть древнюю мона-

стырскую икону Нерукотворного Спаса. Эта икона весьма почиталась Иваном Грозным, а позднее и патриархом Филаретом (Романовым), который держал ее в своей келье...

К 1917 году Спасо-Влахернский монастырь, которым в то время управляла игуменья Евпраксия, являлся одним из наиболее устроенных не только в Московской епархии, но и во всей центральной России. В монастыре было около трехсот монахинь и послушниц. Земляные владения обители достигли двухсот пятидесяти десятин. На месте ветхой деревянной церкви святого Димитрия Солунского был построен новый каменный храм.

Война, объявленная монастырям почти сразу же после 1917 года, нанесла непоправимый урон нашей культуре, погасила на долгие десятилетия огоньки веры и благочестия. Жертвой этой войны стал и Спасо-Влахернский монастырь. Одно время на его территории находились различные службы строительства канала «Москва-Волга», затем в бывшей обители разместились различные медицинские учреждения.

Главный восьмипрестольный монастырский собор был разобран и пустует до сих пор.

Остается лишь надеяться, что Спасо-Влахернская обитель возродится из запустения вместе с другими заброшенными монастырями и храмами, вместе со всей Россией.

А. ЕФРЕМОВ

Городищенские святыни

(История почитания святой великомученицы Параскевы-Пятницы Иконийской в селе Городище Волгоградской области)

Почитание святой великомученицы Параскевы-Пятницы Иконийской сложилось в первые века христианства. День памяти ее мученической кончины установлен 28 октября (10 ноября по новому стилю). При распространении христианской веры в земли новообращенных народов вместе с книгами Священного Писания переносились апокрифические духовные писания и сказания, которые в сознании малопросвещенных людей смешивались с языческими верованиями. Так произошло и с почитанием святой великомученицы Параскевы-Пятницы, которое отмечалось не только в Великую Пятницу, день ее кончины, давший имя святой, но и еще двенадцать пятниц в году. Причем было составлено соответствующее апокрифическое толкование, авторство которого приписывается святому Клименту, Папе Римскому.

Причиной возникновения апокрифа, вероятно, стала многовековая языческая традиция посвящения одного и того же дня каждого месяца определенному божеству. Возможно, это связано также с почитанием древней богини Мокоши. Этому могло способствовать то, что греческое слово «Параскева» переводится как «предуготовление к чему-либо» и определяет возможность совершения последующих событий.

Если в языческом миросозерцании силой, предуготовляющей и определяющей счастье каждого отдельного человека, его рода, племени была грозная богиня удачи Мокошь, то в христианском понимании предуготовлением к счастливому и спасительному Христову Воскресению являются Страсти Господни, олицетворенные в обобщенном образе Параскевы-Пятницы. В глубокой древности богине Мокошь посвящались повторяющиеся несколько раз в году празднества, включающие заклинание священной земной влаги на родниках и колодцах. По-видимому, эти элементы языческого обряда проникли в обряд христианский, облегчив восприятие язычниками христианского мировоззрения и способствуя столь ши-

**Святая Параскева-Пятница.
Икона XII века
из собрания художника П. Корина**

Святая Параскева-Пятница.
Икона XIV—XV века с житийными клеймами

рокому распространению почитания святой Параскевы.

В России святую великомученицу Параскеву-Пятницу Иконийскую чтили со времени принятия христианства. Первые упоминания о постройке каменных храмов в ее честь в Полоцке, Чернигове, Новгороде датируются концом XII — началом XIII века. Храмы и храмовые приделы имени святой великомученицы, чудотворные иконы, колодцы, родники и часовни известны практически во всех уголках России. В одной только Москве в разное время было не менее пятнадцати храмов и храмовых приделов, посвященных святой великомученице и ее соименницам. В храме у Пречистенских ворот хранилась чудотворная икона с частицей ее святых мощей. Согласно обычаю, повсеместно устанавливались особые дни ее почитания. К концу XVIII века наиболее традиционным стал день девятой пятницы по Пасхе.

К этому времени черты языческих обрядов исчезли, связь освященного Церковью празднования с языческими верованиями порвалась, чествование святой Параскевы приобрело чисто христианский характер.

Следует упомянуть, что соименницы святой великомученицы Параскевы-Пятницы Иконийской в святцах встречаются трижды. Это святая преподобная Параскева-Петка Тырновская, Белградская или «Сербыня», то есть сербская (память 14 октября старого стиля), преподобномученица Параскева «еже от Старого Рима» (память 26 июля старого стиля) и мученица Параскева, которая считалась сестрой Фотинии самарянки (память 20 марта старого стиля). Несмотря на наиболее широкое распространение почитания святой великомученицы Параскевы-Пятницы Иконийской на Руси имелись храмы и храмовые приделы ее соименниц, особенно святой Петки Тырновской. Бывало и так, что образы святых Параскев сливались и путались один и с другим. К настоящему времени почитание других святых Параскев, кроме Иконийской, практически не встречается, однако Православная Церковь бережно хранит память о каждой из них до сего дня.

* * *

История городищенских святынь, связанных с именем великомученицы Параскевы-Пятницы Иконийской, восходит к XVI веку, когда в этой местности возникли славянские поселения. Старинное предание рассказывает о том, как в один из летних дней по безлесым холмам Волго-Донского междуречья водили свои стада благочестивые пастухи, исповедовавшие православную веру. В одном из родников тенистой Коренной балки им явилась икона святой великомученицы Параскевы-Пятницы. При попытках унести святой образ с родника сначала в поселок, а затем в одну из церквей старого Царицына икона трижды возвращалась на место своего явления. Там и была вскоре построена часовня для ее славного обитания.

По описанию людей, видевших икону позднее, это был образ не более двух пядей в высоту, написанный на двух досках, скрепленных шпонкой. Святая изображалась в пояс с мученическим крестом в одной руке и свитком с Символом веры в другой. Над головой ее два Ангела держали корону славы. Лик отражал сострадание и готовность к благодатной помощи.

Весть о чудесном явлении иконы быстро облетела окрестности, и к роднику потянулись паломники. Всем с верою и любовью приходившим обильно подавались от святой иконы Параскевы-Пятницы утешение и цельбы. За родником укрепилась слава святого, а поселок получил название Красный Колодезь.

В начале XIX века земли Царицынского уезда стали обживать переселенцы сначала с Юга России и Малороссии, а затем и из других губерний. Волна заселения продолжалась до 1842 года. В эти годы часовня над святым родником была перестроена и украшена, а в поселке на общинные деньги сооружена деревянная церковь, освященная в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радосте». В память о чудесном явлении иконы святой Параскевы-Пятницы северный придел церкви был посвящен великомученице, а южный — святому Николаю Чудотворцу. Празднование в честь обретения чудотворной иконы установили по существо-

вавшей к тому времени традиции в девятую пятницу по Пасхе.

Этот день в поселке отмечался всегда с особой торжественностью: на праздник тысячами сходились богомольцы не только из ближайших селений и города Царицына, но и из Астраханской губернии и области Войска Донского. Торжество продолжалось три дня, к нему приурочивали ярмарку.

В конце XIX века вблизи поселка Красный Колодезь проложили ветку железной дороги (она соединила Грязе-Царицынскую и Волго-Донскую магистрали). Ближайшая к поселку станция получила название Городище.

На рубеже XIX и XX веков село Городище, бывшее Красный Колодезь, разрослось, обустроилось и похорошело. В нем появилось купеческое и мещанское сословие. Старая деревянная церковь стала мала для разросшейся общины. В 1913 году рядом с деревянной церковью поднялся величественный храм с кирпичными узорчатыми стенами, высокими сводами, мощным пятиглавием и стройной колокольней. Его построили на собранные средства и на девятую пятницу по Пасхе 1913 года освятили при огромном стечении народа. Так же как и в деревянном, в нем устроили три престола, соименные прежним. Старую деревянную церковь вскоре разобрали. Соразмерные объемы, красота убранства, звучность и насыщенность светом внутреннего пространства каменного храма восхищали современников.

По рассказам старожилов, празднование начиналось с четверга панихидой в память об устроителе храма отце Константине, убитом рукой грабителя. Затем служили всенощную, после которой под неумолкаемый колокольный звон большую храмовую икону святой великомученицы Параскевы-Пятницы воздвигали на высокие носилки и с торжественным крестным ходом проносили от храма до родника. По всему пути следования многие богомольцы, жаждущие исцеления, лежали прямо на дороге, стремясь прикоснуться к своей заступнице, а также стояли и сидели на обочине. У родника служили молебен с водосвятием, читали акафист и молитвы до полуночи. На другой день в храме служили Божественную литургию и повторяли крестный ход и молебен на источнике. В субботу и воскресенье также отправляли храмовые службы по праздничному чину.

После революции 1917 года службы в храме еще продолжались. В гражданскую войну власть в селе неоднократно менялась, служить становилось все труднее. В 1918 году настоятель храма отец Виктор, став свидетелем глумления красноармейцев над алтарными святынями, умер от разрыва сердца.

Церковь закрыли в 1937 году. Руки воинствующих атеистов разломали кресты, сбросили колокола, разграбили утварь. Иконами из иконостаса подбивали лестницы, латали амбары на колхозном дворе. Тогда же снесли часовню, загадили святой родник. Чудотворная икона скрылась от поругания, и следы ее затерялись.

Храм Параскевы-Пятницы в Москве

Через некоторое время было решено приспособить здание церкви под клуб. Но этому мешали часто вспыхивающие пожары. В 1942 году в районе поселка Городище проходила линия фронта. Жителей села угнали, погибли архивы, семейные фотолетописи. Церковь жестоко обстреливали и разрушили окончательно.

После войны обгоревший остов храма неоднократно пытались снести или перестроить. Несмотря на все гонения пятничные службы на источнике возобновились. Без священства, крестов, икон и свечей простые люди, в основном женщины, многие годы правили там скромную службу в духе истинного Православия, дотягивая ниточку связи времен до наших дней. К восьмидесятым годам на праздник к роднику собиралось уже более сотни человек.

В 1988 году началось движение за сохранение храма, в котором активно участвовало Волгоградское отделение Фонда культуры. Было решено поставить храм на государственную охрану и организовать реставрационные работы. В 1990 году в селе Городище была зарегистрирована православная община. На девятую пятницу по Пасхе 1991 года архиепископ Волгоградский и Камышинский Герман и настоятель храма отец Игорь Быков освятили источник и провели на нем первую службу. В том же году на праздник Успения Божией Матери состоялось освящение многострадальных стен храма: началось возрождение святыни.

И. МАЛОВИЧКО

Духовные произведения С. В. Рахманинова

Его «Всенощная» изумляет нас не только богатством мастерства, красок, но главным образом таинственным сочетанием... подлинного живого религиозного чувства и самобытности[1].

Н. К. Метнер

«В молитвах Неусыпающую Богородицу» — так назвал свой духовный концерт 20-летний выпускник Московской консерватории Сергей Рахманинов. Песнопение дебютанта было столь удачным, что вскоре прозвучало в исполнении Синодального хора наряду с церковными произведениями Чайковского, Римского-Корсакова, Архангельского.

Создание песнопения было вполне закономерным явлением в начинающейся творческой судьбе Рахманинова. Церковное пение очень рано вошло в круг слуховых впечатлений будущего композитора. Еще в детские годы, бывая в храмах и монастырях, Сережа Рахманинов впитал и красоту переливов русских колоколов, и неповторимое своеобразие древнего знаменного распева. (На его древней Новгородской земле сохранились фрески глубокой старины.)

Поселившись в 1885 году в Москве, юный Рахманинов попал в атмосферу повышенного интереса к церковной музыке. Не только в храмах, но и в концертах постоянно звучали духовные песнопения.

Укреплению интереса Рахманинова к церковной музыке способствовал и прослушанный в консерватории курс истории древнерусских песнопений. Эти лекции читал крупнейший исследователь истории церковного пения профессор Д. В. Разумовский.

Соученик Рахманинова А. Ф. Гедике вспоминал: «Он очень любил церковное пение и частенько, даже зимой, вставал в семь часов утра и, в темноте наняв извозчика, уезжал в большинстве случаев в Таганку, в Андроньев монастырь, где выстаивал в полутемной огромной церкви целую обедню, слушая старинные суровые песнопения из Октоиха, исполняемые монахами параллельными квинтами. Это производило на него сильное впечатление»[2].

Рахманинов не только слушал церковные песнопения в храмах Москвы, но и серьезно изучал старину. Он прекрасно понимал: чтобы серьезно изучить русские церковные распевы, нужно знать крюковую симиографию, знать условия и законы построения, конструкцию и движение музыкальной мысли в системе записи мелодий в Древней Руси.

Крупнейший исследователь истории древнерусской музыки М. В. Бражников писал: «Рахманинов относился к древним распевам настолько бережно и вдумчиво, что сам читал «крюки» и переводил их с рукописи»[3]. Такая практика позволила великому композитору проникнуть в самые сокровенные глубины мелодики и характерных особенностей древнерусских песнопений, понять их душу и неповторимую красоту.

Постоянно в поле зрения Рахманинова были религиозные темы. Об этом говорит не только музыкальная ткань сочинений композитора, насквозь пронизанная стихией колокольного звучания и суровыми мелодиями знаменного распева, но и названия многих произведений Рахманинова: «Христос воскресе», «Пред иконой», «Ангел», «Воскрешение Лазаря», «Молитва», «У врат обители святой», «Евангелие от Иоанна» и др. Показательно также, что своими лучшими созданиями Рахманинов считал «Колокола» и «Всенощное бдение». Ориентация Рахманинова на духовную музыку отчетливо проявилась в высокой оценке труда А. Д. Кастальского и в посвящении «Литургии святого Иоанна Златоуста» памяти С. В. Смоленского.

К сожалению, после создания концерта «В молитвах Неусыпающую Богородицу» Рахманинов долго ничего не писал для церкви. Хотя еще в 1897 году Смоленский послал ему текст литургии, а через несколько лет и Кастальский обратил внимание композитора в эту

область творчества. Они верили, что яркая одаренность Рахманинова обогатит русскую церковную музыку. Так, подарив ему свое переложение из панихиды «Со святыми упокой» и «Сам Един еси Бессмертный», Кастальский сделал надпись: «Глубокоуважаемому Сергею Васильевичу Рахманинову от Кастальского в знак напоминания ему о том, что есть на белом свете область, где терпеливо, но настойчиво ждут вдохновений Рахманинова. 1903, ноября 11»[4].

Приостановил так талантливо начатую работу Рахманинова для церкви не только творческий кризис, но и проблема текста. Она оказалась настолько не простой, что спустя годы, приступив к созданию «Литургии», Рахманинов пишет подробные письма А. Кастальскому и М. Слонову с просьбой разъяснить различные структурные подробности, традиции, отдельные названия, возгласы, слова и даже ударения. Эти письма показывают, что композитор не знал тонкостей церковного устава и богослужения.

Летом 1910 года Рахманинов наконец-то приступил к работе над духовным произведением. В одном из писем он сообщал: «Я кончил только «Литургию». О «Литургии» я давно думал и давно к ней стремился. Принялся за нее как-то нечаянно и сразу увлекся. А потом очень скоро кончил. Давно не писал ничего с таким удовольствием»[5].

«Литургия» Рахманинова содержит не только песнопения к утренней церковной службе, но и представляет собой целостную музыкальную композицию. Помимо предусмотренных церковной службой контрастов между краткими хоровыми возгласами и более развернутыми песнопениями, композитор ввел контрастное сопоставление самих песнопений. В этом отношении интересны авторские ремарки, указывающие характер исполнения отдельных хоров и подчеркивающие эти контрасты: «быстро и легко», «очень медленно, еле слышно», «почти без оттенков», «постепенно ускоряя и увеличивая звучность».

«Литургия» Рахманинова наглядно показывает, как осваивал композитор манеру и стиль хорового пения, соответствующий древним традициям церковного пения. «Национальный художник-патриот Рахманинов стремился к истокам древнерусской, народной, национальной музыкальной культуры и нашел их в обильной сокровищнице древних церковных обиходных мелодий, сохранившихся в виде так называемых распевов — знаменного (самого богатого), демественного, киевского, московского Успенского собора, сербского и других. Новизна и свежесть интонаций распевов, их ладовое строение и свободный ритм, ранее не использованные композитором тексты, необычные образы и настроения увлекли Рахманинова и излились в его «Литургии»... не надо знать догматов и ритуалов Православной Церкви, чтобы почувствовать художественность, выразительность и поэзию этой музыки».

Автор вышеприведенных слов был очевидцем первого исполнения «Литургии святого Иоанна Златоуста» в Петербурге. Он дальше пишет: «В парадном бальном зале Дворянского собрания звучала православная церковная музыка. Среди слушателей виднелось много лиц в духовных одеждах... Торжественная тишина, глубокое внимание, одухотворенное выражение на лицах слушателей свидетельствовали, что музыка Рахманинова нашла путь к их сердцам»[6].

Сам композитор был не удовлетворен «Литургией». Рахманинов считал, что не вполне решил в ней проблему русской церковной музыки. Известная пестроватость, конечно, в «Литургии» есть. Это отмечал еще Кастальский. Но это нисколько не мешает ей быть выдающимся произведением, глубоко волнующим немеркнущей красотой и своеобразием.

Спустя пять лет, зимой 1915 года, Рахманинов создает настоящий шедевр русской духовной музыки — «Всенощное бдение». Композитору удалось разрешить художественную задачу, которую он вынашивал всю жизнь,— создать свой стиль многоголосной хоровой трактовки старинных церковных распевов. Рахманинов превосходно реализовал свое твердое убеждение, что «Всенощная» должна быть построена на незыблемых основах древнего обихода, отступления от которого недопустимы.

Сохранился следующий рассказ композитора: «Меня с детства увлекали великолепные напевы Октоиха. Я всегда чувствовал, что для их хоровой обработки необходим особый, специальный стиль, и, как мне кажется, нашел его во «Всенощной». Не могу не признаться, что первое исполнение ее московским Синодальным хором дало мне час счастливейшего наслаждения. «Всенощная» трудна во многих отношениях: она

предъявляет большие требования к вокальным возможностям и технике исполнителей. Тем не менее, великолепные синодальные певчие воспроизвели все эффекты, какие мне воображались, и временами даже превосходили идеальную звуковую картину, рисовавшуюся у меня в мыслях, когда я сочинял произведение... Мой любимый номер в этом песнопении — пятое песнопение *Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко*. Я бы хотел, чтобы его спели на моих похоронах...»[7]

Все пятнадцать частей «Всенощного бдения» написаны на канонические тексты православного богослужения, хотя предписано использовать обиходные напевы в десяти случаях. Рахманинов это объясняет так: «По закону Православной Церкви некоторые песнопения «Всенощной» должны быть написаны на темы обихода. Например, *Благослови, душе моя, Господа, Ныне отпущаеши*, Славословие и т. д. Другие могут быть оригинальными. В моей «Всенощной» все, что подходило под второй случай, осознанно подделывалось под обиход. Например: *Блажен муж, Богородице Дево* и т. д.»[8].

Очень показательно и многозначительно это признание композитора: «осознанно подделывалось под обиход». Оно многое объясняет в стилистике «Всенощного бдения», говорит о полном овладении стилем старинных распевов и о том, что Рахманинов отдавал им предпочтение. Конечно, композитор сумел внести в них существенно новые штрихи. Благодаря этому хоровая ткань «Всенощной» переливается то приглушенными, то радужными, то сумрачными звучаниями, колоритностью старинных диатонических ладов, смелой широтой мелодических линий. Поразительно колоритны во «Всенощной» «колокольно-хоровые раскачивания» — особенно в № 7 «Шестопсалмие».

Во «Всенощном бдении» Рахманинов пошел по пути, проложенному Кастальским, но гораздо увереннее и творчески свободнее, со смелостью и дерзостью гения. Например, он свободнее подошел к первоисточникам — памятникам русской музыкальной старины. Таковы хоры *Благослови, душе моя* и *Ныне отпущаеши*, в которых Рахманинов подчеркнул индивидуальное начало, поручив основную мелодию солирующему голосу. Это не только прием, но глубоко осознанное понимание художественного образа, мелодии-первоисточника, стремление раскрыть и подчеркнуть ее своеобразие, колорит и еще раз напомнить, что музыка Древней Руси была одноголосной.

Древние распевы с их суровой и строгой красотой стали основой великолепного монументального хорового эпоса. Самое поразительное заключается в том, что, применяя антифонное пение, поручая часто ведущую мелодию солисту, строя многоголосную полифоническую партитуру песнопений, Рахманинов совершенно не отходит от одноголосных первоисточников. И во всем этом грандиозном сооружении достигнуто удивительное стилистическое единство и передан сам дух древнерусского хорового исполнения. Рахманинову удалось возродить манеру старинных распевщиков, свободно, вне оков метра, развивавших каждую мелодию. Конечно, то, что было естественно и органично в условиях древнего одноголосного пения, в сложнейшем полифоническом произведении требовало высокого, виртуозного мастерства.

Наиболее показателен в этом смысле № 2 *Благослови, душе моя*. В традиционном распеве, без подчеркивания отдельных слов и интонаций, заключена удивительная мелодическая энергия. Каждое слово стремится быть распетым широко. Рахманинов все песнопение поручил солирующему альту, и это позволило ему выявить исключительную красоту мелодии. Также необыкновенно красива мелодия киевского распева в обработке Рахманинова в № 4 *Свете тихий* и № 5 *Ныне отпущаеши*. Звуковые краски этих произведений производят неизгладимое впечатление. Цикл лирических эпизодов завершается хором № 6 *Богородице Дево*.

Во втором разделе «Всенощного бдения» (№№ 8—15) преобладают монументальные песнопения. Кроме упоминаемого «Шестопсалмия», Рахманинов использует в композиции подражание колокольному звону в *Хвалите имя Господне* и в Великом славословии.

После «Всенощного бдения» композитор не писал церковной музыки. Но открытые им в древнерусских распевах сокровища вошли в музыкальный словарь и стали главнейшими отличительными чертами стиля и творческого почерка С. В. Рахманинова.

Независимо от споров о церковности духовной музыки С. В. Рахманинова она живет, звучит и завоевывает сердца

верующих людей. Огромное воздействие музыки композитора заключается в том, что она вдохновлена большими чувствами и впитала в себя суровую красоту и неповторимость древнерусских церковных распевов. Как никто другой, Рахманинов увековечил звучание песнопений Древней Руси. Он дал такое яркое, зримое представление о музыке давно прошедших времен, что это не может не волновать сердца новых поколений. Эта сердечная, молитвенная, проникновенная музыка будет звучать вечно.

На одном юбилейном вечере С. В. Рахманинова были сказаны слова, которые могут подвести итог размышлениям о духовных произведениях великого композитора: «Россия породила вас, московско-новгородский человек, русской землей, воздухом вскормленный, колоколами вдохновленный. Вы пронесли Россию и Москву через мир. Во всем у вас Россия — вплоть до «Колоколов» и высот «Всенощной» — вашего перла»[9].

ЛИТЕРАТУРА

[1] Воспоминания о С. В. Рахманинове. М., 1974, т. 2, с. 360.
[2] Там же, с. 13.
[3] Рукописное собрание Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского. Описания. М., изд. ГБЛ, отдел ркп., 1960, с. 21.
[4] ГЦММК им. М. И. Глинки, ф. 18, № 1078.
[5] Рахманинов С. В. Литературное наследие. М., 1980, т. 2, с. 19.
[6] Воспоминания о С. В. Рахманинове..., т. 1, с. 372.
[7] Там же, с. 176—177.
[8] Из архивов русских музыкантов. М., 1962, с. 61.
[9] Рахманинов С. В. Литературное наследие..., т. 2, с. 559.

Виталий БАКУМЕНКО

Возрождать ли нам знаменный распев?

До второй половины XVII века в Русской Православной Церкви существовала стройная система богослужебного пения. Древнерусская система распева создавалась методом попевочной техники, она — плод соборного творчества. Современная же церковная музыка основана на технике композиторской и является результатом творчества индивидуального. Уже одно это, если принять во внимание церковный канон, запрещающий произвольное, субъективное творчество в Церкви, говорит не в пользу современного церковного пения. Более того, принцип индивидуального творчества и произвол регентов в выборе песнопений (отправление службы по принципу «концерта») привели современное богослужебное пение в состояние полной бессистемности и беспорядка.

Древняя знаменная система распева являла собой конкретное выражение порядка, строгого мелодического чинопоследования, где каждая мелодия обусловлена уставными требованиями. Новозаветное пение — это, по словам святого Климента Александрийского, «вечный напев новой гармонии», «песнь новая», предреченная пророком.

Знаменный распев создавался в процессе монашеского подвига, он есть плод праведной жизни, и, в свою очередь, сам побуждает к праведной жизни. По святоотеческому учению, сама жизнь человека должна быть песнословием Богу: «Станем же флейтой, станем кифарой Святого Духа» (святой Иоанн Златоуст). В этом смысле жизнь можно рассматривать как «распев», если она направлена к единению с Богом, или как «концерт» при отсутствии этого стремления. В музыкальном же смысле, пишет современный духовный композитор В. Мартынов, «принцип распева стремится подчинить все песнопения службы единой мелодикоритмической системе, в результате чего вся служба становится как бы одним песнопением, пронизанным единым молитвенным дыханием». В результате естественного и длительного отбора из распева было устранено все, что могло вызвать телесно-мышечные ассоциации. Телесности песни, танца, шествия была противопоставлена духовность распева, достигаемая особыми средствами музыкальной изобразительности. По словам Г. Бесселера, «пневмонический мелос» превращает мелодию в «символ Духа», который разливается над верующими.

Музыкальный аскетизм древнерусского пения проявляется в его одноголосии. Наряду с запретом «безчинного» пения Большой Потребник Патриарха Филарета (начало XVII века) запрещает также западный многоголосный стиль пения: «Ниже некими доброгласии, неприличными церковному составлению и последованию (поют), якова же суть мусикийская пения и излишняя различия гласовом (италийских разногласий любителю, внимай). Ведомо ти буди и сие правило, како возбраняет органы и прегудная пения».

Все исследователи единогласно свидетельствуют, что Древняя Церковь знала только унисонное пение. «В Церкви должен всегда быть слышим один голос, так как она есть одно тело»,— говорит святой Иоанн Златоуст.

Во второй половине XVII века в связи с обмирщением религиозного сознания и проникновением в Православие чуждых ему принципов западного искусства наступает упадок русского церковного искусства — именно в этот период и появляется на Руси в отдельных храмах многоголосное пение.

Аккорд при партесном пении дает представление объема, пространства, то есть чего-то материального (образ видимого мира), одноголосие же позволяет избежать пространственных представлений и связанных с ними ощущений материальности, вещественности, что способствует отрешенности молящегося от окружающего его физического мира, переключению сознания на мир невидимый, духовный.

Одноголосный знаменный распев чрезвычайно способствует молитвенной сосредоточенности. Митрополит Арсений (Стадницкий) в 1915 году сказал на певческом съезде следующее: «Съезд должен отдать преимущество мелодическому (одноголосному) пению перед гармоническим: последнее услаждает, но не вызывает молитвенного настроения, ... при мелодическом пении слышна, так сказать, молитвенная тишина в храме. Не то при пении гармоническом...»

Одноголосный знаменный распев — вершина церковного певческого творчества, по своим этически-художественным достоинствам это́ явление того же уровня, что и прославленные древнерусская икона и зодчество.

В сегодняшнем богослужебном пении все имеющее хоть в какой-то мере дух истинной церковности основано на мелодике знаменного пения. Попевки знаменного распева слышны в современных напевах ирмосов «Отверзу уста моя», «Помощник и покровитель», «Яко по суху», «Волною морскою» и в других песнопениях. Можно сказать, что знаменный распев в значительной мере «оцерковил» и одухотворил искусственно внедренный в церковный обиход стиль партесного пения. Величественное древо русской церковной певческой культуры было безжалостно срублено в XVII веке, однако корни его до сих пор живительно питают богослужебное пение, а порой и дают новые поросли: например, в некоторых приходах догматики и антифоны стали петь подлинным одноголосным знаменным распевом.

Знаменное пение — это звуковое богословие, «иконописующее» (а не «живописующее») духовный мир. Может быть, главной причиной неудобоприемлемости знаменного распева современным обществом верующих и является его исключительная духовность, недоступная из-за нынешнего великого духовного оскудения. Высок духовный потенциал знаменного распева, *но душевен человек не приемлет яже Духа Божия* (1 Кор. 2, 14).

Знаменный распев справедливо в старину называли пением ангелоподобным, способным возводить человека на небо, поэтому борьба за возрождение древней традиции церковного пения есть борьба за ангелоподобный образ жизни, то есть фактически за Православие, которое есть не что иное, как жизнь во Христе. В ответ на возможный вопрос, кто же может «вместить» сегодня знаменный распев, приводим слова святого Симеона Нового Богослова: «Кто говорит, что теперь нет людей, которые бы сподобились принять Святого Духа... возродиться благодатию Святого Духа и соделаться сынами Божиими с сознанием, опытным вкушением и узрением, тот низвращает все воплощенное домостроительство Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и явно отвергает обновление образа Божия, или человеческого естества, растленного и умерщвленного грехом». Для желающих соделаться сынами Божиими знаменный распев и может явиться мощным средством духовного возрастания во Христе, сильнейшим оружием в невидимой брани.

О крайне неудовлетворительном состоянии современного церковного пения еще в 1940 году говорил Святейший Патриарх Алексий: «Вместо небесной музыки, какая слышалась в древних строгих и величественных распевах, мы слышим мирское легкомысленное сочетание звуков... В храме часто слышишь такую музыку, под которой уместно было бы подписать вовсе не те слова, которые поются, так как нет никакого соответствия между словами и музыкой».

В поисках первопричин этого явления мы, как указывалось выше, приходим к XVII веку, когда в процессе церковной реформы была разрушена стройная система богослужебного пения. Вместе с переходом на польско-украинскую манеру партесного пения был отвергнут принцип «распева» как единой системы организации песнопений и усвоен принцип «концерта» с произвольным композиторским творчеством. Богослужебное пение уступило место музыке, «подражание небесному сменилось подражанием земному, ангелоподобие пения сменилось мирообразием» (В. Мартынов).

На Руси всегда четко различали понятия богослужебного пения и музыки. В прошлом для русского человека музыка была «игрой» и представляла собой богоборческую стихию, орудие «поругания над святостью» (преподобный Исаакий Печерский). Любопытно, что и поныне в русской «глубинке» о пении мирских песен говорят «песни играть». Переход на новый стиль церковного пения привел к тому, что произошло смешение понятий богослужебного пения и музыки, игры, определяемых теперь словом «мусикия» (вспомним запрет на «мусикий-

ское пение» в Большом Потребнике). Произошла как бы маскировка музыки под богослужебное пение. Но если задачей знаменного распева было «возведение ума на небо» или «отверзание внутренних очес», то сторонники партесного пения и «мусики» даже и не помышляют ни о чем подобном в церковной музыке, ими ценится то, что действует на чувства. Высокая духовность сменилась душевностью, в клиросное пение вошла стихия народной песенности в подражание протестантскому Западу, пение это часто было не высоких музыкальных достоинств, с некоей невзыскательной и неуместной детской наивностью.

Сама природа партесного пения, его технические средства, объемное звучание, субъективный характер творчества изначально пригодны для создания чувственных, телесных образов видимого мира. Пожалуй, можно сказать, что партесное пение соответствует первому, начальному образу молитвы, описанному святым Симеоном Новым Богословом. Такой образ молитвы, связанный с игрой чувств, если на нем надолго остановиться, не может не принести вреда. Святой Симеон предупреждает подобных молитвенников: «Такой если сделается исихастом, едва ли ему можно не изступить из ума. Но если и не изступит из ума, все же невозможно ему стяжать добродетель или бесстрастие... Таков вред от первого образа молитвы, если почитать его последним пределом совершенства в молитве».

В этом смысле показательно песнопение Веделя «Покаяния отверзи ми двери», религиозно-субъективный драматизм которого доведен до крайнего предела. Разве имеют что-то общее с православием религиозные исступления, претендующие на харизматические дарования? Правильная молитва ведет к Богу, к спасению, а неправильная — в прелесть, в погибель. «От ложного умиления рождается возношение, а от истинного — утешение»,— говорит святой Иоанн Лествичник.

В нынешней практике правых хоров немало композиций плаксивого характера (например, сугубая ектения Титова), а также склоняющихся к ложной патетике (прокимен «Разделиша ризы Моя себе»). О том, как далеко может простираться композиторский произвол, говорит факт приспособления музыки рок-групп для церковных песнопений.

Даже П. И. Чайковский, достаточно светский человек, резко отрицательно отзывался о современном ему церковным пении: «От столицы до деревни раздается... слащавый стиль Бортнянского и — увы! — нравится публике. Нужен мессия, который одним ударом уничтожил бы все старые и пошел бы по новому пути, а новый путь заключается в возвращении к седой старине...»

Корни партесного пения — в венецианской школе, традиции которой были восприняты польскими композиторами и насаждались затем в юго-западных областях России с XVI века. Яркие колористические эффекты, тембровые и фактурные контрасты так называемого «роскошного стиля» венецианской школы вошли со временем и в партесное церковное пение.

Насущной необходимостью сегодняшней церковной жизни является возрождение истинно церковного богослужебного пения — системы знаменного распева.

Б. КУТУЗОВ

Святые отцы об унисонном пении

Священномученик Игнатий Богоносец. В согласной и стройной любви нашей воспеваете вы Христа Иисуса и все составляете один хор, чтобы, исполняясь в единомыслии веселием Божиим, петь единомысленно единым гласом (из Послания к Ефесянам).

Святитель Иоанн Златоуст. Жены и мужи, старцы и юноши полом и возрастом различны, но не различны в отношении к пению, потому что Святой Дух, соединяя голоса каждого в отдельности, из всех устрояет одну мелодию (из беседы на 145-й псалом).

Митрополит Вениамин (Федченков)

На рубеже двух эпох

Школа, общество и Церковь

В этой главе я хочу рассказать, как шло воспитание в мое время.

По долголетнему опыту жизни я давно пришел к заключению, что главную роль в характере человека играет прежде всего наследственность. Ее я понимаю собственно в двух видах: общем и индивидуальном. Под первым я разумею общечеловеческое природное состояние с положительными и отрицательными свойствами его, склонностями к добру и злу, под вторым разумею уже частные особенности, складывавшиеся в течение десятилетий и столетий, под влиянием разных индивидуальных условий: религиозных, географических, социальных и личных.

То и другое передается потом по таинственным путям психологической наследственности, и образуются нации, племена, роды, семьи и отдельные индивидуумы. Потом те же условия, а также смешение крови и личные усилия вносят разнообразие в новых людей, но думается мне, что преимуществуют все же свойства, полученные нами от предков, близких и дальних.

Личный наш подвиг, особенно в христианстве, может иметь немалое значение, но тут потребуются большие усилия, напряжение духа и воли, чтобы в короткий срок одной жизни добиться каких-нибудь значительных результатов и изменить и природные, и прирожденные (наследственные) наши свойства. И то для этого требуется, помимо всего прочего, особая Божественная помощь или сила благодати. Но и последняя не уничтожает индивидуальности, полученной уже от рождения, а только исправляет ее, усиливая доброе и ослабляя недостатки. И лишь исключительные люди, святые, добиваются этими путями великих результатов. Но и они, так или иначе, хотя бы в силу наследственной энергии, решимости, многим обязаны предкам и родителям.

Например, из житий святых мы ясно видим, что у большинства их родители были уже благочестивы или по крайней мере один из них. Исключения редки. И лишь был единственный период в жизни человечества, когда из недостойного прошлого выросло поразительное поколение миллионов обновленных людей: это — христиане первых трех веков. Божия благодать влила в них новые колоссальные силы, и история была свидетельницей невероятного чуда: двенадцать рыбаков, учеников Христа Господа, перевернули весь мир! Церковь Его сделала нечто подобное и над русскими племенами в IX—XI веках и дальше. И влияние ее, или точнее Силы Божией, глубоко отложилось на русском народе до наших дней, передаваясь и по рождению, и по общему духу традиций, по быту. Но до́лжно сознаться, влияние это давно стало слабеть.

Однако нельзя отрицать некоторой, хотя и меньшей, доли влияния и иных условий воспитания человечества. Обычно прежде придавали важнейшее значение знанию, обучению, школе. В последние времена — социальным, в особенности экономическим, условиям жизни. И лишь некоторые отводили первенствующее значение Церкви. Я признаю все эти пути, а какой из них сильнее, по моему мнению, отразился на русской душе в наше время, покажут дальнейшие мои воспоминания. Я их расположу в указанном в оглавлении порядке: школа, общество, Церковь. Среди материалов об этом будут и более важные факты и явления, но да не будет поставлено мне в вину, что я нередко буду рассказывать и о мелких случаях жизни: они, во всяком случае, будут оживлять воспоминания, а иной раз дадут кому-нибудь толчок и к более серьезным размышлениям и выводам.

Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1993, № 2.

Первая школа моя была, как и у всех, в семье. Почти исключительные умственные способности, полученные нами от отца и матери, сделали пятерых из шести первыми учениками. Не будь этого, никакие благоприятные усилия не могли бы вынести нас на верхи культурного класса, до которых мы поднялись без особого труда с нашей стороны. Но помогали и добрые условия.

В семье же началась, конечно, и первая грамота. Мать наша, хотя вышла из духовного сословия, научилась, не знаю уж почему, лишь читать, а письму выучилась впоследствии, самоучкой да по подражанию нашим письмам. Отец писал красиво, мягко и мелко, а мать — крупно, сильно, не обращая внимания на внешнюю сторону.

Когда и как научился я грамоте, не помню, начал, вероятно, лет с четырех. Была у нас в доме какая-то первичная азбука с картинками и побасенками. И учили нас еще по старому методу: «буки+аз=ба, веди+аз=ва» и так далее. И легко как-то выучились мы, несмотря на этот мудреный способ. К шести годам я уже читал, писал, считал, знал главные молитвы и истории. После читал, что попадало к нам случайно. Между прочим, какие-то длинные романы, приложение к газете «Свет»[1]. И очень не любил в них так называемых описаний и рассуждений, пропускал их и читал там, где рассказывалось о событиях или велись разговоры.

К концу шестого годика меня, вместе с братом Михаилом, который был старше меня почти на два года, отец отвел в школу, находившуюся в двух верстах от дома. Мы оба были приняты сразу во второй класс: в первом нам нечего было делать. Школьные товарищи были хорошие, обучение шло легко. Барыня Чичерина давала всем нам на обед одно блюдо, большею частью щи с мясом и вкусным хлебом с «людской» кухни. Сначала мы «хлебали» одни щи, а потом, по стуку ложкой старшего ⟨...⟩, мы набрасывались на «куски», то есть уже на мясо... Потом убирали все, относили. Немного играли на улице и продолжали учиться... Еще раз скажу спасибо и за это... Многие из нас лишь в школе и видели мясо.

Центральной личностью был, конечно, Илья Иванович, обучившийся в учительской семинарии на средства той же Софьи Сергеевны, как и управляющий имением Широватов, кончивший художественное училище; оба они вышли из народа. Мать учителя была из «дворовых», как мы; служила птичницей у господ. Эта добрая и полная старица известна была способностью «заговаривать кровь», то есть какими-то внушениями останавливать кровотечение без всяких повязок. Илья Иванович был высокий прочный мужчина, сильной воли, знающий свое дело. Мы его боялись и учились. Если все шло благополучно, он был спокоен. При шалостях же не пожалел и родной дочери своей, Анюты, наказав ее в классе при всех ремнем за какую-то провинность. Ко мне он относился с лаской: как малыша и способного, он однажды взял меня на широкую свою ладонь и носил по старшему классу; за дверями был еще младший — «новички». Обучение длилось четыре года. Дело стояло отлично. В храме он управлял хором и тоже отлично. Кажется, это вменено было ему в бесплатную обязанность воспитавшей барыней. И он трудился так до старости. Царство ему небесное! Вспоминаю его всегда с благодарностью. Будучи еще глупышом, я, стоя около окна его дома, обратился однажды к нему с наивным вопросом, дети всегда любознательны:

— Илья Иванович! Отчего у вас такая лысина?

А лысина, как голое колено, была почти во всю голову.

Спокойно улыбнувшись, он отвечал мне серьезно:

— Летом я лежал на траве и заснул, а канки (индюшки) подошли ко мне и выклевали волоса́.

Я вполне поверил и, придя домой, объяснил это матери... Потом, уже будучи студентом академии, я с любовью навестил старого и первого учителя и благодарил его, он мало изменился за прошедшие 15 лет.

При выпуске учеников был экзамен. Приезжал почему-то чудаковатый, но умный помещик Дашкевич из католиков, была барыня и не всегда священник: школа была земская. Учитель нас хорошо подготавливал и к испытанию, так что все выходили успевающими и даже дисциплинированными.

При моем выпускном экзамене, в самый разгар дня, мы услышали набатный звон: в нашей деревне Ильиновке бушевал страшный пожар. Кажется, некоторые ребятишки, из них полублаженный, но способный Миша Савехин, убежали с экзаменов домой помогать тушить.

Эти пожары были огромным несчастьем для народа: чуть не полсела выгорало зараз! Пожарных тушительных средств не было, организации — тоже, везде солома да сухое дерево. Так, бывало, и горит, пока не догорит до конца или ветер вдруг повернет в другую сторону. Страшно, но и интересно было смотреть издали на эту стихию... А потом как-то опять отстраивались. К счастью, пожары все же бывали редки. Наша Ильинка[2], однако, почему-то страдала больше всех.

Через три года кончили мы школу. Брата старшего выпустили на экзамен, а меня еще оставили на год: по молодости, всего девять лет, не полагалось допускать до экзамена и выдавать свидетельство. И добрый учитель занимался со мною одним особенно: синтаксисом, чтением книг и чуть ли даже не дробями, а, кроме того, иногда поручал мне, малышу, помогать ему учить других, особенно новичков. Так и это все пошло мне на пользу. Первая ступень кончена.

Что дальше делать? У матери в душе всегда жила мечта: хоть одного бы мальчика сделать батюшкой, «иметь молитвенника у Престола Божия»; сказалось в ней и сословное происхождение. Да и с человеческой точки зрения положение священника было и высокое, и доходное. Он был ниже лишь помещиков, но выше прочих; разве богатые управители почти равнялись ему, но и те были почтительны пред своим духовником. Таким образом, это служение было высшее, о чем мог мечтать член низшего сословия, включая даже и дьячков.

Но деньги? Деньги! Нужно везти в губернский город, платить десятки рублей... Это было трудно... И тогда родители решили отдать нас в так называемое «уездное училище» в г. Кирсанове, в 35 верстах от села Сергеевки.

Это была вторая ступень обучения, вроде средних классов гимназии, но без всяких языков. Обучение трехлетнее. Оттуда были неширокие пути: телеграфистом на почту (мне нравилась их форма с «золотыми» пуговицами!), писцом в контору, может быть, волостным писарем в селе, ну — и куда судьба загонит. Здесь мы с братом проучились два года. Без надзора уже ленились. Научили нас курить табак — почти все курили. Вообще атмосфера городских школьников была неважная, даже дурная, сельские были не в пример лучше. Лучшим учеником у нас в классе был Назаров — чудный, изящный, беспорочный (и не курил) мальчик городских родителей... Законоучителем был седой протоиерей собора отец Иоанн Кобяков, с нами обращался ласково... Я поступил в соборный храм певчим за рубль в месяц, но проспал как-то раннюю обедню, в 6 часов утра, и постыдился воротиться... А за курение мы пострадали: одна знакомая донесла на нас родителям. На ближайшие каникулы (мы жили тогда у няньки Арины), в масленицу, мать поставила нас на колени перед иконами, пока все другие ели блины. Потом простила. От стыда мы залезли на печь, а она, мать — всегда мать, стала подавать нам и блины, и сметану, и масло туда же. Курить перестали. Но после брат снова научился, уже в другой школе. Он еще год проучился здесь, а меня мать все же решила «повести по духовной дороге», и, не кончив одного года в уездном, я попал в духовное училище.

Учить, учить?.. Но где же средства? И кого учить: одного ли меня или и других пятерых детей? Почему лишать их образования? Но деньги? Это — постоянный вопрос для бедноты, особенно деревенской. Читателям показалось бы, вероятно, даже бессмысленным задаваться нам, то есть, собственно, родителям, такими мечтами. Да, но ни они, ни мы, дети, не усчитали колоссальной энергии матери, а сила и горами движет.

Будучи очень умной от природы и бережливой, как и все бедняки, она с первых дней замужества начала собирать средства на дальнейшую жизнь вообще, а на воспитание детей в особенности.

Мой отец к тридцати трем годам ничего не скопил, и даже были на нем какие-то долги. А когда он женился, то все хозяйство взяла в руки мать. У нас был желтый комод, приданое мамы. В правом верхнем ящике его помещалось наше министерство финансов, туда и складывалась всякая сбереженная копейка. Получит отец свои месячные 22,5 рубля, мать их немедленно в ящик. Вскормили свинью, теленка, уток, индюшек, продали — а деньги туда же. Людям — мясо, нам — потроха, да разве окорок ветчины на чердак. Сливки сняли, масло сбили — денежки в «кассу». И так каждая копеечка, а «копеечка рубль бережет». Расходы же делались самые минимальные, без чего уже нельзя обойтись. Конечно, мы дома босиком бегали, как и все деревенские ребята. В школу — обувь, а воротил-

ся домой — в «маменьких сапожках», то есть в чем родился, бегай вволю. До самой семинарии, то есть до 17 лет, и я босиком гулял по родной земле, дома. Но только так и можно было сделать сбережения. Конечно, это доставалось иногда очень болезненно. Например, мать и в грязь, и в снег ходила дома в чем попало. Бывало, мы собьем наши сапоги, мать отдает сапожнику голенища, чтобы наставить на них «головки», а сама ходит в наших или собственных дырявых опорках. И это не день, не два, а годами. И к двенадцати годам моего детства у нее были непоправимо простужены на всю жизнь ноги: получилось воспаление: выпадали (по-видимому, обнажались.— *Ред.*) даже кости ниже колена. Итак, осталась навсегда болезнь и опухоль. Однажды мать говорит мне:

— Сынок, поди сюда!

Я подошел. Она приоткрыла снизу платье и, указывая на опухоль, сказала:

— Нажми пальчиком.

Я нажал, чувствую — туго. А когда отнял его, то на опухшем месте осталась ямочка от пальца, пока постепенно потом не заполнилась... Легко говорить, а каково терпеть? Зато мать свои хорошие ботинки (у нас звали их тогда «полсапожки») носила лет по семь-восемь: в церковь, в село, в гости, а потом опять в опорочках. Отец же был еще аккуратнее: свои «смазные» сапоги он носил буквально 21 год! Прежде он больше сидел за конторским столом, а дома тоже ходил в каких-то старых простых сапогах, но босиком я его не видел. Знаменитые же ветераны «смазные» я отлично помню: вверху они были уже порыжевшие, а низ чистился ваксой... Их бы в музей исторический нужно поставить... Зато какая бывала радость нам новые сапожки, да еще «со скрипом»! Несколько минут мы ходили по комнате именинниками, а потом с грустью снимали и опять гуляли в «маменькиных». Зимой у нас были валенки. Но не нужно думать, что мы жаловались на этот порядок: так все кругом ходили, кроме барских детей да сына управляющего. Конечно, не все губили ноги, как мать, но зато почти никто и не смог так обучить детей. Я не знаю буквально ни одного подобного примера на 100 верст кругом и потом во всю жизнь не слышал ничего такого!

После, когда мы уже учились в губернии, мать пешком пошла продавать масло в город или потом везла его в Тамбов, чтобы им заплатить за наше «правообучение». 25 верст в любую погоду тащит на себе ведро, а то и два, с пудом масла!.. Да, подвижница житейская была наша мать...

И вот таким путем за каких-нибудь пять лет своего замужества она уже скопила до тысячи рублей. В это время один из родственников, Я. Н. С-в, муж ее старшей сестры, нуждался в деньгах и попросил эту тысячу взаймы под проценты: доходы наши увеличились. Еще скопились постепенно деньги. Другой ее родственник, М. Н. З-в, тоже попросил взаймы под проценты. Они были довольны полученными займами. И, зная нашу бедноту и многосемейность, с охотою и нам давали проценты... А месячное жалованье все шло и шло, масло и свиней каждый год продавали, и деньги все увеличивались. Вот этот сберегательный мамин ящик и дал нам образование, особенно в первые трудные годы. А потом мы и сами стали помогать обучению друг друга. Например, младший брат Александр, дойдя до семинарии, начал (так очень многие семинаристы делали) набирать «духовников», то есть трех-четырех учеников духовного училища на снимаемую им квартиру, питал их, помогал готовить уроки, следил за дисциплиной, за чистотой их. И за все это получал по 5—7 рублей в месяц, большая часть которых шла на уплату хозяйке за квартиру, за стол, за мойку белья, на тетрадки, оставались ему самому гроши, зато он имел бесплатную квартиру и питание.

Я же, как лучший ученик в классе, был (совершенно неожиданно для меня и родителей) с первого же класса семинарии (после четырех лет собственного содержания в духовном училище) переведен на казенный счет в корпус, то есть в семинарское здание. Большинство же семинаристов жили в «своекоштном» общежитии, а еще больше — по частным квартирам компаниями или «репетиторами», как брат.

Но нужно было учиться уже и сестре Надежде, и четвертому брату Сергею. Тогда я пришел на помощь: мне предложили заниматься с неуспевающим гимназистом, за что я получал 6 рублей в месяц. Из них я 5 относил в женский монастырь, где помещалась моя сестра в келлии одной монахини (они жили на свой счет). Но главный фонд был мамин «комод»! Так вот мы и обучились!

Да что еще? После, к выдаче замуж моих сестер, мать за долгие годы скопила (собственно, эти суммы были взаймы у наших родственников) по две тысячи рублей! Невероятно?.. Но так! Только, кажется, младшая сестра, Елизавета, на свое приданное обучилась в С.-Петербургском женском университете, потом была преподавательницей в гимназии и вышла без приданого за директора гимназии...

Уж много после, когда я был ректором семинарии, мама говорила мне с сокрушением:

— Ради вас, детей, я так втянулась в бережливость, что сделалась скупою. И сама знаю, что это грех, а уж ничего не могу поделать с собою!

Впоследствии мы купили для топки дров, а она жалела их и по-прежнему топила соломой... И угорела с отцом...

Но если бы она не была бережливою, мы не получили бы образования: трое — высшего и трое — среднего. Старший брат учился в фельдшерском училище (после уездного), Надежда — в учительской школе, Александр после семинарии стал священником, я и Сергий кончили С.-Петербургскую Духовную Академию и оставлены были при ней профессорскими стипендиатами. Лиза, после гимназии (с медалью), поступила на высшие женские курсы.

Я описал все это подробно, чтобы показать, каким невероятным, совершенно исключительным путем нам, деревенским жителям, можно было получить тогда образование!..

Я из всей округи знал лишь одного мальчика, Комарова, из села Марьянки, пошедшего вслед за нами в уездное училище. Умненький, худенький был. Отец его — высокий, богомольный, за всей службой, бывало, все читает на память, вслух шепча какие-то свои молитвы, точно не слушая ничего, что пели и читали в церкви.

Вспомнил еще одну характерную подробность. По законам нашего времени дети «податного сословия» (и даже и доселе не понимаю этого термина: ведь какие-то подати и налоги платили все?) не имели права учиться в средних и высших школах. И нам для этого нужно было «отписаться» от крестьянства: «народ» должен был дать на это свое согласие. На деле это было легкой и формальной процедурой. Отец или мать со мною сходили в волостное правление, верст за семь от дома. И, кажется, поднесли бутылку вина волостным старшине и писарю, и те беспрепятственно выдали какую-то бумажку, что я теперь «отписан». Но кем же я стал после этого — не понимаю и сейчас. А крестьянское происхождение все иногда давало немного себя знать. Еще в духовной школе товарищи обычно спрашивали:

«Ты чей сын?» — «Священника!» Это очень почетно.

«А ты?» — «Диакона». Уже ни то ни се.

Псаломщика — и вовсе невысоко, но терпимо.

«А ты?» — «Крестьянина!» Бывало, говоришь, а самому стыдно, что ты из крестьян: «черная кость», «низшее сословие», «мужики»...

В семинарии товарищи были уже умны и деликатны и не заводили подобных разговоров между собою, но старшие, начальство, еще раз упрекнули меня этим...

А теперь воротимся назад.

Решивши «хоть одного» попробовать учить выше, родители, больше мать, должны были ехать со мною в Тамбов, за 90 верст от Кирсанова, чтобы у самого начальства справиться об условиях поступления...

Бедные мы пошехонцы! Казалось бы, нужно просто написать письмо за семикопеечной маркой и — в канцелярию духовного училища с вопросами, и получили бы мы полный и точный ответ. Но нам, неучам деревенским, и не верилось, чтобы так легко можно было добиться справок: жизнь приучила нас к мысли, что все достается с особым трудом! Да еще сомнение будет одолевать: напишут ли ответ? Не рассердится ли там какое-нибудь начальство на такую нашу дерзость? А потом что будет?.. Да и точно ли напишут, чтобы мы все поняли?.. Нет, уж лучше самим как-нибудь добраться в этот далекий и пугающий Тамбов!.. Нужно тратиться на железную дорогу? Ну, что поделаешь! Раз решились «попробовать», уж тут — «заплачут денежки». А лишь бедняки знают, как трудно расставаться с «почтовыми» деньгами! Плачь, а отдавай!

Но еще нужно было добраться от села до города, двадцать пять верст. Обычно отец наш нанимал у кого-нибудь из села лошадку с телегою или в санях, копеек за

50—70 в день, и ехал с нами в город. А крестьянин еще за эти же деньги и овсяной соломы бросит для лошади, а то и клочок «сенца» (все ласково!); овес давался лишь на барском дворе... И все это за полтинничек! — бессребренная была наша крестьянская сермяжная масса... И на этот раз отец также просил дать подводу. Но, на наше горе, этим летом в июне шли беспрерывные ливни, землю «развезло», и хозяева не хотели мучить своих лошадей. К тому же всякий день они ждали прекращения дождей, чтобы скорее приняться за «пары». Как известно, в деревне была трехпольная система: первый год «озимое» (рожь), второй — «яровое» (овес, просо, картофель, сеявшиеся весной), а третий год земля «ходила холостою», под «парами», без всяких посевов, «отдыхала». О плодоповременной системе знали лишь в имениях и практиковали ее кое-где, но крестьянам с их «третьим наделом» невозможно было подражать помещикам. При освобождении их, как мне говорил отец, власть предложила крестьянам три надела землею: первый — в 4,5 десятины, по 1,5 — на семью в каждом поле; второй, должно быть,— в 3 десятины, а вот третий всего 1,5, по полдесятины в двух полях, третья оставалась порожней. Урожай не превышал в среднем 50, в хороший год — 70 пудов на десятину; а на полдесятину — 30. Если в семье было пять едоков, в день хоть на полтора фунта муки «на душу» (в выпечке получается два), получалось $(7\times30)=200$ фунтов в месяц — 5 пудов. Значит, «своего» хлеба хватало на полгода. Нужно было остальное заработать у помещика «испольно» — из половины: земля и семена барские, труд крестьянский, урожай пополам. А овес с ярового — в продажу на прочее житье-бытье; или опять нужно было продавать свинку, овцу, телка, возишко сена с лугов или барских займищ. Итак, люди «перебивались с воды на квас,» по пословице. Где уж там копить на обучение детей? Наши крестьяне пошли на «третий надел», который, конечно, нужно было выкупить у господ. Первый было труднее оплачивать. И притом в народе искони, как помню, жила какая-то мечта, что «все равно земля будет когда-нибудь наша», зачем же платить много? Ну и брали самый дешевый надел. А он, с умножением семьи и разделами, дробился все больше и больше. И перед крестьянами все грознее становился вопрос о безземелье. «Земли, земли!» — стонала страна...

Началась попытка переселенчества в Сибирь. Были ходоки и из нашей деревни, но вернулись почему-то совсем нищими, без лошадей и телег, оборванные. Я помню лицо одного такого главаря, с острой бородкой, Артема Ивановича... И никого это не удивило, уж так все привыкли к бедам, бедноте, неудачам, несчастьям...

Так шли дожди... А время бежало. Уж июнь к концу, а мы еще не знаем ничего о таинственном духовном училище. Тогда мать предлагает мне идти, хоть в дождь, пешком. Детям и море по колено: «Пойдем, мама!»

На наше счастье, сплошные тучи начали редеть, прорезывалось кое-где небо с солнышком, а потом опять загустит и опять польет неустанный дождь... Пойдем!.. И после обеда, когда облака поредели, пошли. Разумеется, оба босиком: обувь на палках, за спинами... Идем, идем... вдруг опять сгустилась туча, и нас поливает, как из ведра. Иной раз нагнемся под высокую волнующуюся рожь, что, разве это поможет? Опять идем, идем. Дождь перестанет — сохнем. Так добрались до реки Вороны. Осталось четыре версты до Кирсановской станции. И к этому времени небо расчистилось совершенно, ветер утих, и чудная алая вечерняя заря радужными красками обливала всю землю. Перешли мост. Дальше шла уже «шаша» (шоссе) из каменного булыжника. Летняя сырость скоро сохнет. Да и город близко. Мать предложила обуться. Сошли мы к воде и начали мыть ноги от налипшей грязи. Вижу: у матери слезы катятся.

— Бедный, бедный мой Ванюшка,— меня прежде звали Иваном,— с какой поры приходится тебе горе хлебать?

— Мама,— крикнул я весело на всю реку,— зато протопопом буду!

И мне совсем не было печально: как с гуся вода скатывалось детское горе... А там впереди — учение, потом — батюшкой, богатая и почетная жизнь: из-за этого стоило и грязь месить.

В город мы вошли уже при огнях, казалось — красиво. Передохнули и подсохли у родственников матери (отцовская родня осталась в Смоленской губернии), телеграфиста Николая Васильевича, и ночью выехали в славный Тамбов. В хорошее солнечное утро представился он мне грандиозным: чистые мощеные длиннейшие улицы, «огромные» двух-трехэтажные дома, магазины, церкви, звон

больших колоколов... Только солнышко совсем «не там» всходило, как у нас в селе...

Мы сначала отправились помолиться в кафедральный собор, построенный еще при епископе Питириме[3] (современнике Петра Великого). Отслужили панихиду при его раке... После, в 1914 году, я, уже в сане архимандрита и ректора семинарии, участвовал в прославлении его как святого нашей Церкви. Из храма — уже не знаю, откуда знала это мать,— направились к старцу — иерею Петру, жившему в соборном доме, в полуподвальном этаже. Его почитали за святого и прозорливого. Получили мы благословение от него. И кажется, он сказал о какой-то неудаче. Мне показался неприветливым.

От него мы отправились во «Второе» духовное училище за справками. «Первое» — было дальше и почему-то считалось «строгим»; мать для сыночка предпочла более мягкое. Были уже каникулы. Нас весьма мило принял помощник смотрителя, Виктор Иванович Казанский, немного заикавшийся и с оттенком красноты в носу. В каких-нибудь пять—десять минут он разъяснил мне и матери, что следует знать для экзамена во второй класс... А был еще приготовительный и первый.

— Ну, Закон Божий... А по какому учебнику? — спрашиваю.

— Все равно! Еще грамматику, арифметику до дробей, немного славянского языка, ну, и пение... Приезжать на экзамены 16 августа. Вот и все!

— Ты запомнил? — спрашивает малограмотная мать «ученого» сына.

— Конечно,— с довольной улыбкой отвечаю я. Ведь я уже шесть лет до этого учился, а в уездном училище «проходил» не только дроби, но и геометрию, катихизис, «гражданскую» [историю].

Поблагодарили мы доброго начальника, и обратно домой. От Кирсанова тоже пешочком, но уже по успевшей высохнуть дороге.

А мать все беспокоилась об экзаменах. Тут она решилась на отчаянный шаг. У фельдшера нашего села,— отлично лечил! — Павла Васильевича Родникова, это лето жил племянник, семинарист. Мама, чтобы все было уже наверняка, предложила ему двадцать пять рублей (это казалось нам богатством) за подготовку. Но он болел чахоткой и отказался. Тогда она приказала мне попросить руководить моими занятиями кирсановского протопопа, знакомого уже мне по уездному училищу, отца Иоанна. Я пешком отправился в город. Он очень охотно — спасибо ему! — согласился, чтобы я раз в неделю являлся к нему для проверки. И вот по вторникам, день базарный, можно было иногда с попутчиками подъехать, я каждую неделю отправлялся в город. Нравился он мне: огромный собор с высочайшей колокольней, рядом — Ильинская церковь. Кругом — площадь в одной стороне и «ряды» — в другой... Чего там не было, в этих лавках! Вот чистенькая, хорошо пахнущая воском свечная лавка, тогда еще не было епархиальной монополии на свечи. А рядом пахнет дегтем из «колониального магазина». Дальше мучная или суконная лавка. На других улицах булочная Ульева, кондитерская немца Яхмана, ах, какие были воздушные пирожные за три копейки! Над собором в солнечную жару вились с визгами стаи беспокойных стрижей, без них и город — не город. Внизу речушка в сажень шириной — куры бродили через нее. Город заканчивался сзади женским монастырем с высокими белокаменными стенами. 26 июня (ст. ст.) праздновалась «Тихвинская» икона в монастыре, и в городе устраивалась ярмарка. На мосту скромно стояли две монашки, около большой иконы, вероятно, копии с главной, и люди, крестясь, бросали им грошики на тарелку. Справа, на горе, солдатские кирпичные казармы. А налево — кладбище, все в зелени. В центре города — деревянная каланча для наблюдения за пожарами, около нее — городской сад для гуляний. Впереди города станция железной дороги... Все это было мило, как родное, знакомое... Дом протопопа (квартира) был полутораэтажный, кирпичный, с красивой светло-бордовой окраской.

Вот сюда я и бегал по 50 верст в два конца. С улыбкой благословлял меня отец протоиерей.

— Ну, что, как? Учил?

— Учил.

— Ну, расскажи!

Расскажешь что-нибудь немного.

— Ну, вот учи теперь дальше по книжкам.

Снова благословение, и я бегу домой с книжками под мышками.

Едва ли он занимался со мною больше получаса — «делов» ведь много у всякого... Теперь уже никто не подвозил, потому что было еще утро, все были на базаре.

А я бегу по полям и никогда по дороге, которая делала крючок, а прямо полем, уже тогда скошенным, вижу далеко впереди ту самую одинокую мельницу без крыльев у кладбища и напрямик лечу к ней... И не уставал, не тяготился... Душа-то была еще ангельская, небитая, а маленькие горести забывались. И так — каждый вторник. Лето промчалось очень скоро.

После Успения (15 августа ст. ст.) мы с матерью уехали опять в Тамбов на «страшные» экзамены. Но оказалось, что сначала целую неделю держали переэкзаменовки слабые ученики, а приемный экзамен во второй класс назначен был на двадцать второе число. Матери ждать нельзя. Оставила она меня у какой-то толстой и доброй кухарки на постоялом дворе — кажется, на Знаменской улице — и воротилась домой на неделю: хозяйство, маленькие дети, винная лавка. Через неделю снова приехала. А посещая училище, я вдруг от школьников узнал «ужасную» для меня новость: оказалось, по славянскому языку во второй класс нужно было знать не «немного», а половину грамматики. Там же показали какие-то неслыханные мною времена, спряжения глаголов: преходящее, прошедшее, совершенное, давно прошедшее и даже какой-то странный «аорист». Боже мой! А там еще «двойственное число». В сельской церкви я уже мог читать «часы» по-славянски, но тут целый темный лес нового же языка. И я пал духом. Учиться уже было поздно: в неделю не выучишь того, что проходят за год... Но почему же не сказали мне об этом обо всем ни Казанский, ни мой протопоп? Они же знали все это! Ответ был один: не очень-то мы привыкли интересоваться нуждами других! Но что делать? Приехавшей матери я не сказал ни слова, зачем огорчать бедную? Все равно не поправишь дела. А может быть, думалось, как-нибудь еще и «пронесет»!..

Пришли на экзамен. За длинным столом сидят три учителя: один из них — «смотритель», по фамилии Щукин. Необыкновенно толстый. За партами несколько мальчиков с родителями. На этот раз вызывали по алфавиту с конца. Мою фамилию записали в училище не с Ф, а с «ижицы», и далее уже не было фамилий.

Вышел, поклонился. Расспросили, где учился. Шесть лет было в моем резерве. Но боюсь иностранного славянского языка. Молчу. Начался экзамен.

— Пересчитай царей иудейских,— говорит холодно смотритель.

— Саул, Давид, Соломон...

— Стой! Это — не иудейские цари, а общееврейские, а я тебя спрашиваю об иудейских, после разделения.

— Ровоам... Охазия... Иезекия...

— Не знаешь всех?

— Не знаю,— говорю,— в моей книге этого нет,— оправдываюсь я.

— Ты по какому учебнику готовился?

— По Афинскому[4].

— А нужно было по Димитрию Соколову[5],— строго возражает смотритель.

— Но я весной спрашивал у помощника смотрителя, по какому учебнику готовиться, он мне сказал: все равно.

— Что мне помощник смотрителя?! — грозно напал на мое возражение смотритель Щукин.— По уставу нужен Соколов! Не знаешь?

— Не знаю!

— Ну и уходи!

Я повернулся. Вдруг встает мать и умоляющим робким голосом спрашивает:

— А нельзя ли на класс ниже?

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать — тринадцатый!

— Устарел по законам для первого класса!

Мать громко расплакалась. Мне стало страшно обидно. Не за себя, а за нее, горемычную. И я, набрав откуда-то смелости, громко во всеуслышание сказал ей:

— Мама, пойдем отсюда! — т. е. от таких нехороших людей!

Взял ее за руку и повел к двери. Вышли в коридор.

— Что же делать? — захлебываясь в слезах, спрашивает меня мать.

— Пойдем в «Первое» училище.

В это время из класса вылетает другой мальчик, Сотников, и он провалился на тех же царях. После, учась уже «по Соколову», я узнал, что эти цари, числом до 20, действительно пропечатаны были в его книжке, но и там — лишь в подстрочечном примечании... Бог с ним, этим Щукиным, проглотил он тогда меня, как карасика. Но скоро и скончался от «удара», из-за полноты своей. Наш знакомый Казанский стал смотрителем.

А мы с Сотниковым, моей мамой и его отцом быстро пошли по набережной речки Цны в «строгое» училище, куда не хотела сначала мать. Был уже последний день приема.

Мать бросилась со мною теперь уже не к помощнику, а в квартиру к самому смотрителю П. Н. Охотскому. Раздался звонок. Вышел полный человек в сюртуке. Жиденькая бородка, узкие глазки. Мать сразу ему в ноги! А мне больно за нее! И он поморщился. Спрашиваем: можно ли еще держать? Можно: ныне последний день, идите в канцелярию. Писец, серенький старичок с больными ревматическими ногами, сам написал прошение. Я подписался. Повел на экзамен. Сначала — диктант: великолепно. Преподаватель, Е. И. Орлов, вообще-то раздражительный человек, как я узнал после, на этот раз подошел к запуганной моей матери и говорит ей при мне:

— Ваш сын прекрасно написал диктант!

Спасибо ему за такое утешение бедной женщине!

Потом вызвали к столу. Ну, думаю, что как опять про царей?

— Расскажи нам про явление Бога Аврааму в виде трех странников.

Гора спала с плеч: кто же не знает этой истории? Потом — по-русскому.

— Знаешь ли какое-нибудь стихотворение?

— Много знаю,— отвечаю я наивно и уже осмелевши без царей.

— Ну, например?

— Мартышка и медведь... Потом...

— Ну, во-первых,— поправляет меня благодушно учитель, которому понравился мой диктант,— это не стихотворение, а басня, милый мой, а во-вторых, она называется «Зеркало и обезьяна».

— Ну, все равно! — беспечно продолжаю я в веселом тоне.

— Ну, хорошо, читай!

— «Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько медведя толк ногой. Смотри-ка, Мишенька» и т. д.

— Ну, разбери: где подлежащее, сказуемое, какое время? И прочее... Все шло отлично. По арифметике прекрасно.

— В двух закромах 56 четвертей ржи; в одном в 7 раз больше, чем в другом: сколько в каждом?

Я, даже не касаясь доски мелом, сразу сообразил:

— В одном — семь, в другом — 49.

— Отлично! Ну, теперь по-славянски.

Тут и пришел опять мой конец. Прочитал Евангелие, перевел. Опять разбор времен.

— «И глагола (сказал) Иисус» — какое время? А их же четыре!. Вот беда! Сказал наугад, одно, но не попал, другое — тоже...

— Ты что же, не знаешь?

— Я не учил этого: не знал, что нужно учить,— упавшим голосом ответил я...

Теперь уже некуда бежать в новое училище... Один путь был: назад, домой, с провалом... Горе-то какое и мне, и матери!

— Жаль! — сказал кто-то из учителей,— а по другим предметам мы по пятерке поставили тебе.

Мать опять встает сзади, просит: нельзя ли классом ниже?

— Сколько тебе лет?

— Тринадцатый! — как подсудимый говорю я.

— Устарел для первого класса.

Мать опять в слезах. Я стою у окна молча.

Один из них (не тот ли Орлов? Он был секретарем правления училища) вдруг говорит матери:

— Ну, хорошо, оставляйте его здесь. А мы обратимся с просьбой к архиерею принять его в виде исключения из правила, по другим предметам прошел прекрасно!

Мать поблагодарила. Я — в восторге: попал-таки в школу. Мать простилась, заплатила первый взнос за правообучение — брали со светских учеников, а дети духовенства были свободны, заплатила и первый взнос за общежитие. И началось мое богословское образование, продолжавшееся пятнадцать лет.

Конечно, мне очень было легко учиться в первом классе — почти шесть лет подготовки, и я сразу пошел первым. А порядки в этом училище действительно были строже, чем во втором. Зато первые ученики нашего училища, попадая в семинарию, где в первом классе сталкивалось семь учеников из разных училищ епархии, никогда не теряли первенства своего и в семинарии... «Нет худа без добра».

Не буду дальше рассказывать про обучение в училище, семинарии, академии, это имеет специальный, а не общественный характер. В смысле знаний эти школы нам давали довольного много. О религиозном духе скажу после.

Как и везде, предметы нас не интересовали, мы просто отбывали их, как повинность, чтобы идти дальше. Классические языки не любили, да они оказались бесполезными. В семинарии часто учили «к опросу», по расчету времени, за чем следили особые любители из товарищей. Науки нас не обременяли, на экзаменах усиленно зубрили и «сдавали». В академии же, куда поступали лишь «перваки», некоторые занимались уже самостоятельно любыми предметами, а многие слегка проходили ее (академию), напрягаясь лишь во время экзаменов. Учителя жили, в общем, замкнуто от учеников.

Из своей школьной жизни я вспоминаю тут лишь три-четыре случая.

Когда кончился первый год духовной школы и я возвратился на каникулы, мать моя пошла зачем-то к упомянутому фельдшеру Павлу Васильевичу. А нужно сказать, что он тоже сначала вступил в нее, но, кажется, не одолел мудрости греческого и латинского языков и был уволен. Потом он поступил в фельдшерское училище, хорошо усвоил там науки и был, как я говорил, отличным и усердным лекарем на свой медицинский округ. Бывало, ходит он от шкафа к шкафу за решеткой по комнате с лекарственными банками и таково важно и успокаивающе все покашливает: пхр:пхр! Нам-де все это знакомо, и вот мы сейчас вам и поможем... И помогал. После земство за долголетнюю службу чествовало его и даже подарило ему дом. Все мы уважали его. И вот, встретив мою маму, он спрашивает ее:

— Ну, как Ваня? Перешел?

— Перешел,— скромно, но с торжеством ответила она.

— И каким? — то есть по разрядному списку.

— Да — первым.

— Первым? Хм... Ну, это лишь из первого класса. А вот во втором будет греческий и латинский... Ну, там труднее будет!

Мать пришла расстроенная, в слезах.

— Ты уж учись, учись там! — умоляет она меня.

А я злюсь на фельдшера: зачем даром огорчает мать? У нее и без того слезы не осыхают... А тут был один из самых трудных этапов жизни нашей после отказа от винной лавки.

Прошел и второй год с языками.

— Ну, как Ваня?

— Да опять первым.

— Хм! Пхр! Пхр!.. Ну, это еще разве в духовной школе, а вот как съедутся первые ученики в семинарию, ну...

И опять мать в слезах:

— Ты уж учись, ради Бога!

Так и дошел я первым до пятого класса семинарии, а там был «второй» ученик Василий С-в, способный и прилежный ученик, живший на квартире с родителями при очень удобных условиях. Он всегда хотел забрать мое первое место. Но это не удалось ему. Мне же конкуренция его стоила немало огорчений. Бывало, он отлично отвечает, а меня раздирает чувство зависти. Заткну уши и уж не слушаю, а на исповеди каюсь во грехе. И за четыре года надоела мне эта тщеславная мука. «Ну,— думаю,— пусть он первым кончит, а я вторым». И перед отъездом в пятый класс я сказал об этом маме... Боже мой! Как огорчилась! Видно, вспомнила фельдшеровы ожидания...

— Ой, нет, нет! Что ты задумал! Нет, ты уж непременно кончи мне первым.

И не говори! Ну, а вот уедешь в академию,— она тогда уже знала и о ней,— ну там — как хочешь. Боже, сохрани!

И пришлось опять напрягаться. Да и Вася успокоился. Дружно с ним дожили до конца. Я был назначен в С.-Петербургскую, а он в Киевскую Академию.

Изредка устраивали у нас в семинарии литературно-музыкально-вокальные вечера. Как они были интересны нам! Некоторые декламаторы были удивительными артистами. Солнцев потрясающе читал «Сумасшедшего» Апухтина! А Кривелуцкий так читал вранье Хлестакова из «Ревизора» о его петербургском житье — «Ну, как, брат Пушкин?» и о 35 000 курьерах, разыскивавших его по столице,— так читал, что мы не только хохотали до болей в животах, но после стали смотреть на него с особым уважением и симпатией. И как это оживляло нас! Жизнь учебная, в общем-то, была скучная-таки. Но почему-то не баловало нас начальство такими утешениями... И становится понятно, как мы ждали разных каникул: на святки, масленицу и Пасху. Еще с 21 ноября, когда запевалась в церкви в первый раз катавасия[6] *Христос раждается, славите*, наши сердца начинали радоваться. А недели за две-три на классных досках появлялось это блаженное слово «роспуск»... И писалось оно уже везде, где можно: на тетрадках, в клозетах, вырезалось на партах, вписывалось в учебники. А когда подходит этот желанный день, мы просили учителей не спрашивать нас, а почитать что-нибудь. Помня свое время, они обычно охотно шли навстречу нам. Как это было отрадно и как мы были благодарны им!

В общем, преподаватели во всех школьных ступенях были умные и хорошие люди. Конечно, анекдотических рассказов о них в духе «Бурсы» Помяловского[7] можно было бы написать немало, но это было бы обидной неправдой. И товарищи были хорошие, за особыми редкими исключениями.

Упомяну о двух таких случаях.

В духовном училище были братья Оржевские, однофамильцы матери моей, но не родные. Старшему почему-то дали кличку «Марфа Борецкая»... В училище почти у каждого из нас непременно были прозвища: меня называли «девочкой», или по-латыни «нуэлия», это казалось особо обидным для мальчика прозвищем, брата — «сарычом», кого «Иосифом прекрасным» и т. д. От старшего брата, по наследству, эта кличка передалась и младшему. А они были малоспособные. А на клички мы всегда обижались. Обижался и младший — «Марфа», а когда его рассердят, то он готов броситься чем попало. Зная это, что же делали товарищи? Во время утреннего чая начинали дразнить его. И он в слезах бросался в них порцией белого хлеба, оставшись голодным.

Были и еще два-три грубых «бурсацких» случая, о которых не хочу и записывать: грязные они. Но все же общая картина, оставшаяся в моей памяти, приятельская, хорошая, мирная.

И лишь один случай оказался весьма резким. В моем классе, но в другом отделении, был очень крепкий юноша. Обычно он молчал. Способный, но учился средне — не любил. Сзади меня, в «занятное» время, то есть в вечера подготовки уроков, сидел товарищ — Петрушка Спасский. Он любил оригинальничать: плевал через зубы с «цыканьем», придумывал прозвища или особые слова и проч. Но учился отлично, вторым, и вообще был очень умным. Писал он просто художественно-каллиграфически, будучи двенадцатилетним ребенком. Чистописание у нас преподавалось в двух первых классах. Последний урок преподаватель, он же духовник наш, священник училищной церкви, каллиграф, устраивал конкуренцию между лучшими учениками. Наш Петрушка был бесспорным первак, Простосердов — вторым, я — третьим. Как-то после роспуска (он, как сирота, не ездил домой), гляжу, вынимает он пистолетик и пускает себе пулю в мякоть левого большого пальца, где она и застряла. А он — будто бы ничего не случилось — вынимает перочинный нож и начинает выковыривать пульку из кости. А в другой раз, года через два, сидит и ножом старается прорезать кожу на верхней стороне левой руки. В это время мимо него проходит тот самый мальчик М. и говорит:

— Ковыряешь? Давай я тебе расковыряю!

Петруша молча протягивает к нему нож и руку, а сам стал читать что-то. Сильным и быстрым движением воткнув лезвие в тело, он сильно так прорезал вдоль с вершок длиной. И пошел дальше, в клозет. Петрушка оторвал клочок листа той книги, которая лежала перед ним, смазал слюной и заклеил кровоточащую рану как ни в чем не бывало.

В другой раз М. покушался на меня. Я спал с ним рядом. Мой кошелек лежал под подушкой. Слышу, как он крадется рукой под нее. Я заворочался намеренно. Я боялся его. Он выдернул руку.

Еще я видел, как он дрался на новеньком льду реки с городскими мальчишками, которых мы называли почему-то «гужами», а они нас «кутьей». Их была толпа. Он вызвал «один на один» и так разбил одному лицо, что прочие испугались, а я еще раньше поторопился уйти от опасной встречи. После мальчика этого уволили за что-то. Он добрался до учительства. Но, слышно было, зарезал заведующего винной лавкой, знакомого, и его семью... Сослали на каторгу... Но, повторяю, это было исключением. А зато какие были и милые и благочестивые юноши!

В духовном училище помню Васю Нечаева. Он не имел памяти. Он был святой души и молитвенник. Когда пришел экзамен по Закону Божию, он, от беспомощности выучить все, взял лишь один билет, 14 или 15, и выучил его, а потом чуть не всю ночь молился. И вот осталось у меня в памяти, что этот билет Бог и послал ему. Но все же он был из второго класса уволен по неспособности.

Или вот, наоборот, Миша Крылов. Какая поразительная память! Основное богословие (учили в четвертом классе), учебник в 90 страничек, он знал наизусть. В другой раз поэму Лермонтова «Демон» выучил при нас за один присест в течение шести часов. Но был по внешности «бурсаком», между тем душа у него была чуткая. Не докончив одного, шестого, класса семинарии, он почему-то был уволен и поступил в псаломщики. Какой талант был!

Да сколько прекрасных товарищей вспоминается мне и теперь, в старости: Вася Старокадомский, с которым я просидел десять лет на одной скамье, примерно-скромный юноша, Ваня Волченский, кроткий как ягненок, джентльмен Николаевский, розовый мальчик Сережа Вознесенский, нежные приятели мои — Женя Митропольский и Дионисий Казанский... Были и грубые, но мало...

Но при всем этом на моей памяти в семинарии произошло два бунта. Причиною первого был жестокий преподаватель В. П. Розанов. Он своими манерами так запугивал класс, что мы забывали и то, что знали.

Я, первый ученик, и то терялся от него. И скольких учеников он представлял к увольнению своей математикой. И так было 27 лет! Но и это все еще терпели. А однажды он за подсказку вывел из класса в коридор юношу лет 20, взяв его за ухо. Это было последней каплей. Депутация из всех классов обратилась к ректору с просьбой удалить его. Тот отказался. Тогда начался бунт: шиканье, свист, шум, вечером битье стекол в дверях и окнах. Вызывали полицию. Семинарию закрыли временно. Нас, делегатов и дежурных, оставили и допрашивали. Среди них был и я, как первый ученик, всегда предводитель класса перед начальством. На допросе меня убеждали открыть имена зачинщиков и особых бунтарей. Я не сказал ничего, конечно. Тогда один из членов правления говорит:

— Вы из крестьян?

— Да.

— Так смотрите же: если мы и своих не пожалеем, то подавно и вас, крестьян.

Я промолчал.

Семинарское училище решило уволить до 70 человек (из 600), в том числе и меня... О, что бы это был за удар для матери! Возможно, со своим нездоровым сердцем она могла и умереть тут же от разрыва. Но тогдашний архиерей, епископ Александр, говорят, положил такую резолюцию на журнале правления семинарии: «Не хочу плодить новых нищих на белом свете. Дело представить Синоду с моим мнением».

В Синоде отнеслись разумно. Розанова удалили из семинарии, но с повышением в смотрительство. А к нам приехал товарищ оберпрокурора Синода Саблер[8] и говорил какую-то витиеватую речь, но никого не уволили, а только наказали карцером. Это была особая комната в больнице, где нас одевали в больничный халат и давали лишь воду и хлеб, но товарищи через окно подавали пирожков мне, как жертве, пострадавшей за общественные интересы.

Другой бунт был без особой причины, а там уж начала разваливаться дисциплина под влиянием революционной волны.

Третий бунт был при мне в С.-Петербургской Семинарии, когда я был инспектором ее и хотел вывести дурную привычку курить табак в спальнях ночью и ежедневное осведомление из всех десяти — двенадцати отделений: сколько кому

поставили учителя баллов за ответ? Хотя мы сами выписывали им в особые тетрадочки все баллы раз в неделю... Дело это потом, после двух дней криков против меня, утихло. Мы никого не наказали, понадеялись на совесть семинаристов. И тогдашний Санкт-Петербургский митрополит Антоний[9] одобрил нашу снисходительность, а мне сказал:

— Вот вам мой совет на жизнь: никогда не обращайте внимания на мелочи!

Я еще раз не послушался его. В Крымской Семинарии, где я был ректором, мною на престольный праздник не позволено было устроить традиционные танцы семинаристов с «епархиалками» в нашей семинарской зале, где прежде была домашняя церковь. Семинаристы бойкотировали акт, не придя на него демонстративно, а вечером, по семинарскому обычаю, разбили стекла... И тут было поступлено мирно. И ни в Тамбове, ни в С.-Петербурге, ни в Крыму не пришлось раскаяться в отеческом снисхождении: семинаристы это оценили, не злоупотребили.

Пятый бунт начинался в Тверской Семинарии из-за... киселя. Надоел он им постом! Инспектор, прекрасный и тактичный человек, вызвал в столовую меня. И удалось потушить пожар... Но все это показывает, что в общем в Семинарии не ладится. «Воз хотя и ползет, но скрипит»,— как сказал мне один из ревизоров про тверских семинаристов.

Тут были и общие причины, и дух того времени — 1903—1905, а после и 1913—1914, предреволюционные годы. Но были и свои школьные причины. В семинарию шли совсем не для того, чтобы потом служить в церкви, а потому, что это был более дешевый способ обучения детей духовенства. Школы стали сословными. Но ученики их, по окончании семинарии, в огромном большинстве уходили по разным мирским дорогам: в университеты, в разные институты, в учителя, в чиновники и только 10—15 процентов шли в пастыри. И, конечно, таким семинаристам не очень нравились многие духовные порядки, а если они и терпели их, то по нужде, чтобы получить права. И нам, начальникам, становилось все труднее и труднее держать дисциплину, а еще более религиозный дух. Приходилось мириться, смотреть сквозь пальцы, страдать и за них, и от них. Но тут пришла революция. Открылся Московский Церковный Собор. И там, между прочим, был прямо поставлен вопрос о закрытии семинарий и создании специальных пастырских училищ. Собор остановился на компромиссе — сохранять прежнее и строить новые школы. Но развитие революции закрыло и то и другое. Таков был путь Промысла Божия. И я думаю, что оно было своевременно. Требовалось изменение подготовки пастырей. Подобным образом и духовные Академии давали лишь около 10 процентов в духовенство. И они были закрыты. За границей уже стали открывать училища со специальным пастырским назначением и духом. На родине же нашей за это время стали подбирать духовенство не по образовательному цензу, по нравственно-индивидуальному. Это — исконный и лучший путь. Но Церковь в свое время хотела бы воссоздать и школы, но с иным духом и строем. Этого мы ждем. Старые школы не умели воспитывать нас.

Говорить теперь о том или ином воспитательном значении окружающих, так называемых общественных условий, много не придется, потому что никакого иного общества, кроме собственного крестьянского, ни у наших родителей, ни у деревни не было в моем детстве. Никого они, кроме местных людей, не видели, книг и газет не читали, господа жили совершенно особо. И оставалось одно «общественное» влияние — той семьи, в которой рождались и жили. И эта семья — у нас ли или у других — и была собственно главной воспитательной силой и учительницей. Думаю: едва ли можно возражать против такого моего утверждения.

Все, что мы знали, знали от родителей: религиозные верования, мораль, понятие о мире, политически-социальные настроения и отношения, все это тогда давалось семьей. И лишь много лет спустя мы стали воспринимать влияния со стороны.

Про себя, например, думаю, что школа, и духовное училище, и семинария не были в силе превозмочь дух, те воззрения, какие я получил от семьи. Дух же нашей семьи был такой же, как и у духовенства, и у деревни.

Что же дали нам они?

Специально о религии народа я буду говорить подробнее дальше. Здесь скажу суммарно: все мы воспитаны были семьей в непреложном убеждении, что существует Бог, небо, ангелы, святые, иная будущая блаженная жизнь, рай, а также

и мучения для грешников, ад, бесы; что приходил на землю Сын Божий, Который спас нас от духовного зла, но не от земного: ни от болезней, ни от смерти, ни от бед, ни от войн, ни от бедности, ни от трудов до пота; что самое главное зло в самом человеке, в его испорченности душевной, в грехе и диаволе, который искушает нас и везде строит свои козни; что спасение от этого духовного зла — в Церкви, которая потому каждому из нас представлялась столь же необходимою, как мать,— так ее и называли; отсюда — уважение и любовь к духовному служению: священник — непременно «батюшка», очень редко, и то не у народа, «отец такой-то», вот уж диакон — лишь «отец диакон»; батюшка же — один на всех.

Что касается социальных воззрений, то они также основывались в сущности на религии. Именно смиренное воспитание, которое давала нам христианская церковь, учило нас о власти, что она от Бога, и ее нужно не только признавать, подчиняться ей, но и любить, и почитать. Царь — лицо особенно благословенное Богом, помазанник Божий. Над ним совершается, при коронации, миропомазание на служение государству. Он — Владыка над всей страною, как ее хозяин, полномочный распорядитель. К нему и его семье мы воспитывались не только в страхе и повиновении, но и в глубокой любви и благоговейном почитании, как лиц священных, неприкосновенных, действительно «высочайших», «самодержавных», «великих»; все это не подлежало никакому сомнению у наших родителей и у народа. Так было в моем детстве. Что тогда было много в умах других людей, я знал по литературе и рассказам уже после, а сам не знал ничего отрицательного, критического. Революция — это было страшное слово и дело. Об этом не только нельзя было говорить, но даже и втайне думать. А если бы у кого-нибудь оказалось такое колоссальное преступление, то не только страшная ссылка на каторгу, но и смертная казнь считалась совершенно законным и заслуженным возмездием таким невероятным «злодеям». И потому понятно, что все мы воспитывались на глубоко монархических принципах, верноподданности, преданности царю и всему строю того времени, считая это самым лучшим убеждением и нравственно прекрасным.

Приведу лишь два примера. Когда заболел царь Александр Третий, я был школьником духовного училища. Боже! Как мы, мальчики, принимали близко все это к своим маленьким сердцам! После конца уроков и обеда многие из нас почти бежали к углу Большой улицы на Варваринской площади, где на особой деревянной доске вывешивались ежедневно бюллетени о состоянии здоровья больного нашего царя: температура повышается, пульс столько-то в минуту, общее состояние такое-то... И мы видели с болью, что дело плохо. Уверяю читателя, что если бы мой родной отец болел, едва ли бы я был захвачен большим интересом к нему, чем к царю... Нет, скажу больше, я менее страдал бы за родного отца, чем за царя. Что — отец? Мы — маленькие люди, никому не нужные, простые, бедные, наш удел всегда таков, чтобы страдать, болеть, умирать, ничего в том удивительного нет, так и должно быть. Но он — царь! Общий отец всех нас, всей страны, его смерть огромное дело... Конечно, я тогда ничего подобного не думал головой своей. Но, следовательно, тем характернее и значительнее, что так жило сердце мое... И не одно мое: все мальчики, в общем, чувствовали одинаково, а я разве, может быть, был лишь более чувствителен сердцем да благонравнее других, но немного. Или же я был не таков, как ныне, а с «мокрыми глазами» от природы?

Можно понять, что случилось с моим бедным сердцем, когда дошла весть о смерти царя! Я горячими слезами обливался тогда... И если не украшает этого теперь моя память, то я плакал едва ли не все сорок дней панихид, которые тогда служили перед уроками по распоряжению церковной власти. И эти слезы были искренними... Плакали ли другие, не помню совсем. Но что молитвы наши за царя не были лишь по указу начальства, а отвечали общему нашему настроению, не сомневаюсь. Значит, приблизительно так же должны были чувствовать и мои родители, и народ.

Другой случай. Десять лет спустя, когда я был уже профессорским стипендиатом в академии, иеромонахом, я написал одно письмо к царю. Там я подписал: Вашему Величеству преданный «до смерти» такой-то... Сильно сказано. Но, припоминаю, что я написал это слово «до смерти» не без некоторого предварительного колебания, притом, кажется, меня толкало отчасти на это и тщеславное чувство выказать себя перед царем с особенной силой преданности. А тогда уже прошла пер-

вая революция. Что же это значило? Лицемерия у меня не было, конечно, но, кажется (помимо тщеславия отличиться), тогда говорили во мне больше ум и долг, чем непосредственное требование сердца. Увы! За десять лет что-то изменилось уже и во мне.

Как это произошло, попробую разобраться дальше... И когда потом убита была вся царская семья, мы служили панихиду в Симферополе. Но ни я, ни кто иной не плакали, хотя в это время у нас в Крыму были белые и бояться красных было нечего. Даже и народу в церкви было мало. Что-то порвалось... И для меня большая психологическая загадка: как же так быстро исчезло столь горячее и, казалось, глубокое благоговейное почитание царя?

В рассказах одного слушателя — знаменитого профессора Московского университета В. О. Ключевского мне пришлось прочитать такое «пророчество» его о народе:

«Народ, вступивши на революционный путь (1905 г.), обманул (это слово я помню!) своего царя, которому клялся в верноподданничестве и безграничной преданности. Наступает время, когда он обманет и Церковь, и всех тех, кто его считал «православным» и «богоносцем». Придет пора, что он умело обманет, проведет и социалистов, за которыми сначала пойдет».

Правда ли, что говорил так историк, много знавший о русском человеке? Но не имею основания сомневаться: записал эти его предсказания Нелидов, не думаю, чтобы он все это сочинил. Но мне так не хочется верить в этом профессору! Слишком уж некрасиво изображается здесь наш народ! Полагаю, что Достоевский никак не дал бы о нем подобной характеристики. И я лично думаю, что тут был не «обман», а нечто другое, более глубокое и искренно-простое... Но о том — после, в главе о революции... Сейчас скажу, что народ чтил царя. И не только его, но и всякое начальство уважал, так мы были воспитаны семьей. Вспоминаю, например, как мать, посетив случайно г. Тамбов, увидела на вокзале обер-прокурора Синода, известного Победоносцева [10]. Совершенно не зная никаких его добрых или дурных свойств души или сторон деятельности, она потом с радостью передавала нам, какого особого счастья удостоилась она, что видела министра! И это бескорыстно, непроизвольно!

Правда, к этому можно было б в другой раз примешивать и практические выводы от смиренного почитания высших: «Ведите себя тише воды, ниже травы», или «Ласковый теленок двух маток сосет», все это и нам внушали родители, но корни такого почитания властей лежали гораздо глубже. Думаю, что настроение моего отца,— о чем я писал выше при описании крепостного права,— было совсем не случайным и не личным свойством его, а носило в себе необходимый отголосок общенародного мировоззрения и духовной установки. И сама мать никогда не учила нас бунтовщическим идеям. Наоборот, при всей трудности жизни нашей, она в общем не осуждала господ, а мирилась со всем тем социальным неравенством, какое так больно отражалось на ней. И даже любила их, почитала, жалела... И нас всех так научила...

Когда была первая русская революция, местные крестьяне села Софьинки приходили толпами развязно в барский дом, где им подносили будто бы вино. Мать это очень огорчило за «наших старушек» Баратынских. Вспоминаю, что, возмущаясь крепостным правом, она, однако, с нежным чувством всегда говорила о царе-освободителе Александре Втором. Смерть его от покушения приписывалась обоими родителями как месть за освобождение народа. Характерный случай. Для усмирения революционных настроений первой революции был вызван и прислан карательный отряд из казаков, и мать любезно приглашала их иногда в гости к себе. Совершенно так же поступили бы и я, и все прочие члены семьи нашей.

К социальному порядку вообще у нас держалось прочно установившееся воззрение приятия капиталистического строя: «священная» собственность, неизбежное различие богатых и бедных, примирение с униженным политическим и социальным положением «низших» классов — все это и принималось, и считалось непреложным законом, не подлежащим изменению или нарушению. Поэтому революционные и социальные идеи считались и у нас, и у массы крестьян — общественным злом, «социалист» — это был в глазах наших отчаянный злодей, враг общественных устоев. И сам по себе помню — каким страхом и ужасом отдава-

лось в сердце моем это слово — «социализм!» Как это, по-видимому, странно! Ну, будь мать и отец эксплуататоры — иное дело, но когда они и сами всю жизнь страдали от такого строя, и при всем том искренно мирились с ним, то тут нужно искать более глубоких объяснений, чем «темнота» и «забитость»... Нет!

...Конечно, в данное время роста социальных настроений и прав во всем мире и в эпоху антикапиталистического строя в России не только неприятно, но даже и небезопасно отзываться непочтительно о социализме, а тем паче — примиряться с капиталистическим злом. Однако я по совести должен сказать доброе слово в защиту примиренного отношения родителей и народа к современному им социальному строю. Примиренность эта способна иных раздражать и доводить даже до бешеной вражды. И можно думать, что вражда и к Церкви в революционно-демократических и даже вообще демократических (у кадет) кругах в некоторой степени вызывалась терпеливым отношением ее к социальному неравенству: этим как бы стирались острые зубы общества и народа в борьбе против «ненавистных» условий капиталистического строя и их носителей; Церковь будто бы воспитывала этим чувства «сервилизма», рабской придушенной психологии бедных в отношении к эксплуататорам. Известно, что в марксизме самое происхождение религии объясняется экономически: эксплуататоры, к которым принадлежали владельцы и власть, а отчасти и духовенство, эгоистически будто бы пользовались религией вот именно для придушения протестов и для защиты своих привилегий. Для этого-де неизбежно было учение о будущем небесном блаженстве, лишь бы рабы и бедняки не бунтовали против настоящих земных господ.

Разумеется, это хлесткое «объяснение», льстящее «низшим» классам, иногда действительно глубоко обездоленным, и вообще идущее навстречу нашим невысоким инстинктам,— корысти и гордости,— такое «историко-материалистическое» объяснение легко было принимать не капиталистам, беднякам. Но в том-то и дело, что наши родители и бедняки-мужики долго-долго, веками, не принимали такого объяснения за святую истину. Не принимала и не примет этого объяснения и Христианская Церковь, не принимал и не принимаю и я.

Здесь мне приходит на память одна моя встреча с ученым социалистом, князем Святополк-Мирским[11], сыном бывшего министра в России, во время первой революции. За границей он занимал место профессора в Лондонском (кажется) университете. А потом уехал в Советскую Россию. Он был абсолютным поклонником коммунизма. И вот пришлось быть с ним в Париже в квартире знакомых. Разговорились о социализме в России. Я сказал, что наша Патриаршая Церковь так и за границей искренно лояльно относится к Советской власти.

— Этого нам мало,— сказал он с неудовлетворенностью.

— А чего же бы вы хотели от нас?

Он, не помню слов, заявил, чтобы и Церковь с одинаковым всецелым рвением взялась за это социалистическое дело.

— Нет, в такой степени мы не можем «вгрызаться»,— так я тогда выразился,— в него, как вы. Мне не только пассивно лояльны, то есть терпимы, но в сущности и действенно.

— Чем же именно?

— Уже одним тем, что мы открыто и России, и всему миру заявили о своей лояльности, то есть о признании Советской власти и ее политико-экономического строя. Это — очень важная и еще мало учитываемая помощь. Другие, например вся Католическая Церковь, не говоря уже об эмигрантских группах, ведут открытую борьбу против них. А, кроме того, представители Церкви принимают участие в создании этого строя, как члены Союза. Наконец, многое в новом строе и одобряет наша Церковь: повышение прав и благосостояния низших классов, освобождение от эксплуатации частного капитала. Разве этого в самом деле так уж мало?

— Да,— говорил князь,— нам бы хотелось, чтобы вы впряглись в наше дело так же самозабвенно и восторженно, как и мы.

Выражаю его мысли не буквально, но верно.

— Это нам невозможно. У нас неодинаковые психологические основы: вы веруете лишь в эту земную жизнь, а мы — еще и в загробную, и последняя для человека важнее. Поэтому у нас, верующих, центральное место в душе занимает духовная сторона, а не материально-экономическая. Отказаться от этого примата ни наша Церковь и никакая другая вера, признающая иную жизнь, не может — это бы-

ло бы самоубийством для всякой религии.

Князь все это, как умный человек, понимал и не стал больше спорить со мною. А я бы теперь мог еще добавить и следующее:

— Недооцениваете вы нашу искреннюю лояльность. Если искренний верующий человек принципиально и по совести стал на лояльную позицию, то из него будет добросовестный сотрудник вам и проводник на деле вашей системы: на Церковь и на верующих вы можете положиться, что они не изменят вам, а смиренно самоотверженно — ради Бога, власти, ближних и своей души — будут нести тяготы установки нового строя. А те, кто держится его лишь по эгоистическим побуждениям — ради выгод новой системы, по самостности, или даже по увлечению — то в критический момент могут или надорваться, или даже изменить, если что-нибудь будет не нравиться их вкусам, самолюбию. Смирение религиозное — важная сила не только в личной жизни, но и в общественно-государственной. Возьмем для примера старого солдата нашего времени, Николая I, когда «служба» служивых братьев наших тянулась 25 лет! А какие были солдаты! Вспомните войну с Наполеоном: как сражались за Родину — и генералы, и солдаты! А ведь последние были крепостными рабами... Но и после побед не потребовали себе свободы от «тягла».

Религиозному человеку и жить легче и помирать спокойнее: умирает ли он по «указу» царя за родину, из-за государственного долга послушания власти, из любви к своей стране или кладет жизнь,— как теперь,— за собственную, народу принадлежащую землю и добытые права, а также по любви к своей родине. Если он еще и верующий, от крепче будет сражаться на войне, добросовестнее исполнит и свои гражданские обязанности. Христиане, конечно, хорошие христиане, а не формальные лицемеры — везде и всегда полезные рабочие.

И сейчас, когда пишу это, припомнилась мне одна мысль социалиста, кажется, Зейполя[12]:

— Люди,— сказал он,— часто не понимают, насколько даже выгодна экономически такая «простая» вещь, как Совесть!

И совершенно верно! Недаром, несколько уже лет назад, и Сталин бросил клич: «Нам нужны инженеры душ!» 〈...〉 Конечно, и социалисты желают того же, то есть хорошего честного человека. Даже и вся-то система их политики и экономики построена на основной задаче воспитать «нового человека» вообще, чтобы он не только материально жил благоденственно, но и стал братом брату 〈...〉

А Церковь тоже, только иными путями, проводила те же идеи братства в мире среди человечества. Удастся ли безрелигиозному мировоззрению «генерального» коммунизма с его философией материализма достигнуть братства? Это — большой вопрос! А Церковь уже достигла многого, как увидим дальше.

Как-то на одной лекции моей в Нью-Йорке среди «друзей Советского Союза» мне задали вопрос, конечно, с умыслом — не поймать меня, а преподнести ожидаемый ответ слушателям:

— Какой строй предпочитаете вы: фашизм или демократию?

То было не только до войны с фашистами, но еще и раньше союза «Сталина с Гитлером», как выражались потом. Я ответил:

— С религиозной точки зрения ни тот, ни другой не являются полным спасением человека от яда мира, мы и сами коренное зло видим не там, где видят его фашисты и демократия, эти обе в сущности материалистические системы политико-экономического построения. По-нашему, беда и счастье прежде всего в нас самих, а не вне. Но, относительно говоря, демократия лучше, конечно, фашизма.

Не возражали.

А совсем уже недавно на выставке в Нью-Йорке подошел ко мне с карандашом и бумажкой человек еврейского типа и очень скромно сказал:

— Я еврей и корреспондент еврейской газеты. Могу я задать вам вопрос?

— Пожалуйста.

— Скажите, какое отношение Церкви к Советскому правительству в России?

— Искренне дружественное, лояльное и сотрудническое.

— А как смотрит на коммунизм христианство?

— Христианство принимает всякие формы государственного устройства.

— Но коммунизм может быть ближе?

— Да, я думаю так. Но только — и труднее для осуществления.

Он поблагодарил и ушел, записав интервью.

Я припоминал себе, что в первоначальной стадии христианства были, наряду с собственниками, и коммунистические общины, но они недолго удержались: человеческий эгоизм оборвал их. Правда, тогда оставался соблазн параллельного существования и собственнической системы. В социализме же тот соблазн в одной стране отпадает: некому и нечему завидовать; и все же нелегко нашей себялюбивой природе отказываться в пользу другого. Эгоизм очень врос в испорченную грехом нашу душу.

Все это я описал здесь, забежав далеко вперед для того, чтобы сказать «доброе слово» в защиту или, по крайней мере, в объяснение поведения наших отцов и дедов в отношении к капиталистическому строю. Нет, не темнота, не забитость, не рабство души делали их терпеливыми, а, наоборот, своего рода особая просвещенность, сила и свобода. Тогда они были иного порядка, духовного.

Христианство, зная, где корень бед, то есть в душе, пришло и принесло новые силы лечить именно ее прежде всего, а не внешние условия. И врач излечивает корень и первоисточник болезни, а не вторичные проявления ее вовне. И вот, оставляя, по-видимому, нетронутыми внешние бедствия, христианство дало «внутрь» такое «просвещение», влило такие благодатные силы, что человек мог почувствовать себя свободным внутренне и при рабстве, богатым, или хотя бы спокойным, при бедности. Как? Христианство указало и действительно дало новую, мирную жизнь в душу: жизнь в Благодати Божией еще здесь и надежды на блаженную жизнь в будущем мире, несомненно, существующем. Имея в себе эту внутреннюю духовную жизнь, человек мог и стал спокойным при всяких условиях. Не столько хорош врач, который лечит болезнь, сколько тот, который, впрыскивая какую-нибудь противоядовитую жидкость, делает человека неспособным к заразе, так называемый «иммунитет». Христианство и дало эти силы нашему народу.

Конечно, это совсем не означает того, что эти внешние условия — рабство, эксплуатация, бедность — хороши сами по себе. Наоборот. Самый иммунитет именно предполагает, что это — болезнь, беда, зло; именно для того-то и даются новые силы, чтобы преодолевать, побеждать то зло в себе самом. *Вера побеждает мир*[13],— говорит ученик Христов Иоанн и по опыту.

И это совершалось на нашем народе многие столетия. Он воспитывался, при внешней безграмотности, в высокой философии, он верил в благородство и достоинство «человека» гораздо больше не только крепостников-господ, но и больше всех материалистов, защитников народных. «Человек» — это высокое имя, святое, выше условий, выше земных порядков.

Один из христиан, прежде бывший упорнейшим евреем и гонителем, потом сказал по опыту:

— Я все теперь могу: могу жить (без вреда) и в довольстве, но могу жить (тоже без вреда) и в нищете.

А когда его посадили в тюрьму, он и там чувствовал себя как на свободе. Когда ему грозила казнь, что потом и случилось, он писал близким:

— Я готов и жить и помереть, но сам предпочел бы умереть Христа ради.— Так писал бывший гонитель Савл, потом Павел.

Но и в наше время многие перенесли тюрьмы и ожидание смерти спокойно. Теперешний глава нашей Церкви, Митрополит Сергий Московский, четыре раза был арестуем. Но находясь в темнице, был благодушен и составлял молитвы.

Вот так и предки наши жили и чувствовали.

Но как же так круто изменилась эта философия народа?

...Подумаем в следующей главе. Там и вскроется, как происходила перемена и во мне лично в юношеские и молодые годы.

Сейчас же и воротимся к детству моему и народному: народ, в сущности, тоже был тогда дитя по душе... Посмотрим теперь, что же он получает от Церкви, этой третьей воспитательной силы.

Можно без преувеличения сказать, что собственно Церковь и воспитывала наш народ. Семья, о чем мы говорили выше, была больше проводником и нянькою при Матери-Церкви. Вдумываясь теперь, начинаешь понимать все больше, сколько дала она народу!

Попытаюсь рассказать об этом.

Начну с того, о чем лишь только что говорил.

Как-то Горький сказал: «Человек — это звучит гордо!» Мне эти слова всегда были неприемлемыми и фальшиво измышленными, самомнительными. Церковь дала другое воззрение на человека. «Человек! — какое это высокое имя!» — писал блаженный отец Иоанн Кронштадтский [14] в дневнике своем. А он имел дела со всеми: от царя Александра до нищих... Но больше имел дел с бедными, с народом, который тысячами ежедневно стекался со всей Руси в Андреевский храм в Кронштадте. Я был счастлив своими глазами видеть все это...

«Высокое имя — человек!» Почему? И какое место и значение имеет Церковь в этой «высоте» для народа?

По христианскому учению, всякий человек без различия есть образ Божий. А душа человека, сказал Христос, дороже всего мира. Ради него сошел на землю Сам Сын Божий Единородный. А по нравственному состоянию и по крещению все христиане суть «дети Божии». Апостол Петр называл всех верующих духовными *царями, священниками*[15], хотя они были тогда больше рабами по социальному положению; человек призывался к ангелоподобной святости, от него требовалось быть выше этого мира. Какая в самом деле высота!

Но отражалось ли это учение Церкви в действительной жизни народа? По-видимому, будто незаметно, но при глубоком наблюдении, несомненно, было так.

Вот возьмем храм. Почти нигде не встречались господа и подчиненные вообще, разве лишь одни как слуги другим. А в храме все были равны. Ну пусть для помещиков были отгороженные места, но это имело значение скорее внешнего удобства и лишь отчасти — классового различия, а в сущности в храме, перед Богом и друг перед другом мы были одинаковы. Рядом стояли, не стесняясь высших, и те нас не презирали, как низших, всех нас равно называли «братия» и «сестры» или «рабы Божии», все мы состояли, все были с открытыми головами, а женщины в платках, даже и барыни (те в «наколочках»), лишь после завелись шляпки у богатых, все одинаково считали себя грешниками и нуждались в милости Божией, а лучшие делали еще большее: старались в душе считать себя ниже других, через это становились в любви и у Бога, и у ближних сразу выше. И духовному взору, проникающему внутрь сердец, ясно было, что эти «рабы» помещиков были нередко духовно выше своих господ, как истинные *рабы Божии*.

В храме проявлялось «достоинство» человека. И чем больше он смирялся, тем возвышеннее он становился еще здесь, и наоборот.

А чего стоит одно сознание своей греховности в нашем народе, чему дивился Достоевский даже в каторге! Или вспоминаю сейчас пьесу Л. Толстого «Власть тьмы». Преступный молодой мужик, живший нечисто, задушивший прижитого незаконного ребенка, бросивший двух первых сожительниц и готовившийся жениться на третьей, вдруг начинает мучаться до того, что уходит с предсвадебного пирования повеситься в сарае. Здесь останавливает отчаявшегося его же работник и говорит, что ничего непоправимого на этом свете нет. И преступник решает открыто во всем покаяться перед гостями. Все приходят в ужас и стараются прервать его исповедь. Урядник хочет «вязать» его. А родной отец, по-видимому, забитый мужичок, не умевший выражать свои мысли, а больше объяснявшийся мимикой да словами «того» и «тое», останавливает их с непривычной для него силой и в радости просит дать кающемуся сыну все открыть, прибавляя с торжеством: «Вот Он, Бог-то! Вот Он Бог где!»

Повинившийся сам отдает себя под арест.

Ведь это — потрясающая картина сознания греха!

В высших кругах толстовского времени не было уже и малой доли такого покаяния и муки от греха...

А народ, пусть и не все, радуется этому покаянному возвышению прежнего преступника... Какая красота — покаяние! Мы, духовные, наблюдаем это больше других, сколько умилительных фактов приходилось видеть! Из моего детства и юности приведу иллюстрации.

Вот Великий пост. Медленно, заунывно зовет колокол. Сначала церковь пустовата, а к концу недели — не протолкаться. Мы, школьники, после семи лет должны уже тоже исповедоваться. Маленькие грешники! Батюшка исповедует нас целой группой, человек по пяти — десяти. Какие уж там грешки?! Но каждого прощает

особо. И мы радостно бежим домой. Есть не полагается после исповеди. Мать также радуется с нами, тихо улыбаясь:

— Ну, вы уже скорее ложитесь спать, чтобы не согрешить перед Причастием.

И мы ложимся и спим счастливо, как безгрешные ангелы.

На другой день все причащаются: и господа, и крестьяне — от одной Чаши. И все становятся такими добрыми, милыми, тихими, ласковыми, спокойно-радостными! Все поздравляют друг друга: «Со Святыми Тайнами!» Приезжаем домой, а там мама, торжественно настроенная, целует нас, ухаживает за нами и угождает чем-нибудь особым, не будничным: чай с вареньем, белый хлеб, за обедом суп с маслом (рыбы нельзя, а в первую неделю и без постного масла), жареная картошка, оладьи... Мы ныне — причастники.

Даже и пословица была такая: «Что ты как именинник!», а иногда: «как причастник».

И как отрадно было мне смотреть на исповедников в храме, очередью тянувшихся к батюшке. Иных он отпускал скоро, а другие почему-то задерживались. Потом, получив «разрешение», клали на аналой по две-три копейки, редко-редко положит кто пятачок медный (денег-то было всегда мало), а тихие отходили назад слушать непонятное «правило» с акафистом, которое читает лысый диакон посреди храма.

А однажды мне пришлось быть свидетелем жуткой картины публичной исповеди. Одна красивая, молодая еще женщина, лет сорока, а то и меньше, худая, опрятно одетая, вышла на амвон, обратилась к народу и вслух стала рассказывать про все грехи свои... Какой ужас охватил меня! А народ нагнул головы и молчит... Говорили после, будто она ненормальная. Может быть, и так. Но все равно, и самая ненормальная связана была с сознанием греховности. Такие публичные исповеди были в церкви в первые века, но потом их заменили теперешней тайной практикой: тяжка была открытая исповедь, а для других — соблазнительна.

Нужно себе представить, как мучилась эта бедная женщина, что решилась на публичный всеобщий позор!

Да, в народе было глубокое сознание греха и зрение своей души! Даже с младенческих лет наши сердечки уже чувствовали, что хорошо, что худо. Я знаю несколько таких случаев. Из них вспомню лишь об одном.

Как-то ворона кружилась над нашими цыплятками. Мать, услышавши испуганный крик наседки-курицы, говорит мне:

— Ваня, беги посмотри, что там с цыплятами!

— Мама, пошли Мишу,— лениво отозвался я.

Кажется, мать побежала сама на помощь.

Через какой-нибудь час я стоял перед окном соседнего дома, где жила многодетная семья лакея. Его жена Анна, увидевши внизу своего телка, гулявшего где ему не следовало, говорит мне, указывая на виновника:

— Ваня, поди вороти теленка.

И я мгновенно побежал туда. Почему? Я тогда, еще пятилетним ребенком, вспомнил, как только что отказал родной матери о цыплятах, а исполнил желание чужой женщины. Моя маленькая совесть тогда же спросила меня: «Почему так?» И я понял: перед чужим человеком мне хотелось выхвалиться, вот-де я какой хороший! Тщеславие уже работало тогда... Воротился я опять под окно за «наградной» и получил спасибо... А факт запомнился совестью на всю жизнь. И другие грехи детства помню ярко доселе. А значит, не я же один был такой, а и другие...

После сам уже исповедовал. Сколько бриллиантовых слез, живительных, очистительных видел я! Иногда ноги кающихся готов был бы целовать. А от слез маленьких кадетов-казачков в Сербии плат, лежавший на престоле для утирания после причащения, был такой мокрый, что пришлось сушить. И как все это было отрадно и нам, и кающимся! Как прекрасно!

А еще больше радость была на праздники. Вот самое обыкновенное летнее воскресенье. Настроение праздника начинается еще с вечера субботы. Как-то мы ловили в реке рыбу или раков. Над нами высился кругом глинистый желтый берег. Еще выше в гору стоял храм. Было к вечеру. Вдруг раздался первый удар в большой колокол и стих постепенно. У меня сразу повеселело на душе. Потом другой, еще пауза...

И уже потом пошли частые удары. Невольно вспоминаешь известные стихи:

Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он...

Я уже давно забыл последующие стихи и не знаю, что за думы были у поэта. Но у меня не было никаких дум, только непонятная радость на сердце.

На другой день, часов в шесть утра,— звон к утрени, потом — перерыв на полчаса. Часов около девяти — литургия. И вот помню: в перерыве люди выходили из храма на травку внутри кирпичной ограды, мужчины с мужчинами, около них тихонько ребятишки, женщины с женщинами. Разодеты кра́сно, в цветные платки, шелковые и полушелковые,— желтые, красные платки; старушки в черном. И мирно сидим, о чем-нибудь тихо говорим. Скоро заблаговестили опять: первый — долгий удар... Народ не крестится еще. Ударили второй раз: закрестились. Почему так?

Первый удар означает первое пришествие Христа: оно уже прошло. А второй напоминает нам о будущем Втором пришествии и о Страшном суде: тут и нужно креститься и в грехах каяться.

Опять все — покаяние на первом плане. Но еще сидим на траве: читают пока «часы». Вдруг раздается веселый трезвон, сейчас начнется литургия. И мы встаем.

На Пасху всю неделю разрешалось весь день звонить всякому, кто хотел. И ребята упражняли свое неумелое искусство: никто уж им тогда не смел запретить...

Вот вспомнил о Пасхе. Сколько радости всему народу! Храм переполнен, еще с вечера забираются приехавшие из деревень. Крестный ход... Прежде при первом *Христос воскресе!* стреляли даже из пушек, предоставляемых помещиками. Неизвестно, как они попали к нам. Потом блестящее богослужение... Всеобщее целование в церкви в конце утрени... После литургии освящение куличей, пасх и яиц, установленных в белых платочках или полотенцах вокруг храма, с копеечными свечками в них... Начинается бледная заря... Народ постепенно расходится... Свечечек в куличиках все меньше и меньше... Еще пять осталось... Две... Последняя потухла... Храм пустой... Сторож тушит свечи... Мы едем на Буланке домой. Поем *Христос воскресе* и разговляемся... И спать, спать.

Пропускаем восход солнца, а оно в этот день «играет» от радости, как уверяет отец... Уже после я не раз взрослым взбирался на крыши и смотрел на солнышко. Утром оно всегда дрожит в колеблющемся над горизонтом воздухе, но народ на Пасху видит в этой обычной картине тайный и живой смысл воскресной радости природы.

После — вкусный (раз в году такой) обед из курицы, жареного, душистого калача, сладкой сырной пасхи. Как ждали этого, особенно после говенья семи недель поста!

Но однажды такое разговение едва не кончилось трагически. То было в 1918 году. Я с Московского Церковного Собора в последний раз посетил дом и родителей. Отец всегда жаловался на катар желудка. Вечно пил от изжоги соду, она разъедает слизистые стенки. И в этом году болезнь так обострилась, что вызвали — это редкость — за пять верст знаменитого в Кирсановке врача Шелоумова... В провинции все бывает «знаменитое»: голосистый диакон в соборе, необыкновенный силач-исправник, вот был и чудо́дей-доктор, которому верили все, несмотря на сумасшедшую, шальную фамилию его. Приехал, посмотрел. Прописал рецепт. Велел хранить строгую диету. А тут и подошла Пасха... Все мы, кроме родителей, я, брат Сергей и сестра Лиза, готовимся разговляться. Садится и больной отец. Ему уже ничего почти нельзя есть, особенно мясного. А он смотрит жадными глазами: всю жизнь ждал Пасхи, сытной и вкусной. Мать и мы, дети, уговариваем его воздержаться... И вдруг он горько заплакал, как малое дитя. Ему было около семидесяти лет.

— Вы едите, а мне одному нельзя-а-а-а!

Мы, дети, даже немного рассердились на его такое неразумие.

— Папа, помрешь же!

А ему все равно, хоть и помереть, лишь бы раз в году вкусно наесться. Смешно это кажется иному, но нужно вспомнить, как бедные люди недоедали, недосыпали,

особенно наши родители, чтобы только дать нам обучение. Невольно заплачешь на Пасху...

Смотрела, смотрела на это мать и сама залилась слезами... Может быть, вспомнила тут долгую и горемычную жизнь его и свою, в нужде, в маете, в болезни (отца не помню болящим), и, махнувши рукой, говорит:

— Ну ешь, отец! — так называла она мужа,— уж все равно: двум смертям не бывать, одной не миновать!

Смахнув свои слезы, обрадовавшийся папа дал себе волю. И в тот же день открылся у него кровавый понос, чуть не умер. Зато с радостью разговелся...

После обеда,— помню с детства,— «на улице», то есть на открытом ровном месте, устраивалась игра «катанье яиц». На большом расстоянии, шагов на двадцать, ставили попарно яйца: пять, десять пар, смотря по количеству играющих, на аршин друг от друга. Первая двойка, по согласию, плоским круглым большим мячом, туго сшитым из тряпок, катила «в пары»; если попадала, то катила снова; если промахивалась, мяч брали игроки следующей двойки игроков... Другие кругом смотрели... Весело казалось нам... Женщины и дети грызли жареные подсолнечные семечки...

И все были веселы, радостны, довольны; никаких «проклятых» вопросов и тяжелых дум тогда не было... Жили как «птицы небесные», да, близко к этому евангельскому чину... Недаром же звали нашу страну «Святой Русью»...

— Кому теперь? — спрашивают.

— Мине-е,— кричу... Так и прозвали меня тогда:

— Эй, мине! Тебе качать.

И качу, не обижаясь.

На этот праздник уж должно быть всегда солнышко... Я не помню дождливой Пасхи... Так радостно было на сердце...

Но кончились «светлые» дни и снова начались будни с бедностью, с аккуратностью в питании, в трудах, в бережливости. Я и до сей поры, на седьмом десятке, не могу бросать деньги не только на пустяки, но даже и на дорогую пищу. Как-то недавно угощает меня знакомый, подает мне меню. Вижу, цена на какие-то мясные кушанья — доллар, доллар двадцать, доллар тридцать. Боже мой! Я в страхе, почти непроизвольно отложил карту на стол.

— Ой, как у вас все дорого!

— Что вы? Берите, что хотите, не стесняйтесь ценой, заплатим.

Это говорил бывший русский селянин, но уже давно привыкший к мирскому стандарту американской сытой жизни. Сказал я то же самое о дороговизне при другом рабочем:

— Вы здесь роскошно живете, я не привык так.

— Да,— скромно согласился он,— мы в Америке набаловались!

А я, когда один, хожу в маленький польский ресторанчик, где меня не знают, там дешевле, но и все «дорого» — близко к доллару... Не вынес: стал покупать кое-что и в лавочке у другого, хорошего старика, поляка. Оказалось, второе дешевле самому. Успокоился... Так приучила трудная жизнь в семье...

Но любви к деньгам не создалось. Наоборот, и теперь беспокоюсь, если есть лишние деньги, куда их девать. А больших сумм просто боюсь, они меня пугают, точно украденные... И много легче жить так: кое-как, с нуждою в деньгах, это мне кажется более нормальным и справедливым. Какой-то грех и доселе чувствую в свободных деньгах. Это не от моральных принципов, а как-то инстинктивно или уж по привычке к бедности.

По моему же примеру можно судить еще больше о народе, который жил еще беднее, чем наша семья.

Но радость была не только на Пасху. А и в воскресенья, и в двунадесятые праздники мы ощущали таинственную радость. Недаром же это слово «праздник» стало в русском языке символом радости!

Но если уж не часто была радость, то глубоко в народной душе чувство мира. Да, мирный был наш народ... Об этом уж я говорил прежде. Здесь вспоминаю, как относился он к такому страшному явлению, как смерть. Один священник, отец Димитрий Б., уговаривает умирающего своего прихожанина не бояться смерти, а тот ему и говорит:

— Да я, батюшка, и не боюсь ее, слава Богу!

И умер.

Старушка идет со мной в Твери из храма.

— Сколько тебе лет-то?

— Да уже семьдесят четыре. Вот все прошу у Бога смерти, да не дает. А что я тебе скажу? Видела я сон...

И начинается длинный, спокойный рассказ о сне. И смерть забыта.

Недаром в своей «Исповеди» Л. Толстой сказал:

— Насколько спокойная смерть среди нас (дворян) является редким исключением, настолько, наоборот, она в народе бывает обычным явлением.

Это верно. Вся жизнь простых людей была подготовленной к мирному концу. Жили незаметно и терпеливо и умирали тихо. По временам веселились; в общем, не печалились, а смерти не дивились, ее ждали, не думали о ней все и всегда. И вся жизнь, в сущности, была путем к этому неизбежному концу. Отсюда объясняется и общий нравственный уклад всей жизни.

Одна писательница выразилась, что вся Древняя Русь была, в сущности, сплошным монастырем, только в миру, с семьей. Тут много правды. Например, посты соблюдались строго, жизнь была в общем молельная, в грехах каялись, «послушание» — и крепостное, а потом и на «воле» несли: трудились до поту, жили бедно, терпели лишения, не роптали, смирялись... Разве это не скит?

А какая иногда поразительная чуткость проявляется у них и доселе! Расскажу виденный факт.

В 1914 году объявили мобилизацию армии на войну с немцами. Послушно потянулись бородачи, оставляя семьи... А конец известно какой ждет.

И у меня брат умер в японскую войну, оставив жену и дочь. Но он все же плакал, мы тоже. Я вот вижу сцену на Кирсановской станции. Стоит блондин против моего вагона (я ехал в Крым) спиной ко мне. Рядом, лицом к поезду, жена. Оба молчат. А что в сердце у каждого — можно понять. Второй звонок, нужно расставаться. Он обнимает ее, но целует слегка и коротко — стыдно людей. И уходит в вагон. А она, бедная, больше не имеет сил сдерживаться, хочет разрыдаться, но тоже неловко перед людьми. И вижу, как она отворачивается лицом от нас, и от плача вздрагивают ее плечи... Третий звонок... Она быстро смахивает концом платка бежавшие слезы, оборачивается к вагону мужа, чтобы взглянуть, наверное, в последний раз... Поезд медленно отходит. А я думаю: «Господи, Господи! И кто научил этих необразованных людей такому внутреннему благородству?!»

Я и теперь часто удивляюсь им... Говорят-говорят, а потом слышу: «Извините». Жду, а этот мужик скажет что-нибудь невинное, например: «Извините, я выпимши был тогда», или: «Он (кто-нибудь) нехорошо выразился, извините меня», и т. д.

Эта тема о мужицком благородстве еще не вскрыта у нас, но и в литературе разбросаны уже тысячи примеров, выражений, слов и действий. Вспомнить хотя бы один тип расслабленной женщины в рассказе Тургенева «Живые мощи». Или работника в рассказе Толстого «Хозяин и работник...» Везде, везде.

И, думаю, воспитывала его вера, совесть, семья.

Да, великое утешение получали люди от Церкви. Даже и самое здание храма веселило их: жили в маленьких избушках, а церковь — красивая, там служба в «золотых» ризах, и пение певчих, и иконы, и свечи, и пахучий ладан, и звон колоколов. Церковь встречает младенца, венчает его молодого, отпевает состарившегося, везде с ним — и в радости, и в горе.

Еще вспоминаю один приезд архиерея. Как ждали! Какое торжество! С ним духовенство... Чудесный хор певчих... Точно райское видение. Но это было очень редко.

Теперь можно бы сказать о духовенстве. На моей памяти мы не могли хвалиться чем-либо особым. «Служили», так можно сказать. Бывали, правда, поразительные примеры святых людей. Почти в каждой губернии были свои маленькие «кронштадтские»: отец Василий Светлов — в Тамбовской губернии[16], отец Николай — в Пензенской, отец Константин — в Симферополе и т. д. Но большею частью мы становились «требоисполнителями», а не горящими светильниками. Не помню, чтобы от нас загорелись души... Но не было (за исключением) и дурных типов. Только дух в духовенстве начал угасать. Правда, лучшие христиане не обращали на это внимания, крестились, венчались, хоронились у духовного «отца»,

но, пожалуй, отцами-то мы и переставали быть... Приходилось слышать и критику.

Как-то разговор об одной проповеди в храме.

— Да, говорит, а сам-то...

Другие молчат. А один осиновский богомольный крестьянин возразил:

— Ну, што ж? Да рази это он говорил? Это Церква говорит.

Но едва ли все были такими вдумчивыми...

Житье духовенства морально становилось все труднее... Приближались революционные времена... Дети духовенства почти сплошь отказывались идти по дороге отцов...

Происходил тяжелый процесс и в толщах народных. А тут тяжелая война... И разразилась революция.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Свет»* — «Ежемесячный научный, литературный и художественный журнал». Выходил в Санкт-Петербурге с января 1877 года. В приложениях к нему печатались произведения русских и зарубежных писателей, исторические и научно-популярные сочинения.

[2] *Ильинка, Ильяновка, Ильиновка* — варианты названия одного и того же селения, наименованного в честь помещика Ильи Абрамовича Баратынского.

[3] *Святитель Питирим, епископ Тамбовский* († 1698) — уроженец г. Вязьмы; принял иноческий постриг в 21 год. За строгость жизни избран был игуменом Предтеченского монастыря в своем родном городе. Епископское служение святителя Питирима проходило с 1685 года во вновь образованной тогда Тамбовской епархии. Святитель положил много трудов в деле обращения в Православие раскольников, татар, мордвы, черемисов и мещеры, приводя их к истинной вере примером своей жизни и подвига. Причислен к лику святых в 1914 году.

[4] *Афинский Платон Иванович* — священник Ианнуариевской придворной церкви, законоучитель 3-го уездного и Сретенского начального училища в Москве, автор «Книги для духовно-нравственного чтения в начальных училищах», выдержавшей более 50 изданий.

[5] *Соколов Дмитрий Павлович* — священник, автор книги «Беседы с детьми о вере и нравственности христианской».

[6] *Катавасия* (церковное песнопение) «Христос рождается славите...» исполняется впервые во время всенощного бдения под праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

[7] Книга Н. Г. Помяловского (1835—1863) «Очерки бурсы».

[8] *Саблер (Десятовский) Владимир Карлович* (1847—1929) — юрист, выпускник Московского университета, состоял юрисконсультом при Святейшем Синоде, затем управляющим его канцелярией. С 1890 года — товарищ обер-прокурора Синода, с 1911 по 1915 — обер-прокурор.

[9] *Митрополит Антоний* (в миру *Александр Васильевич Вадковский*) (1846—1912) — сын священника Тамбовской губернии, окончил духовное училище и семинарию в Тамбове и Духовную Академию в Казани (1870), доктор церковной истории (1895). В начале своей деятельности, будучи еще мирянином, занимался преподавательской и научной деятельностью, редактировал журнал «Православный собеседник». За три года (1879—1882) потерял жену и двоих детей. В 1883 году принял монашество и был возведен в сан архимандрита. Занимал ряд административных постов в духовных учебных заведениях. В 1887 году рукоположен во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1887 по 1892-й — архиепископ Финляндский и Выборгский. С 1898 года и до кончины — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Был постоянным членом Святейшего Синода (а с 1900 — первенствующим), членом Государственного Совета. Владыка Антоний отличался глубокими богословскими познаниями, чистотой жизни, удивительным бескорыстием.

[10] Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода с 1880 по 1905 год. После Манифеста 17 октября 1905 года подал в отставку. Известен своими охранительными воззрениями и глубоким консерватизмом. При деятельном участии К. П. Победоносцева значительно увеличилась сеть церковноприходских школ, возросло количество их учащихся.

[11] *Святополк-Мирский Дмитрий Петрович* (псевдоним *Д. Мирский*) (1890—1932) — князь, сын императорского министра иностранных дел, в годы гражданской войны — офицер Добровольческой армии. Эмигрант. В 1930 году вступил в Коммунистическую партию Великобритании. Автор книги «Ленин» и статьи «Почему я стал марксистом». В 1932 году «князь-социалист» выехал в СССР. Был арестован, отправлен в лагерь, а затем казнен.

[12] *Зейполь Игнац* (1876—1932) — австрийский политический деятель, профессор теологии Венского университета, лидер легитимистского крыла христианских социалистов. В 1922—1924 и в 1926—1929 годах был канцлером Австрийской республики. Во время его правления (1924) между Австрией и СССР были установлены дипломатические отношения.

[13] 1 Ин. 5, 4.

[14] *Святой праведный Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев)* (1829—1908) — протоиерей Андреевского собора в г. Кронштадте — великий молитвенник земли Русской, обладавший даром прозорливости и чудотворения, духовный писатель. Причислен к лику святых Русской Православной Церкви в 1989 году.

[15] 1 Пет. 2, 9.

[16] К образам «маленьких кронштадтских» митрополит Вениамин неоднократно обращается в своих произведениях. Небольшие жизнеописания их приведены Владыкой в его книге «Божии люди» и в «Записках архиерея».

Публикация и примечания А. Светозарского

Христос и Кришна

Свет и Тьма

Ярко-красочные одежды, звуки бубна, приплясывание с возгласами: «Харе Кришна!» — сценка, ставшая уже привычной для улиц многих российских городов. Отчего же в стране с вековыми христианскими традициями закрепилось и распространяется мистическое восточное учение — кришнаизм? Конечно, сыграл свою роль тот духовный вакуум, который образовался в нашей стране на протяжении семи десятков лет, но основная причина — в применении кришнаитами своей испытанной тактики: если они находят народ, который поклоняется какому-либо божеству, то говорят, что это божество — аватара (одно из воплощений) Вишну (Кришны) и таким образом внедряют свое учение еще в один народ.

Вот и у нас в России провозвестники «новой» религии учат, что все народы поклоняются одному богу, а Христос не кто иной, как сам Кришна в своем очередном воплощении (по другому толкованию — сын Кришны). Что, мол, и имена-то их очень схожи по звучанию. Но утверждать такое можно только по невежеству. Слово «Христос» — греческий перевод с еврейского «машиах», что означает «помазанник». И если о Христе в Евангелии говорится, что Он «был Свет истинный» (Ин. 1, 9), то слово «кришна» на санскрите означает «черный», указывая на цвет своего обладателя, который был «подобен грозовой туче» (БхГ, с. 419)*.

Какое впечатление производит на человека истинный облик Кришны — подробно описано в Бхагавад-Гите: «Многие лики, глаза, руки, бедра, ноги, чрева и многие устрашающие зубы... Я не могу сохранить равновесие при виде твоих пламенеющих смертоносных ликов и устрашающих зубов... все люди устремятся в твои зевы, подобно мотылькам, летящим на огонь, чтобы погибнуть в них... вижу, как ты поглощаешь людей со всех сторон своими пылающими ртами...» (БхГ, гл. 11, текст 21—33). Довершает это ужасное зрелище ложе из змей, на котором восседает Кришна (БхГ как она есть, гл. 11, текст 15*). Неудивительно, что воин Арджуна, которому явился Кришна в своем подлинном обличье, потрясенный и духовно сломленный, соглашается выполнить его требование и уничтожает весь свой знаменитый род. Одного этого достаточно, чтобы убедиться в дьявольской сущности мнимого «бога».

И разве можно сравнить приведенные отрывки из Бхагавад-Гиты с текстом Святого Евангелия, описывающим потрясение святых апостолов во время Преображения Господа нашего Иисуса Христа? Естественный благоговейный страх при виде Христа в окружении давно отошедших в мир иной ветхозаветных пророков смешался с чувством восторга: *Равви! Хорошо нам здесь быть* (Мк. 9, 5). Священное Предание донесло до нас описание удивительного случая, когда посланец эдесского царя Авгаря не мог написать портрет Иисуса Христа, настолько сиял Его Божественный образ. Так что же может быть общего между светом и тьмой?

В подтверждение истинности своего учения кришнаиты указывают на его древность, которому, согласно преданию, пять тысяч лет. Но действительно ли все то истинно, что древнее? В глубокой древности почти все человечество было погружено во мрак идолопоклонства. Истинные понятия о Боге сохранились среди немногих праведников, пока наконец Богом через пророка Моисея иудейскому народу не был дан Закон, который подготовил пришествие в мир Сына Божия, открывшего полноту Божественной истины. Если Закон клеймит идолопоклонство как служение бесам (1 Кор.

* БхГ — Бхагавад-Гита. Ашхабад, 1977.

* Свами Прабхапуда. Бхагавад-Гита как она есть.

10, 20), то Кришна совсем не возражает против поклонения другим божествам. Наоборот, он говорит: «Тот, кто служит другим богам и поклоняется им с верою, в действительности поклоняется мне (БхГ как она есть, гл. 10, текст 23), но если кто-то вкушает пищу, не предложенную идолам в жертву, то такую пищу он считает греховной. Вкушение же идоложертвенной пищи, по его мнению, «очищает и спасает» людей, приводя их к спасению от «материального» плена (там же, с. 176).

Учению о вкушении пищи у общества «сознания Кришны» вообще отводится большое место в деле спасения. Человек «оскверняется», когда вкушает пищу животного происхождения. Сознание такого человека никогда не сможет стать чистым. Кришнаиты утверждают, что и Библия учит тому же, только вот христиане еще не созрели для правильного ее понимания. Что заповедь «не убий» была дана не только по отношению к людям, но и к животным. Но эти ссылки на Библию рассчитаны на людей, не знакомых со Священным Писанием, в котором сказано: *Все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы морские... все движущееся, что живет, будет вам в пищу* (Быт. 9, 2—3). Этими словами Бог благословил Ноя, а вместе с ним и все человечество. Христос учит, что отнюдь не пища оскверняет человека: *Еще ли не понимаете, что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон? А исходящее из уст — из сердца исходит; сие оскверняет человека; ибо из сердца исходят злые помыслы* (Мф. 15, 17—19).

Самое парадоксальное в учении кришнаитов то, что, считая грехом вкушение животной пищи (как нарушение заповеди «не убий»), они вполне допускают любое убийство, в том числе и убийство человека, если это велит «бог» Кришна. Об этом достаточно подробно пишет один из основателей движения кришнаитов Свами Прабхупада: «Находясь в сознании Кришны, «преданный» непосредственно общается с ним и может понять все его указания (БхГ как она есть, с. 146), если Кришна захочет, «преданный» может совершить любое действие, даже нежелательное с обычной точки зрения (там же, с. 158), а если возникает нежелание выполнить строгий приказ, то это нежелание следует подавить (там же, с. 196), так как естественное и изначальное состояние живого существа заключается в том, что оно выполняет приказы, идущие сверху» (там же, с. 303).

«Сознание Кришны», как видно, рассчитывается на то, чтобы превратить человека в орудие чьей-то воли, и, очевидно, воли злой. Не случайно в качестве назидательного примера Свами приводит воина Арджуну: тот «не хочет убивать членов своей семьи, но когда он понял, что они были препятствием на пути к сознанию Кришны, то последовал его указаниям (БхГ как она есть, с. 616), поскольку преданный ему уже не ответственен за свои действия» (там же, с. 761) и ему нет необходимости думать о своих прошлых греховных поступках, так как Кришна полностью берет на себя заботу о них (там же, с. 588). Кришнаит может сделать все, что ему угодно. Даже лишив кого-нибудь жизни, он не несет за это никакой моральной ответственности, потому что следовал указаниям Кришны. «Да! — учит Прабхупада.— Все мы предназначены для того, чтобы удовлетворять Кришну, которого не беспокоят ни праведные, ни греховные действия, ему нужно только любовное служение и ничего больше, потому что вступление в высшие обители обеспечивается преданным служением». Выходит, что, по Бхагавад-Гите, разрешается любое преступление в обмен на преданность Кришне, поэтому кришнаиты в некоторых странах запрещены как опасная секта.

Иисус Христос о лукавых учителях говорит: *По плодам их узнаете их* (Мф. 7, 16). Каковы же плоды жизни в кришнаизме? Каким должен стать человек, исполнивший все предписания Бхагавад-Гиты? «Только тот, кто одинаково взирает на счастье и несчастье (БхГ, гл. II, текст 15), кто не радуется, не ненавидит, покинувший все хорошее и нехорошее (там же, гл. XII, текст 17), кто не испытывает удовольствия от общества людей (там же, гл. XIII, текст 8—10), кто остается безучастным в стороне и не шевелится, кто покинул все понимания (там же, гл. XIV, текст 21—25), кого мало волнуют такие происшествия, как болезнь, нужда и даже смерть близких родственников (БхГ как она есть, с. 330), только тот достоин бессмертия (БхГ, гл. II, текст 15), только тот входит в мое бытие» (там же, IV, текст 10). Таким образом, человек должен стать

совершенно безразличным к ближним и к самому себе.

Иногда как контраргумент кришнаиты приводят евангельский текст: *И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 36—37). Чтобы правильно понимать эти слова, нужно знать Священное Писание, которое в предыдущих и последующих текстах, а также в параллельных местах Евангелия от Луки, раскрывает их смысл. Слова Христа обращены к восторженным от творимых Им чудес людям, окружавшим Его в то время. Это слова предупреждения о трудностях подвига христианской веры, которые могут привести даже к разделению семьи, родных и близких. Близкие, не желающие воспринимать убеждения родственников-христиан, могут даже стать их врагами. Что советует в таких случаях учение Кришны — очень хорошо видно на примере воина Арджуны, который по приказу Кришны уничтожил всю свою родню. Христос же не только учит: *Любите врагов ваших... молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 44), но и показывает пример истинной любви, обращаясь к Богу-Отцу с просьбой о прощении распинавших Его: *Отче! Прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34). Христианское учение буквально пронизано любовью к ближним. Апостолы Христовы наставляют: *кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного* (1 Тим. 5, 8). *Кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое,— как пребывает в том любовь Божия?* (1 Ин. 3, 17). *Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога... Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 7—8). В этих словах очевидна противоположность отношения христиан и кришнаитов к близким и домашним, пусть даже и не принявшим исповедуемой ими веры.

Евангелие учит, что человек достигает духовного совершенства в соединении с Богом и ближними. Кришнаитство — это путь самоутверждения и холодного бессердечья, превращающий человека в бесчувственный мыслящий аппарат, путь духовного и нравственного самоубийства: «Лишь стань орудием» — говорит Кришна Арджуне (БхГ как она есть, гл. II, текст 33). Не случайно сам Кришна признает, что его учение производит на человека действие яда (БхГ как она есть, гл. XVIII, текст 37), и поэтому советует не открывать сразу всю правду учения человеку, «еще привыкшему ставить перед собой земные цели» и постепенно приводить его к «сознанию». Любовь к ближнему, как неспасительный элемент, должна быть исключена из практики совершенных, но в то же время о сострадании можно говорить новичкам, еще не знающим всего. Вот почему для кришнаитов один и тот же факт на разных уровнях «сознания» может быть и святой обязанностью, и тяжким грехом. Милые молодые люди, распространяющие кришнаитскую литературу, как правило, новички, поэтому так искренни они в своем стремлении к всеобщему единству и любви, наивно полагая, что, тем самым, выполняют волю «бога» Кришны, которому ничего не стоит перед новичками прикрыть свой истинный облик, так как, по словам Свами Прабхупада, Кришна, когда надо, может быть более вероломным, чем любой простой человек, и если он захочет обмануть человека, то никто не сможет превзойти его в коварстве (БхГ как она есть, гл. 10, текст 36). Истинное же свое дьявольское обличье Кришна откроет своим последователям в тот момент, когда под действием яда, постепенно наполняющего их сердца, сопротивляться у них не будет ни желания, ни сил.

Интересна метаморфоза кришнаитского учения в вопросе взаимоотношения полов. Если прежние последователи учения во время своих оргий воспроизводили развратные сцены любовных игр Кришны с пастушками, которые описаны в Бхагавад-Гите, то современные кришнаиты, понимая, что трудно связать общепринятую человеческую нравственность с поклонением развратному и сладострастному божеству, разработали новую концепцию. Современные толкователи трактуют многократные совокупления Кришны с пастушками как иносказательное описание духовной близости, а на самом же деле связь между мужчиной и женщиной как одно из земных проявлений, по учению Кришны, греховна.

Священное Писание, осуждая прелюбодейство, всякую нечистую связь и разврат, в то же время поощряет

супружескую любовь. Сам Господь Бог сказал: *Нехорошо быть человеку одному* (Быт. 2, 18). Любовь к законной супруге воспевается во многих местах Библии: *Любовью ее услаждайся постоянно* (Притч. 5, 19). Апостол Павел рекомендует супругам: *Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим* (1 Кор. 7, 5). Кришнаиты, считая брак в общепринятом понятии грехом, допускают связь между мужчиной и женщиной лишь в исключительных случаях с целью продолжения рода. Если присовокупить к этому запрет есть животную пищу, то воистину пророческими воспринимаются слова апостола Павла: *Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил... Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою* (1 Тим. 4, 1—5).

Нравственность кришнаитов, как, впрочем, и многих других антихристианских учений, таких, как теософия, антропософия, рериховское учение «Живой Этики» (Агни-Йоги), основывается на учении о перевоплощении душ. Часто ссылаются при этом на слова Иисуса Христа по отношению к Иоанну Крестителю: *если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти* (Мф. 11, 14). *Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его* (Мф. 17, 12). Это единственный случай во всей Библии, который по незнанию можно принять как намек на переселение душ. Именно по незнанию, так как об Иоанне Крестителе в Евангелии от Луки говорится, что придет он *в духе и силе Илии* (1, 17), а не как его новое воплощение. И действительно, чтобы перевоплотиться святому Илии, душа его должна покинуть свое тело, но каждый, кто хотя бы раз читал Библию, знает, что пророк Илия не покидал своего тела, будучи прямо с ним вознесен на небо (4 Цар. 2, 11, 17). Где же пребывало тело Илии, когда дух его воплотился в Иоанна Крестителя? И почему во время Преображения Господня (Мф. 17, Мк. 9) Илия явился не в последней своей ипостаси, что по теории перевоплощения было бы логичнее? Но самый короткий и ясный ответ на вопрос, был ли Иоанн Илией, дает сам Иоанн Креститель: *Что же? ты Илия? Он сказал: нет* (Ин. 1, 2).

Сторонники теории перевоплощения утверждают, что тайну эту Христос завещал «посвященным» ученикам, чтобы те в свою очередь передали ее через других «посвященных», не открывая человечеству тайну до тех пор, пока оно для этого не созреет. И что якобы во времена средневековых религиозных войн большинство «посвященных» погибло и преемственность прервалась. Но теперь человечество достигло такого духовного развития, что дух открывает эту тайну через своих новых «учителей». На самом деле попытка внедрить в христианство учение о переселении душ была сделана в III веке от Рождества Христова, когда философ Ориген под влиянием платоновского учения о предсуществовании души до ее соединения с телом создал собственное учение. Последователи Оригена трансформировали его учение в учение о переселении душ, которое как ересь было осуждено на Константинопольском Поместном Соборе в 543 году от Рождества Христова. Впоследствии V (553 г.) и VI (680 г.) Вселенские Соборы подтвердили это осуждение, предав анафеме (отлучению от Церкви) тех, кто следует учению о переселении душ.

В Священном Писании ничего не сказано о перевоплощении. Наоборот, ясно говорится, что по смерти не будет никаких перевоплощений: *Человекам положено однажды умереть, а потом суд* (Евр. 9, 27). Каждый получит воздаяние *соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое* (2 Кор. 5, 10). И воздаяние это будет вечным (Мф. 3, 12 и др.). Идея бессмертия души как постоянное перевоплощение из одного тела в другое, и даже не обязательно в тело человека, противоречит христианской идее личности как образа и подобия Божия. Эта идея оправдывает зло как кармическую неотвратимость (карма — совокупность последствий поступков, совершенных в предыдущих жизнях, определяющих судьбу в новом перевоплощении), полностью отрицает христианское учение о дарованной Богом свободной воли человеку, об искуплении грехов человечества Кровью Христовой и Божест-

венной благодати, благодаря чему человек сам определяет свой путь. Как это может происходить, ясно видно на евангельском примере распятого разбойника, который в одно мгновение своего обращения к Христу наследовал Царство небесное. Бессмертие души по теории перевоплощения есть отрицание самой смерти, отрицание ее трагизма, что является обоснованием для ритуальных убийств во многих индуистских сектах. И кришнаиты так же легко относятся к смерти. Смерть, по образному выражению одного из кришнаитских проповедников, «лишь смена старой износившейся фуфайки». Мало того, при обнаружении признаков «демонизма» в ближайших родственниках не грех и даже благо досрочно ликвидировать их нынешнюю телесную оболочку, что и сделал в свое время воин Арджуна, взаимоотношения которого с Кришной берутся кришнаитами за образец. Таким образом, и здесь приходится признать, что между христианством и кришнаизмом нет ничего общего.

Для Бога христианского мерзок всякий кланяющийся Ему с нечистым сердцем и руками. Примирить с Богом такого человека может только одно: всецелое искреннее покаяние, раскаяние в содеянном зле. Но сло́ва «покаяние» нет в Бхагавад-Гите. Удивительно, что при таком различии учений кришнаиты утверждают, что Библия и Бхагавад-Гита учат одному и тому же. Сам Кришна говорит, что он бог коварный и вероломный, однако с христианской точки зрения такое заявление есть хула на Бога, потому что *праведен Господь... и нет неправды в Нем* (Пс. 91, 16). Не обманывает ли Кришна, не требуя от людей праведности, но обещая блаженства и знания в обмен на преданность? Как тут не вспомнить, что то же самое обещал когда-то прародителям диавол в раю.

Тогда, когда весь мир давно уже просветился светом Евангелия, последователи «сознания Кришны» еще находятся на уровне «сознания» древних идолопоклонников. Но на то и *явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола* (1 Ин. 3, 8) и основать Свою Святую Церковь, которая обладает спасительной истиной о Боге. Свет Христовой веры разогнал глубокую тьму идолопоклонства, однако не все народы пожелали откликнуться на Божий призыв. Ныне слуги «князей мира сего» финансируют различные расплодившиеся по всему миру и у нас в России языческие школы и секты. Нам, христианам, надо быть осторожными и бдительными в это сложное и смутное время, чтобы не попасть в сети гибельной для души доктрины, так как, предчувствуя приближение конца времен духи злобы поднебесные напрягают все силы, *чтобы прельстить, если возможно, и избранных* (Мф. 24, 24).

Библия

О богопочитании и идолопоклонстве:

«Я Господь, Бог твой ...да не будет у тебя других богов пред лицем Моим» (Исх. 20, 2—3).

«Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения» (1 Кор. 10, 14).

Об отношении к близким:

«Если кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного (1 Тим. 5, 8).

О пище:

«Все звери земные и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы морские... все движущееся, что живет, будет вам в пищу (Быт. 9, 2—3).

О единственности человеческой жизни:

«Человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9, 27).

«Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2 Кор. 5, 10).

О лжепророках:

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 15—16).

«Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста» (1 Ин. 4, 1—3).

ПРАВОСЛАВНЫЙ,
Новосибирская епархия

Новонайденная Ростовская сказочная повесть о святых Кирилле и Мефодии

Памяти академика Владимира Ивановича Ламанского посвящаю

Письменные сказания о первоучителях славянства святых Кирилле и Мефодии на Руси не редкость. Достаточно вспомнить нашу древнейшую летопись «Повесть временных лет», где под 6406 (898) годом читается «Сказание о преложении книг».

Древнерусская письменность сохранила некоторые сочинения солунских братьев, а также произведения, им приписываемые, а именно: «Слово на пренесение мощей преславнаго Климента», «Слово похвально священномученику Клименту», «Написание о правой вере», «Канон св. Димитрию Солунскому», а также знаменитые Паннонские жития, «Сказания Черноризца Храбра», похвальные слова, проложные жития и службы, поучения и слова, надписанные именами славянских первоучителей. Во всех этих исторических источниках (кроме Жития св. Кирилла) нет ни слова о посещении святыми солунскими братьями Южной Руси. И в восточно-славянском фольклоре также не сохранилось о них никаких преданий, что странно само по себе, так как славянские первоучители еще в 860—861 годах побывали в Южной Руси: в Крыму, на Нижнем Дону и Нижней Волге, то есть в государстве Хазарии, или Хазарском каганате, где они выполняли свою особую церковно-политическую миссию, порученную византийским императором Михаилом III, когда Константин Философ одержал победу в диспуте с иудейскими и мусульманскими мудрецами. Об этом рассказывается не только в Паннонском житии святого Кирилла, но и в сохранившихся хазарских источниках, таких, например, как книга «Сефер Хозри» и «Письмо хазарского кагана Иосифа к рабби Хиздаи» (X в.). В диспуте славянский просветитель показал себя выдающимся христианским ученым-философом, полемистом и оратором.

Хазарская миссия важна для нас и в ином рассмотрении. Дело в том, что в научной литературе высказано предположение о том, что солунские братья в Херсонесе повстречались с русскими людьми и получили якобы от одного из них священные книги на русском языке, что в дальнейшем облегчило ученым-болгарам составление алфавита для всех славян. В этой связи небесполезно вспомнить гипотезу академика В. И. Ламанского, который утверждал, что хазарская миссия была по существу не хазарской, а русской, так как не хазары, а руссы в 860 году после неудачного похода полянских князей Аскольда и Дира на Константинополь обратились к Константинопольскому Патриарху Фотию с просьбой святого крещения. И Патриарх Фотий тогда не отказал им. Он якобы послал в Херсонес двух солунских братьев*.

Как именно проходила эта загадочная русская миссия, в письменных источниках не сообщается. Выходит, современным ученым следует забыть гипотезу Ламанского, так как она не подтверждается источниками?

Однако подтверждение явилось — недавно обнаружена Ростовская сказочная повесть о хазарской, или русской, миссии святых Кирилла и Мефодия, которая открылась нам среди архивных материалов крестьянина Александра Яковлевича Артынова (1813—1896), жившего на берегу Ростовского озера в селе Угодичи и всю жизнь занимавшегося поисками местного фольклора и его обработкой. Лубочный литератор, фольклорист и этнограф, А. Я. Артынов приводит интересующий нас текст в составе так называемого Мусин-Пушкинского сборника местных сказок и повестей, озаглавленного «Книга о славяно-русском народе, о великих князьях русских и ростовских, отколе корень их произыде на Руси»[1]; другой вариант заглавия: «От Ноя праотца до великаго князя Рюрика... книга о великих князьях русских, отколе произыде корень их»[2]. Мусин-Пушкинский сборник, содержащий 120 интереснейших текстов, дошел до наших дней благодаря А. Я. Артынову, который нашел рукопись

---

* См.: Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915. Подробнее о Хазарской миссии см.: Събев Т. 1) По някои въпроси на Хазарската мисия // Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му.— София, 1969. С. 105—125; 2) Пространното житие на Константин-Кирилл първостепенен исторически извор за Хазарската мисия // Константин-Кирилл Философ. Доклади от симпозиума, посвятен на 1100-годишнината от смъртта му.— София, 1971. С. 305—315; Тацуя Мориясу. Хазарская миссия Константина. (Ее значение в ЖК // Старобългарска литература, кн. 10. София, 1981. С. 39—51).

в 1842 году в Угодичах под клетью колокольни Николаевской церкви в составе части архива и библиотеки графов Мусиных-Пушкиных. Артынов составил пересказ найденных им текстов в том же году, а затем перебелил этот текст в 1887 году, последняя копия и сохранилась до наших дней.

«Если верить словам Артынова,— замечает известный ростовский историк-краевед А. А. Титов,— то рассказы эти написаны княгиней Ириной Михайловной (Мусин-Пушкиной вместе со своим супругом, стольником царя Алексея Михайловича, Алексеем Богдановичем во второй половине XVII в.— *Ю. Б.*), но, может быть, это были и просто записи сказочников, которые собирались и излагались досужими дворовыми для развлечения своих господ, скучавших в деревенской глуши. Даже и в этом случае подобного рода рассказы весьма любопытны, так как они чисто местного характера — Ростовской области — и носят на себе следы великокняжеских преданий удельной Руси»[3].

Подлинная рукопись Мусин-Пушкинского сборника относилась к второй половине XVII века — началу XVIII (1710 год), по словам А. Я. Артынова, «была более 500 страниц, в дестевую меру, на грубой желтоватой бумаге, и писана кудреватым почерком не одной руки, с картинками и заставками весьма искусной руки»[4]. Рукопись, которую И. П. Сахаров называл «Илиадой русского народа», к сожалению, не сохранилась. Историю ее пропажи А. Я. Артынов рассказывает так: осенью 1856 года в село Угодичи приезжал с ревизией чиновник Ярославской Палаты государственных имуществ Я. А. Надежин, он и увез рукопись вместе со всем сельским архивом на многих возах из Угодичского волостного правления[5]. Коллежский асессор Яков Андреевич Надежин действительно служил в контрольном отделении упомянутой Палаты в 1855—1856 годах[6]. Подпись Надежина имеется на множестве актов Палаты за 1856 год, кроме периода с 7 сентября по конец декабря 1856 года, когда Я. А. Надежин находился в служебной командировке в Угодичах и близлежащих селах[7]. В дальнейшем, когда через несколько лет Ярославская Палата государственных имуществ была ликвидирована, ее имущество, в том числе книги и бумаги, отобранные в селах и сваленные на дворе, были проданы ярославской бумажной фабрике с аукциона на переработку. Так погиб Мусин-Пушкинский сборник второй половины XVII — начала XVIII века.

Какому времени принадлежит интересующий нас текст: XVII, XVIII или XIX векам? Или, может быть, он восходил к какой-то древней традиции Ростовской земли, нам неизвестной? На эти вопросы трудно ответить из-за состояния нашего источника. Если допустить, что в руках ростовского крестьянина был подлинный древнерусский текст второй половины XVII — начала XVIII века, то он его не сохранил. А. Я. Артынов пересказал и литературно обработал текст, не пощадив языка подлинника, но он, может быть, сохранил ядро повествования и канву сюжета, не очень много добавив в него по существу. К тому же ростовский крестьянин-самоучка не располагал ни древнерусским, ни древнеболгарским источниками, чтобы его дополнить. И мы можем определенно сказать, что составитель Ростовской сказочной повести, точнее его основного ядра, хорошо знал текст «Повести временных лет», в том числе известия о торговом пути «Из варяг в греки», о Херсонесе в Крыму как крупном торговом перевалочном пункте — до Судака и Кафы, то есть до XIII века — торгующем с Византией, что было можно только до татаро-монгольского нашествия на Русь, прекратившего эту торговлю; автор хорошо знал и о дани, которую собирал Хазарский каганат со славян Ростовской области (по белке и веверице «с дыма»), что было до Олега (882), а может быть, и до Аскольда (850-е годы). Знал автор и Паннонское житие Константина-Кирилла (в дальнейшем сокращении — ЖК, то есть Житие Кирилла), которое датируется болгарской наукой концом IX века и приписывается Клименту Схридскому; сопоставление текстов обнаруживает сходство Ростовской сказочной повести с главами VIII, IX, X и XI ЖК.

Рассмотрим подробнее. Прение Константина с иудейскими и мусульманскими мудрецами изложено в Ростовской сказочной повести в значительном сокращении, по сравнению с ЖК, без подробностей, почти без цитат из Священного Писания, обязательных для болгарского текста. Например, из всего первого состязания болгарского ученого с самарянами выбран только один вопрос: о поклонении иконам, но он изложен в повести гораздо живее, интереснее и полнее; болгарский же текст до предела насыщен цитатами из Священного Писания. Иначе, также гораздо живее, пересказан в Ростовской повести и спор Константина с мусульманскими мудрецами, превозносившими свою веру. В ЖК отсутствует спор о «начальнике иудеев», о пришествии Мессии. В повести он есть. Спор этот начинается речью хазарских мудрецов: «Много было писано различными пророки о пришествии в мир Мессии...» и завершается пространным ответом Константина, начинающимся словами «Не Моисей ли сказал...» Кстати, первая фраза ответа принадлежит не Моисею, а Иакову и заимствована из Книги Бытия (49; 10): *Не оскудеет князь от Иуды...* Эта фраза имеется в ЖК, зато весь остальной текст о прении Константина в четвертый день в ЖК отсутствует, а в Ростовской повести он есть. Нет в ЖК и еще одного спора со славянским первоучителем, начинающегося словами «Посуди ты сам, учителю, возможно ли без мужа зачатие?..» Значит, источник автора Ростовской сказочной повести (им, очевидно, не был Артынов)

был полнее ЖК в передаче споров Константина с хазарами. Этим источником, возможно, были не дошедшие до нас «Беседы» Константина-Кирилла Философа с хазарами, которые знал и Мефодий. О том, что такой источник когда-то существовал, свидетельствуют следующие слова ЖК: «А иже хощет съвръшенныих сих бесед искати и святых, в книгах его обрещет, елико предложи учитель наш архиепископ Мефодие, разделе е на осмь словес. И ту зрит словесную силу Божие благодати, яко и пламень гореший на противные».

Если и существовал такой источник на Руси и распространялся в рукописях, то это было в раннюю эпоху, во времена Киевской Руси. Таким образом, у нас возникает предположение об относительной древности Ростовского предания.

В Ростовской сказочной повести, называющейся «Михей-Русин, ростовец», так излагается история ростовского купца: Русин был настолько увлечен словопрением Кирилла (очевидно, он понимал греческий и еврейский языки, на которых велся спор), что однажды решился прийти в дом, где остановились солунские братья, для того, чтобы получить толкование одного из непонятных ему пророчеств. В конце-концов Русин сделался христианином, приняв крещение от солунских братьев с именем Михей, и поехал в свою Ростовскую землю. Этот эпизод примыкает к теме об источниках христианства в Ростовской земле, теме, центральной для всего Мусин-Пушкинского сборника, составители которого стремились подчеркнуть древность местного христианства и искали его источники у святых Апостола Андрея, Кирилла и Мефодия, у равноапостольного князя Владимира.

Из Киева рассматриваемый нами источник (письменный?) дошел когда-то и до города Белоозеро, откуда был родом сам Нестор Летописец, и в конце-концов был использован в русском фольклоре (преданиях?).

Ростово-Белозерский край, старинная земля веси, мери и руси, издавна славился своими сказаниями, преданиями, сказками и песнями. Ростов Великий и Белоозеро известны в письменных источниках с середины IX века, а основаны еще раньше ильменскими словенами на перекрестье путей. Древние речные пути связывали этот край с другими волостями Руси. Молого-Шекснинский путь вел к Новгороду Великому, а Ростовский — из Ростовского озера в реки Которость и Волгу, соединяя край с верхним Поволжьем, с Низом, то есть с Суздальской землей, а потом с Владимирской и Московской. Политическим, торговым и культурным центром края был белокаменный Ростов, что стоит на берегу озера Каево, или Неро. Отсюда далеко до Южной Руси, до славянского Юга, до Болгарии. Но молва о пращурах, пришедших некогда сюда с юга, да письменное слово не знают границ, ни расстояний, и время над ними не властно. В Ростовской земле возник местный фольклор, сложилась оригинальная литература. В XIII веке ростовский князь Константин Всеволодович был обладателем знаменитой библиотеки из тысячи книг, а княгиня Марья сама писала летопись. Гусляры пели старины и песни о богатырях и удальцах, заступниках народа, о князьях и княгинях, о витязях.

Сказители поведали преданья, в том числе и о первоучителях святых Кирилле и Мефодии, чьи имена были издавна любимы на Руси.

Текст интересующей нас Ростовской сказочной повести о солунских братьях помещен в третьей части Мусин-Пушкинского сборника и имеет, как было указано выше, заголовок «Михей-Русин, ростовец». Это четвертый текст по порядку. Перед ним читаются повести «Князь Катулус Мудрой» и «Князь Небослав», а после него — повести «Князь Ладон», «Князь Рюрик», «Мудрец Вещевник». Во всех повестях рассказываются истории о князьях языческой Руси VIII—IX веков, и преимущественно о жизни Ростовской земли, кстати, весьма любопытные подробности о культе Велеса и жрецах и о борьбе с варягами. Все они не сочинены А. Я. Артыновым. Это произведения XVII или более поздних веков. Их предполагаемый автор, вероятно, происходил из книжников знаменитого ростовского князя Константина, владельца замечательной библиотеки. Сборник письменных преданий переходил на протяжении четырех веков у ростовских князей из рода в род, пока в середине XVII века не привлек внимание ростовских писателей Ирины Михайловны и Алексея Богдановича Мусин-Пушкиных. Они-то и были создателями пространной редакции интересующего нас текста в составе Мусин-Пушкинского сборника.

Приведем, наконец, интересующий нас текст Ростовской сказочной повести полностью по Артыновской копии-пересказу с минимальными исправлениями и допустимыми упрощениями орфографии, то есть с заменой «ъ» на «е», «і» на «и» и опущением «ъ» и «ь» в конце слов*.

«Князь Катулус Мудрой окончание; в нем речь идет об одном из героев повествования Михее Русине

...Долго скитался князь Олег по иным странам. Наконец, направил путь свой в знаменитую страну Тавриду, в преславный город Корсунь. А оттоле кораблем пошел в Греческую землю. Там на пути своем, вышедши из корабля, в дремучем лесу наехал он на разбойников, грабивших тут проходящаго купца караван.

---

* Расшифровка текста Ю. К. Бегунова.— *Ред.*

Князь Олег, видя такой грабеж, встал на сторону купца и вступил в единоборство с атаманом разбойников, которого он убил и разогнал всю шайку. Таким образом, избавил он купца и его служителей от разбойников, развязавши всех связанных.

Спасенный от гибели своей и всего достояния своего купец предложил князю Олегу щедрую награду за спасение своего богатства, но князь от награды отказался, и пожелал только узнать, кто он, отколе и куды едет. Купец сказал, что он родом из Великаго Ростова по имени Русин, иду ис Царяграда к Хозарам с торгом, где он живет подолгу в городе Корсуне, куда он приносит дань хозарам с Ростовско-Мерянския земли, и о пребывании своем в Корсуни рассказал следующее...»

Далее на с. 302—303 рукописи А. Я. Артынова содержится текст повести «Князь Небослав».

«...Михей-Русин, ростовец.

Лета от сот/ворения/ мира 6366, от рож/дества/Хри/стова/ 858 лет.

Он был житель города Ростова, званием купец, вел меновую торговлю в Корсуне и в Греции туземными своими произведениями — мехами, кожами и медом. И там выменивал их произведения. Теперь он идет чрез них на Русь, «и везу с собой богатырския различныя доспехи и оружия, как-то различныя колонтаря, мечи, шеломы, латы, кольчуги, и другие военныя принадлежности. Здесь у меня есть и дорогие различныя товары, как-то камения самоцветныя, жемчуга и бисеры дорогие, поставы и ... шелковые. При торговых своих делах исправляю еще и мирские дела. Со мной посылают дань, платимую Ростовскою областию хозарам по белке и веверице с дыма.

В настоящую путину мою случилось со мною дивное событие в моей жизни. В это самое время по просьбе хозарского кагана пришли из Царяграда присланныя императором Михаилом Третьим этого имени учителя христианства, два родных брата Кирилл и Мефоди, для прения в христианской вере с самарянами иудейскими*. Они высадились на Крымском берегу и прибыли в город Херсон**, остановились тут на некое время, отътоле пошли они в столицу кагана*. Там как послы могущественнаго византийскаго императора они были приняты каганом с почетом и, сидя за столом, уставленным яствами и питьями, они были окружены мусульманскими и еврейскими мудрецами, в том числе от славянороссов; и Русин вел с ним беседу. Тут каган, поднимая чашу по обычаю того времени, провозгласил: «Во имя Бога единаго и творца всей твари!» Кирилл поднял свою чашу и сказал: «Во имя Бога единаго, и его Слова, и Духа Животворящего!» Назначены были дни и очередь, кому с кем вести предание. Первое состязание учителям христианства назначено было вести прение с самарянами. На этом состязании поразило меня следующее: один из иудеев уличал Килилла в поклонении икон, говорил: «Моисей по слову Господню, написанному на скрижалях Завета, не велел творить всякаго подобия, а вы вторите и покланяетесь рукотворным изображениям». Кирилл на это отвечал ему: «Вот, если бы было написано, а Моисей не велел бы вторить никакого подобия, тогда ты был бы прав, а мы виноваты; всякое от никакого имеет великую розницу. Он не велел вторить всякаго, какого бы вы не вздумали вторить подобия и покланятися ему, как вы покланялись Златому тельцу. Это-то и не должно быть. А достойное творить и покланятися он никогда не запрещал и показал и сам еще тому пример: сотворил херувимов, осеняющих кивот Завета. Ему последовал и царь Соломон, когда в своем храме поставил двух ангелов. Следовательно, одно к другому не относится, так и есть,— заключил он.— Где ваши жертвы кровавыя, где скиния и храм? Где царство и отечество ваше? Все это прошло, когда настал Новый завет христианский, данный по предсказанию многих пророков, уже не для одних евреев, но для всего мира».

Тут на это последнее выражение мусульманские стали превозносить свою веру. Кирилл на это отвечал им: «Наш закон христианский широк и глубок как море, поэтому не каждый одинаково успевает его изъследовать и переплыть; человек сильный и трудящийся успевает более, слабый и ленивый менее. А ваш закон похож на уской и мелкой проток, который перескочит всякий. Что высокаго и мудраго в нем? Он даже поблажняет грубым и скотским страстям, так что унижает человека, тогда как закон Христов ведет нас горе, возвышает к небу. Правда, он тяжел, но только для того, кто ниско пал. Но если человек пал чрез гордость и

---

* «Самаряне — народ иудейского происхождения; по разорении Иерусалимского царства они нашли себе убежище на отдаленном Севере. Они были хорошими советниками хозарскому кагану в мире и войне, и в управлении иными народами, почему и были у него они в почете. Они известны ныне под именем караимов. Они хотели привести христианского кагана в свою веру» (А. Я. Артынов). И привели в конце-концов (*Ю. Б.*).

** «Город Корсунь, или Херсон, где крестился великий князь Владимир Святый, находится ныне в пределах России, близ города Севастополя» (А. Я. Артынов).

* «Столица кагана находилась недалеко от Каспийского моря и Кавказских гор, недалеко от города Астрахани. Ис Херсона учители христианства Кирилл и Мефодий продолжали путь по стране пустынной и дикой, терпели в пути различныя лишения. Наконец, достигли берегов Азовского моря, снова сели на корабль и прибыли в столицу хозарскаго кагана» (А. Я. Артынов).

сладострастие, то на прежнюю высоту он может и взойти только путем смирения и воздержания. Горек этот путь, но бесконечно сладка и блаженна вечная жизнь, к которой он ведет всех верующих в него».

В другое время начальники иудеев сказали Кириллу: «Много было писано различными пророки о пришествии в мир Мессии, и мы ждем его и верим, что он должен прийти и спасти Израиля». Кирилл отвечал: «Не Моисей ли сказал: Не оскудеет князь от Иуды, и прочая или «Возсияет звезда от Иакова и востанет человек от Израиля», и прочая, или «Пророка от братии твоея поставит, якоже мене». Исаия пророк про кого сказал: «Се дева во чрево приимет и родит сына», и прочая, или «Яко отроча родися вам, сын, и дадеся вам», и прочая, или «Изыдет жезл ис корене Иосеова», и прочая, или «Кто сей пришедый от Едема», и прочая, или «Приступити к пророчице, и во чреве зачат и роди сына и нарцы имя ему», и прочая? Давид, царь и пророк, не ясно ли вам говорил о пришествии Мессии и страдании его в своих псалмах? А Соломон о ком сказал: «Уловим же лестию праведнаго, яко непотребен нам есть, славится отца имети Бога», и прочая? Подобное Исаиа о ком сказал: «Несть вида ему ниже славы, но вид его бесчестен», и прочая? Иеремиа о ком сказал это: «Убил и не пощадел еси, покрылся еси облаком, да дойдет к тебе молитва»? Не об этом ли облаке пророк Амос сказал: «И будет в той день заидет солнце с полудня, и померкнет на земли свет»? Об этом и пророк Закария говорил: «И будет день един, и не день и не ночь, и при вечере будет свет». Не Захария ли пророк назначил вам цену Мессии, говоря: «Поставиша мзду мою тридесят сребренник»? Не Аввакум ли пророк сказал: «Посреде двою животну познан будеше», то есть посреде двою разбойников»? О ком говорил Исаиа: «Аз же не противлюся, ни противо глаголю, плещи мои вдах не раны, и ланиты мои заушения, лица же моего не отвратих от студа заплевания»? Об этом и Иеремия сказал: «Вси, иже к вам приходящим путем, обратица, и видите, еще есть болезнь, яко болезнь моя. Все это говорили пророки ваши о Мессии, и все это вы сотворили с ним, и еще ждете прихода его».

В иное прение начальный иудей сказал: «Посуди ты сам, учителю, возможно ли без мужа зачатие? и не повреда девства рожден? На это Кирилл отвечал ему: «Когда ты сомневашеся в пророчестве Исаином, вероятно, ты слыхал, что Симеон, переводя это место писания, увидел его исполнение. А поприще этого посмотри, что перед глазами твоими делается. Обычно всякому древу для воспроизведения плода тщатся воспроизвести прежде цвет, а потом иже и плод. Смоковница воспроизводит ли что для своего плода? Это образ Божественнаго зачатия. Луч солнечный сквозь стекло проходит в твою храмину окном, освещает тебя, вредит ли стекло? Это образ Божественнаго рождения».

Такая и подобныя сему словопрения продолжалися много дней, все более и более умножали любознательность мою, которая побудила меня иметь лично в дом их, где они витали. Там просил я уяснить мне слова пророков, которых он упоминал и о ком это они так говорили. Объяснения этих пророчеств привели меня к тому, что и я сделался христианином с именем Михей. За это я научил их славянскому языку, котораго они не знали. На этом наречии составили писмена словенские азбуки, по которой первaго меня выучили читать и писать».

По окончании Михеем своей повести он вынимает из заветнаго своего хранилища драгоценное жемчужное ожерелье, украшенное многими драгоценными разноцветными камениями и, подавая оное князю Олегу, говорил: «Это ожерелье ты должен принять от меня на память обо мне. За это ожерелье заплатил великую цену, и то малую часть его цены, и не продам его ни за какую цену. Купил я его в Цареграде у одного еврея, а тот купил его в Риме у любимца пары римскаго, Любимцу этому досталось после какой-то княгини славяно-руской, которую там сожгли на костре. Об этом одни говорят, что она за то сожжена, что не захотела быть наложницей папы, а другие говорят, что она упорно хранила языческую веру отцов своих, не хотела быть христианкою. На память о такой княгине я и купил это ожерелье, которое носила молодая и красивая неустрашимая героиня, как мне рассказывал один заморский гость слышанное от духовника короля франков Карла Великого. Мне учители христианства о ней говорили, что «и во языцех делаяй правду приятен есть Богу». Вот почему я дорожил этим ожерельем, которое носила такая мученица. Может быть, она пострадала по красоте и молодости своей за целомудрие. Тебе одному как достойному наследнику моего имения дарю это ожерелье».

Князь Олег, принимая это ожерелье от Михея, в кое пришел изумление и жалость, когда признал его за ожерелье супруги брата своего Каталуса. Смотря на него, он горько плакал о ея смерти и о судьбе брата своего. И многое рассказал Михею о владетельнице этого ожерелья, подарка супруга ея.

Такое открытие заставило скоро возвратиться князя Олега к брату своему Катулусу с такой печальной для него вестию и его подарком.

На пути своем князь Олег в Моравии случайно встретился с учителем христианства Кириллом. Он имел с ним продолжительную беседу, в которой между прочим сказал, что он будет князь земли Руской и посетит отечество Михея-Русина»*.

---

* Ркп. ГПБ, собр. А. А. Титова, № 4131. С. 302, 303—310.

Итак, нет сомнения, что новонайденная Ростовская сказочная повесть имеет большое значение для отечественной науки и культуры.

Это первый в кириллово-мефодиевской литературе текст, восходящий предположительно к XVII веку, который свидетельствует о народном уважительном отношении к святым первоучителям Кириллу и Мефодию.

Ростовское предание документально поддерживает гипотезу академика В. И. Ламанского о русском характере хазарской миссии святых первоучителей наших.

Ростовская повесть значительно расширяет возможности исследователей Паннонского Жития святого Кирилла в комментировании некоторых известий этого текста и содержит дополнительные сведения о полемике святого Кирилла Философа с хазарскими учеными.

Новонайденный текст позволяет начать гипотетическое восстановление не дошедшего до нас произведения святого Кирилла «Прения с иудеями», весьма важного в утверждении истинной веры православной.

В догматическом отношении текст Ростовского сказания утверждает православное учение о Боговоплощении, о Святой Троице.

В церковно-полемическом отношении новонайденный памятник весьма важен как первый гомилетический текст, обличающий инакомыслящих и увещевающий колеблющихся во имя веры во Христа; при этом любопытны совершенные приемы полемики святого Кирилла; высокое мастерство его как блестящего проповедника слова Божия недаром прославлено было в Византии, на Ближнем Востоке, в Моравии, Болгарии и даже в Италии.

В миссионерском отношении Ростовское сказание интересно своим легендарным известием о научении и обращении в христианскую веру Михея Русина, ростовского купца; если это верно, то в лице Михея мы имеем одного из первых русских христиан. Правда одновременно, по преданию, в том же 860 году в Константинополе патриархом Фотием были крещены киевские князья Аскольд и Дир, потомки старого Кия (хроника Бандури).

Есть надежда, что публикация данной статьи откроет возможности для дальнейшего изучения Ростовской сказочной повести и вопроса в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ркп. ГПБ. Собр. А. А. Титова, № 4131, 1887. С. 11.

[2] Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова. Изд. А. А. Титовым // Чтения в Обществе истории древностей Российских при Московском университете. М., 1882. Кн. 3, с. 118—119.

[3] Титов А. А. Предания о ростовских князьях. М., 1885, с. 2.

[4] Ркп. ГПБ. Собр. А. А. Титова, № 4131. С. IV.

[5] См.: Ркп. ГПБ. Собр. А. А. Титова, № 3493, л. 209 об.; ГИМ ОПИ, ф. 150, № 838. «Воспоминания крестьянина села Угодичи Александра Артынова». Ч. 2. С. 59—60.

[6] См.: Адрес-календарь. Общая именная роспись начальствующих и прочих служебных лиц по Гражданскому, Военному и Духовному ведомствам в Ярославской губернии на 1855 год. Ярославль. 1855, с. 20.

[7] См.: Государственный архив Ярославской области. Ф. 452, оп. 1, № 388, 386.

Ю. К. БЕГУНОВ,
доктор исторических наук

Возрождается храм

Решением Осташевского поселкового совета зарегистрирована община храма в честь Владимирской иконы Божией Матери. Церковь в поселке была построена в 1760 году, памятная страница ее истории — пожар, случившийся летом 1910 года. Больше ста пятидесяти дворов сгорело тогда в Осташеве, а вот храм, стоявший посреди деревни, остался невредим. Все жители, от мала до велика, бросились тотчас спасать церковь, а через год село заново отстроилось: местные лесопромышленники по невысоким, часто символическим, ценам дали возможность осташевцам восстановить утраченное.

Прошли годы, наступила «безбожная пятилетка», в 1932 году храм закрыли, в нем помещался склад лесхоза, а последние двадцать пять лет церковь стояла пустая. И вот возрождается древний храм — место молитвы *о всех и за вся.*

Всякое даяние благо, и мы обращаемся с просьбой о помощи ко всем, кому небезразлична судьба рядового сельского прихода, одного из тысяч в России. Наши реквизиты: р/с 701008 в МАКБ «Возрождение» г. Воскресенска Московской области, МФО № 21071. Контактный телефон — 903-18-40.

Настоятель храма священник Сергий ПШЕНКО

Флоровский Г. В. **Восточные отцы IV века. Москва, «Паломник», 1992 год.**
Флоровский Г. В. **Византийские Отцы *V—VIII* веков. Москва, «Паломник», 1992 год.**

Вслед за книгой «Пути русского богословия», принадлежащей перу протоиерея Флоровского Г. В. и изданной в России два года назад, нам, православным русским читателям, стали наконец доступны две другие фундаментальные работы нашего знаменитого соотечественника, крупного патролога и историка богословской мысли. Книги эти являются частью широко задуманного труда «Богословие Отцов Церкви», в полном своем объеме оставшегося неосуществленным. Написанные человеком, который «смолисто-ароматные цветы любезной пустыни не променяет на пленительные благовония царства грез» (отец Павел Флоренский), а царского святоотеческого пути — на путь отвлеченного философского умозрения, книги эти, счастливо соединившие в себе достоинства богословской глубины, православной трезвости и выдающегося литературного дара их автора, стали превосходным введением в патристику и в качестве такового полностью сохраняют свое значение и сейчас, спустя 60 лет, после их появления на свет. Перепечатанные вполне достойным по нынешним трудным временам тиражом (30 тыс. экз.), они, будем надеяться, окажутся полезными и послужат как нашим Духовным школам, так и делу личного самообразования православных христиан, пробудят любовь и дадут импульс к самостоятельному изучению святых отцов.

Конечно, репринтное воспроизведение трех сочинений отца Георгия — лишь первый этап в освоении его богатейшего наследия; в действительности, книги эти (а также многочисленные статьи, разбросанные в различных труднодоступных журналах и сборниках) заслуживают академического научно-критического издания с историческим и богословским комментарием, отражающим современный уровень патристических знаний. В ожидании лучших времен, когда такое издание станет возможным, сделаем одно маленькое замечание. На титульных листах книг стоит помета: «второе издание». Однако на самом деле данное издание является не вторым, а третьим: второе издание на русском языке было осуществлено в 1972 году за рубежом издательством Gregg International Publishers Limited. Оно предварялось предисловием на английском языке, в котором отец Георгий вспоминает историю первоначальной публикации этих книг, а также излагает свои взгляды на предмет и задачи патрологии. Это предисловие (в нашем переводе) приводится ниже.

Из других недавних публикаций Г. В. Флоровского укажем прежде всего две статьи в журнале «Новый мир» — «Евразийский соблазн» (1, 1991) и «Памяти Новгородцева» (12, 1991), статью «О патриотизме праведном и греховном» (альманах «Параллели», вып. 2, 1991), а также перевод отдельных глав из книги отца Георгия «Христианство и культура» в сборнике «Будущее религии. Проблемы и перспективы», ч. 2. М., 1992 (публикатором всех четырех перечисленных статей является А. В. Соболев). Отметим также статьи «Метафизические предпосылки утопизма» («Вопросы философии», 1990, 10) и «Вечное и преходящее в учении русских славянофилов» («Начала», 1991, 3); в качестве предисловия к последней из них помещена содержательная статья С. С. Хоружего «Россия, Евразия и отец Георгий».

Е. С. ПОЛИЩУК

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1972 г.

Эти два тома — «Византийские Отцы V—VIII вв.» и «Восточные Отцы IV века» содержат мои лекции в Православном Богословском институте в Париже, которые читались в период с 1928 по 1931 год, более или менее в той форме, в которой они были первоначально произнесены. По этой причине в них нет точных ссылок и соответствующих подстрочных примечаний. Другая причина, по которой справочный материал отсутствует, заключается в том, что эти книги первоначально были изданы на мои собственные средства, что делало необходимым строгую экономию. В действительности предприятие это стало возможным только благодаря бескорыстному содействию и помощи моих друзей и потому настоящее переиздание этих книг должно быть посвящено их памяти. Инициатива первоначальной публикации принадлежала Елизавете Скобцовой, ставшей впоследствии православной монахиней и известной под ее монашеским именем матери Марии[1]. Она перепечатала рукопись и сумела убедить Илью Фондаминского[2], в то время одного из редакторов известного русского журнала «Современные Записки»[3], принять на себя финансовую ответственность. Оба эти друга трагически погибли в немецких концентрационных

лагерях в конце последней войны. Их воодушевляло убеждение, что книги по Отцам Церкви на русском языке крайне необходимы не только студентам-богословам, но гораздо более широкому кругу людей, озабоченных доктринальными и духовными перспективами и судьбами восточной православной традиции. Их ожидания полностью оправдались: эти два тома были тепло встречены светской печатью и быстро распроданы. Однако, главным образом по экономическим причинам, в то время оказалось невозможным опубликовать первый том серии, посвященный раннехристианским Отцам Церкви: пришлось предпочесть тома, в которых рассматривались века формирования христианской традиции и эпоха Вселенских Соборов.

Когда я начал преподавать в Парижском Богословском Институте в качестве профессора патрологии[4], я должен был столкнуться с предварительными методологическими проблемами. Вопрос о границах и характере патристических штудий долго и горячо обсуждался специалистами (глубокий обзор этих споров дан в блестящей книге Fr. J. de Ghellinck, S. I. Patristigue et Moyen Age, Volume 11, 1947, p. 1—180). Преобладала тенденция рассматривать патрологию как историю древней христианской литературы, и лучшие тогдашние руководства по патрологии на Западе были написаны именно в этой манере. Bardenhewer, Cayre, Tixeront, Quasten[5], принадлежавшие к этой школе мысли, лишь изредка ссылались на некоторые моменты доктрины, но их подход, без сомнения, был законным и полезным. Однако за последнее столетие возникла другая родственная дисциплина — Dogmengeschichte, или история богословской школы. В этой школе предметом изучения были не столько отдельные писатели или мыслители, сколько то, что может быть определено как «внутренняя диалектика» христианского мышления, типы и направления христианской мысли.

По моему мнению, эти два подхода к одному и тому же материалу следует объединить и сопоставить. Патрология должна быть чем-то бóльшим, чем разновидность истории литературы. Ее следует рассматривать скорее как историю христианской доктрины, хотя Отцы Церкви были в первую очередь testes veritatis[6], свидетели веры. «Теология» шире и более всеобъемлюща по сравнению с «доктриной». Она представляет собой род христианской философии. Действительно, существует очевидная аналогия между изучением патристики и изучением истории философии. Историки философии в первую очередь занимаются отдельными мыслителями, поскольку они в конечном счете интересуются диалектикой идей. «Сущность» философии проявляется в конкретных системах. Единство исторического процесса обеспечивается одинаковостью тем и проблем, к которым обращаются и философы, и богословы. Я не считаю мой метод новым, поскольку он использовался иногда и другими авторами. Но я подчеркиваю богословский характер патрологии.

Эти репринтно переиздающиеся книги были написаны много лет назад; в отношении некоторых аспектов они, возможно, нуждаются в пересмотре и расширении. Последние десятилетия были свидетелями быстрого прогресса во многих направлениях патристических исследований. Мы обладаем теперь значительно лучшими изданиями основных источников, чем сорок или даже тридцать лет назад. Мы располагаем сейчас некоторыми новыми текстами первостепенного значения: например, Главами Евагрия или новыми проповедями святителя Иоанна Златоуста. В последние годы вышло много замечательных монографических исследований. Но, несмотря на этот прогресс, я не думаю, что эти две работы устарели. Основанные на независимом изучении первоисточников, они могут еще быть полезными как для студентов, так и для исследователей.

Георгий ФЛОРОВСКИЙ

Май 1972 года

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мать Мария (Скобцева Е. Ю.; 1891—1945) — писательница и поэтесса, член партии эсеров, первая женщина, окончившая Петербургскую Духовную Академию (заочно); покинула Россию в 1921 году; в эмиграции — секретарь РСХД. С 1932 года — монахиня, организовала общество «Православное дело». Арестована в 1943 году за укрывательство евреев и погибла в концлагере.

[2] Бунаков-Фондаминский Илья Исидорович (1880—1942) — эсер, литератор, в эмиграции — соредактор журналов «Современные Записки» и «Новый Град»; перед смертью в фашистском концлагере принял крещение.

[3] Эмигрантский общественно-политический и литературный журнал, выходивший в Париже в 1920—1940 годах.

[4] Г. В. Флоровский преподавал в Богословском институте в Париже с 1925 по 1937 год.

[5] Имеются в виду следующие книги перечисленных авторов: Bardenhewer Otto, von. Patrologie.— Freiburg im Breisgau, 1894, 3 Aufl, 1910;

Cayre P., Fulbert. Spirituels et mystigues des premiers temps.— Paris, 1956;

Tixeront Joseph. Histoire des dogmes. V. 1—3.— Paris, 1906—1912; также Preois de patrologie, 7 edit., 1923;

Quasten Johannes. Patrology. Vol. 1—3.— Utreht-Brussel, 1950—1953.

[6] Свидетели истины (лат.).

● 11 января в Троице-Сергиевой Лавре были возвращены Русской Православной Церкви реликвии, принадлежавшие Преподобному Сергию, игумену Радонежскому,— иконы, ризы, а также крест — подарок Преподобному Сергию Патриарха Константинопольского. Эти святыни в 1918 году были изъяты у Церкви и находились в историко-художественном музее на территории Лавры.

● 15 января в Патриаршей резиденции в Свято-Даниловом монастыре состоялся прием, посвященный 600-летию блаженной кончины Преподобного Сергия Радонежского, чью память вся Полнота Русской Православной Церкви молитвенно отмечала в течение 1992 года.

● 21 января в московском Свято-Даниловом монастыре состоялась встреча Его Святейшества Верховного Патриарха-Католикоса всех армян Вазгена I с Предстоятелем Русской Православной Церкви Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. После беседы было подписано Совместное заявление о братских связях России и Армении.

Патриарх Московский и всея Руси с пониманием отнесся к желанию армян построить в Москве новый армянский храм и выразил удовлетворение тем, что в Армении началось открытие русских православных храмов.

● 5 февраля Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II встретился в Кремле с Президентом России Б. Н. Ельциным.

В связи с дальнейшим обострением конфликтной ситуации на территории бывшей Югославии Святейший Патриарх Алексий II выразил обеспокоенность продолжающимся братоубийством.

● По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с 5 по 14 февраля в Москве прошел Международный фестиваль православной музыки. Открытие фестиваля состоялось в Колонном зале Дома союзов. Концерты проходили в Большом, Малом и Рахманиновском залах Московской консерватории. В Успенском соборе Московского Кремля состоялось Патриаршее богослужение с участием объединенного хора Троице-Сергиевой Лавры, Московских Духовных Академии и Семинарии под управлением архимандрита Матфея, а также хора Новоспасского ставропигиального монастыря под управлением иеромонаха Митрофана.

● 7 февраля Русская Православная Церковь впервые почтила память первого новомученика Российского Владимира, митрополита Киевского († 1918), а также собора всех новомучеников, пострадавших за веру в период красного террора с февраля 1917 года. В храмах совершались панихиды по всем за веру пострадавшим, в том числе и по тем, имена коих ведает лишь Господь.

● 10 февраля, в день кончины великого русского поэта А. С. Пушкина, в храме Большого Вознесения в Москве была отслужена панихида. Среди присутствовавших были председатель Всероссийского пушкинского общества контр-адмирал А. С. Пушкин и другие потомки поэта, а также все, кому дорога память о нем.

● 22—23 февраля под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялось заседание Священного Синода Русской Православной Церкви.

Определено образовать Курганскую епархию Московского Патриархата в пределах Курганской области, Камчатскую епархию, епархию на Сахалине; возобновить епархию в Республике Саха (Якутия).

Священный Синод благословил возобновление монашеской жизни в Борисоглебском мужском монастыре г. Дмитрова Московской области; открытие Богородицкого Скоропослушнического женского монастыря в г. Печоры Архангельской епархии, Свято-Троицкого женского монастыря в г. Кирове, Троицкого мужского монастыря в г. Чебоксарах, Свято-Ильинского мужского монастыря в с. Никорены Дрокиевского района (Молдавская митрополия), женского Свято-Никольского Черноостровского монастыря в г. Малоярославце Калужской области.

● Восстановить имена священнослужителей, погибших в коммунистических лагерях, намерена комиссия, созданная в Вологодской епархии и приступившая к изучению архивов ГУЛАГа. В годы террора Вологодская область стала местом тюрем и лагерей. Как сообщил наместник Спасо-Прилуцкого монастыря отец Ефрем, при реставрационных работах на территории обители обнаружены останки сотен людей, погибших здесь в пору советских репрессий.

● Главное место на временной звоннице Свято-Введенской Оптиной пустыни занял подарок труппы Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко — чудо русского литейного искусства, хранившееся в запасниках театра. Это колокол весом в 193 пуда, отлитый в 1730 году, оказался «старшим братом» колокола с колокольни Ивана Великого. На обоих стоит клеймо знаменитого мастера Ивана Моторина.

Два колокола подарил также Оптиной пустыни Московский политехнический институт.

● Русская Православная Церковь выступила с призывом к прекращению братоубийственной войны в Сербской Краине. В телеграмме Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на имя Предстоятеля Сербской Православной Церкви Патриарха Павла, в частности, говорится:

«В настоящее время тяжких испытаний для Вашей Церкви и Вашего мученического народа мы, Ваши единоверные братья и сестры, обращаемся к международному и европейскому сообществу с призывом приложить все возможные усилия, дабы мир и спокойствие воцарились на Вашей многострадальной земле».

● В сербском г. Нови-Сад освящен Патриархом Сербским Павлом и открыт принцем Томиславом Карагеоргиевичем памятник Преподобному Сергию Радонежскому работы скульптора В. Клыкова. На торжествах звучали слова: «Русских и сербов — 200 миллионов. Мы — едины».

ПРАВИЛА ПРИЕМА
в Духовные учебные заведения Московской Патриархии на 1993/94 учебный год

1. ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ — учебное заведение Московской Патриархии, готовящее священнослужителей Русской Православной Церкви.

2. Срок обучения — 4 года. В Духовной Семинарии изучаются следующие предметы: 1) Священное Писание Ветхого Завета; 2) Священное Писание Нового Завета; 3) Катихизис; 4) Догматическое богословие; 5) Нравственное богословие; 6) Основное богословие; 7) Сравнительное богословие; 8) Практическое руководство для пастырей; 9) Гомилетика; 10) Общая церковная история; 11) История Русской Церкви; 12) Сектоведение; 13) Русский язык; 14) Церковнославянский язык; 15) Греческий и латинский языки; 16) Один из новых иностранных языков; 17) Церковное пение.

3. В Семинарию принимаются лица мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие среднее или высшее образование, холостые или женатые (первым браком).

4. Поступающие в Семинарию подвергаются приемным испытаниям. От них требуется осмысленное знание следующих молитв:

А. Начальных — «Слава Тебе, Боже наш, славе Тебе», «Царю Небесный», «Святый Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш», «Приидите, поклонимся».

Б. Утренних — «От сна востав», «Боже, очисти мя, грешнаго», Ангелу Хранителю.

В. Вечерних — «Боже Вечный», «Вседержителю, Слово Отчее», «Благаго Царя Благая Мати», Ангелу Хранителю.

Г. Божией Матери — «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Взбранной Воеводе», «Милосердия двери», «Не имамы иныя помощи».

Д. Символ веры. Молитва святого Ефрема Сирина, Молитва перед Святым Причащением, Десять Заповедей, Заповеди блаженства. Тропари двунадесятых праздников, Тропарь своему святому, Псалмы 50-й и 90-й.

Поступающие должны иметь навык чтения богослужебных книг (на церковнославянском языке).

Они сдают письменный экзамен по русскому языку (изложение).

5. Желающие поступить в Духовную Семинарию должны представить в ее канцелярию следующие документы: 1) прошение на имя ректора Семинарии; 2) рекомендацию правящего епископа или приходского священника, утвержденную епархиальным архиереем; 3) заполненную анкету (образец см. ниже) и две фотокарточки (6×8); 4) автобиографию; 5) свидетельство о рождении; 6) документ об образовании; 7) справку о семейном положении; 8) справку от врача о состоянии здоровья; 9) справку о крещении; 10) справку о венчании (для женатых).

6. Документы о поступлении в Семинарию подаются до 1 августа.

Поступающие по прибытии в Семинарию должны предъявить в канцелярию паспорт и военный билет.

Всем учащимся предоставляется бесплатное питание, общежитие с бытовым обслуживанием, а также выдается стипендия. Книги и учебные пособия для поступающих не высылаются. Вызов на вступительные экзамены высылается после 1 августа (при наличии всех документов).

Начало занятий — 1 сентября.

2. ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ — высшее учебное заведение Московской Патриархии, готовящее священнослужителей, преподавателей Духовных школ, работников учреждений Московского Патриархата. Срок обучения — 4 года.

2. В Духовную Академию без вступительных экзаменов принимаются лица в возрасте до 50 лет, успешно окончившие Семинарию (на оценки «4», «5»).

3. Желающие поступить в Духовную Академию из окончивших Семинарию, имеющие балл «3» (не более чем по трем дисциплинам), допускаются к переэкзаменовке.

4. Поступающие в Духовную Академию непосредственно после окончания Семинарии должны представить следующие документы: 1) прошение на имя ректора Академии; 2) рекомендацию Духовной Семинарии; 3) документ об окончании Семинарии.

5. Поступающие в Духовную Академию с места прохождения служения должны представить следующие документы: 1) прошение на имя ректора Академии; 2) рекомендацию правящего епископа или приходского священника, утвержденную епархиальным архиереем; 3) заполненную анкету (образец см. ниже) и две фотокарточки (6×8); 4) автобиографию; 5) документ об окончании Семинарии; 6) справку о семейном положении: холост, женат (первым браком), разведен, количество детей; 7) справку от врача о состоянии здоровья.

6. Лица, не имеющие семинарского образования, при поступлении в Академию сдают экзамены за полный курс Семинарии.

Они должны представить документы, указанные в Правилах приема в Духовные Семинарии.

7. Поступающие по прибытии в Академию должны предъявить в канцелярию паспорт и военный билет.

Всем студентам предоставляется бесплатное общежитие, питание и стипендия.

Документы принимаются до 1 августа. Начало занятий — 1 сентября.

3. ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ — учебное заведение Московской Патриархии, готовящее церковнослужителей Русской Православной Церкви.

2. В училище принимаются лица в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие среднее или высшее образование.

3. Поступающие в училище подвергаются приемным испытаниям (см. в Правилах приема в Духовные Семинарии).

4. Желающие поступить в Духовное училище должны представить в канцелярию следующие документы: 1) прошение на имя ректора училища; 2) рекомендацию приходского священника; 3) заполненную анкету и две фотокарточки (6×8); 4) автобиографию; 5) свидетельство о рождении; 6) документ об образовании; 7) справку о семейном положении; 8) справку от врача о состоянии здоровья; 9) справку о крещении; 10) справку о венчании (для женатых).

Поступающие по прибытии в училище должны предъявить в канцелярию паспорт и военный билет.

Вызов на вступительные экзамены высылается после 1 августа (при наличии всех документов). Начало занятий — 1 сентября.

О приеме в Регентскую школу при Московской Духовной Академии и Семинарии на 1993/94 учебный год

1. РЕГЕНТСКАЯ ШКОЛА при Московской Духовной Академии — специальное духовное учебное заведение Московской Патриархии, готовящее регентов церковных хоров. Срок обучения — 3 года.

2. В Регентскую школу принимаются лица мужского и женского пола в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие среднее или высшее образование, желательно с опытом клиросного послушания.

3. От поступающих в Регентскую школу требуется осмысленное знание молитв, указанных в Правилах приема в Духовные Семинарии. Поступающие должны уметь читать по-церковнославянски.

4. С поступающими проводятся собеседования и прослушивание вокально-слуховых данных.

5. Желающие поступить в Регентскую школу должны предоставить в канцелярию Академии документы, указанные в Правилах приема в Духовные Семинарии.

Всем учащимся предоставляется бесплатное питание и выдается стипендия.

Прием документов до 1 августа.

Вызов на вступительные экзамены высылается после 1 августа (при наличии всех документов). Начало занятий — 1 сентября.

О приеме в Регентский класс при Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии на 1993/94 учебный год

В Регентский класс при Санкт-Петербургских Духовных Академии и Семинарии принимаются лица мужского и женского пола, к ним на экзаменах предъявляются те же требования, что и к поступающим в Духовные Семинарии; они представляют те же документы, какие подают и поступающие в Духовные Семинарии. Срок обучения в Регентском классе — 3 года.

О приеме в Иконописную школу при Московской Духовной Академии на 1993/94 учебный год

1. ИКОНОПИСНАЯ ШКОЛА при Московской Духовной Академии — специальное духовное учебное заведение Московской Патриархии, готовящее иконописцев. Срок обучения — 4 года.

2. В Иконописную школу принимаются лица мужского и женского пола в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие среднее или высшее образование (желательно также художественное образование).

3. От поступающих в Иконописную школу требуется осмысленное знание молитв, указанных в Правилах приема в Духовные Семинарии. Они также должны уметь читать на церковнославянском языке.

4. Поступающие сдают также специальный экзамен, который состоит в следующем: за 6 часов выполнить в цвете на бумаге (30×20 см) акварелью с белилами или гуашью образец или фрагмент иконы. Поступающие необходимыми для экзамена материалами не обеспечиваются.

5. На экзамены поступающие в Иконописную школу предоставляют не менее 10 собственных живописных, графических, а при наличии и иконописных работ.

6. Поступающие в Иконописную школу должны до 1 августа представить в канцелярию Академии документы, указанные в Правилах приема в Духовные Семинарии. Вызов на вступительные экзамены высылается после 1 августа (при наличии всех документов). Начало занятий — 1 сентября.

Адреса Духовных Академий, Семинарий и училищ

1. Московская Духовная Академия и Семинария	— 141330 г. Сергиев Посад Московской области, Лавра, Академия
2. Санкт-Петербургская Духовная Академия и Семинария	— 193167 г. Санкт-Петербург, Обводной канал, 17
3. Киевская Духовная Академия	— 252015 г. Киев, Киево-Печерская Лавра
4. Минская Духовная Семинария 410600 г. Саратов, ул. Волжская, 36 355105 г. Ставрополь, 105, ул. Дзержинского, 155	— 231822 Гродненская обл., Слонимский район, п/о Жировичи, ул. Советская, 57, монастырь
5. Одесская Духовная Семинария	— 270038 г. Одесса, Маячный пер., 4
6. Саратовская Духовная Семинария	— 410600 г. Саратов, ул. Волжская, 36
7. Ставропольская Духовная Семинария	— 355105 г. Ставрополь, 105, ул. Дзержинского, 155
8. Тобольская Духовная Семинария	— 626100 г. Тобольск—2 Тюменской области, ул. Челюскинцев, 20

9. Ново-Нямецкая Духовная Семинария — 278023 Молдова, Слободзейский район, с. Кицканы Ново-Нямецкий монастырь

10. Волынская Духовная Семинария — 263000 Волынская обл., г. Луцк, ул. Плеханова 1

11. Владивостокское Духовное училище — 690035 г. Владивосток, 35, ул. Хабаровская, 4а, кв. 7

12. Алма-Атинское Духовное училище — 480013 г. Алма-Ата, ул. Минина, 10

13. Вологодское Духовное училище — 160009 г. Вологда, ул. Ворошилова, 93

14. Кировское Духовное училище — 610061 Киров, 61, ул. Герцена, 29

15. Костромское Духовное училище — 156013 г. Кострома, ул. Лавровская, 11 а

16. Курское Духовное училище — 305000 г. Курск, ул. М. Горького, 27

17. Минское Духовное училище — 220004 г. Минск, ул. Освобождения, 10

18. Московское Духовное училище — 140400 г. Коломна Московской обл., ул. Лазарева, 11, монастырь

19. Новосибирское Духовное училище — 630021 г. Новосибирск—21, ул. Жуковского, 55—57

20. Омское Духовное училище — 644024 г. Омск—24, ул. Успенского, 26

21. Рязанское Духовное училище — 390046 г. Рязань, ул. Фрунзе, 26

22. Смоленское Духовное училище — 214000 г. Смоленск, Соборный двор, 5

23. Ташкентское Духовное училище — 700047 г. Ташкент, Третий тупик, ул. Жуковского, 22

24. Черниговское Духовное училище — 250014 г. Чернигов, ул. Л. Толстого, 92

Правила приема на Сектор заочного обучения на 1993/94 учебный год

1. На заочное обучение в Духовные Семинарии и Академии принимаются священнослужители Русской Православной Церкви, состоящие на приходском служении, в возрасте до 50 лет.

2. В Семинарию принимаются священнослужители, имеющие среднее образование и сдавшие, согласно правилам приема, вступительные экзамены, программа которых высылается поступающим Сектором заочного обучения.

3. В Академию принимаются священнослужители, окончившие полный курс Семинарии по первому разряду.

Примечание: Пересдавать экзамены для получения первого разряда разрешается не более чем по трем предметам.

4. Для зачисления в состав учащихся необходимо подать прошение на имя ректора Духовной Академии и Семинарии, заполнить соответствующие бланки, высылаемые Сектором заочного обучения, иметь письменное согласие и благословение епархиального архиерея на заочное обучение священнослужителя, автобиографию, две фотокарточки (9×12) в одеянии священнослужителя.

5. Поступающие в Академию должны представить в подлиннике диплом об окончании Семинарии.

Прием прошений о зачислении на Сектор заочного обучения производится до 1 августа.

Адреса Духовных Академий и Семинарий Сектора заочного обучения

141300 г. Сергиев Посад Московской области, Троице-Сергиева Лавра
Духовная Академия.
Сектор заочного обучения

193167 г. Санкт-Петербург,
Обводной канал, 17
Духовная Академия.
Сектор заочного обучения.

270038 г. Одесса, Маячный пер., 4
Духовная Семинария.
Сектор заочного обучения

252015 г. Киев—15, ул. Январского восстания, 25
Духовная Семинария.
Сектор заочного обучения

231822 Гродненская обл., Слонимский район, п/о Жировичи, ул. Советская, 57
Духовная Семинария.
Сектор заочного обучения

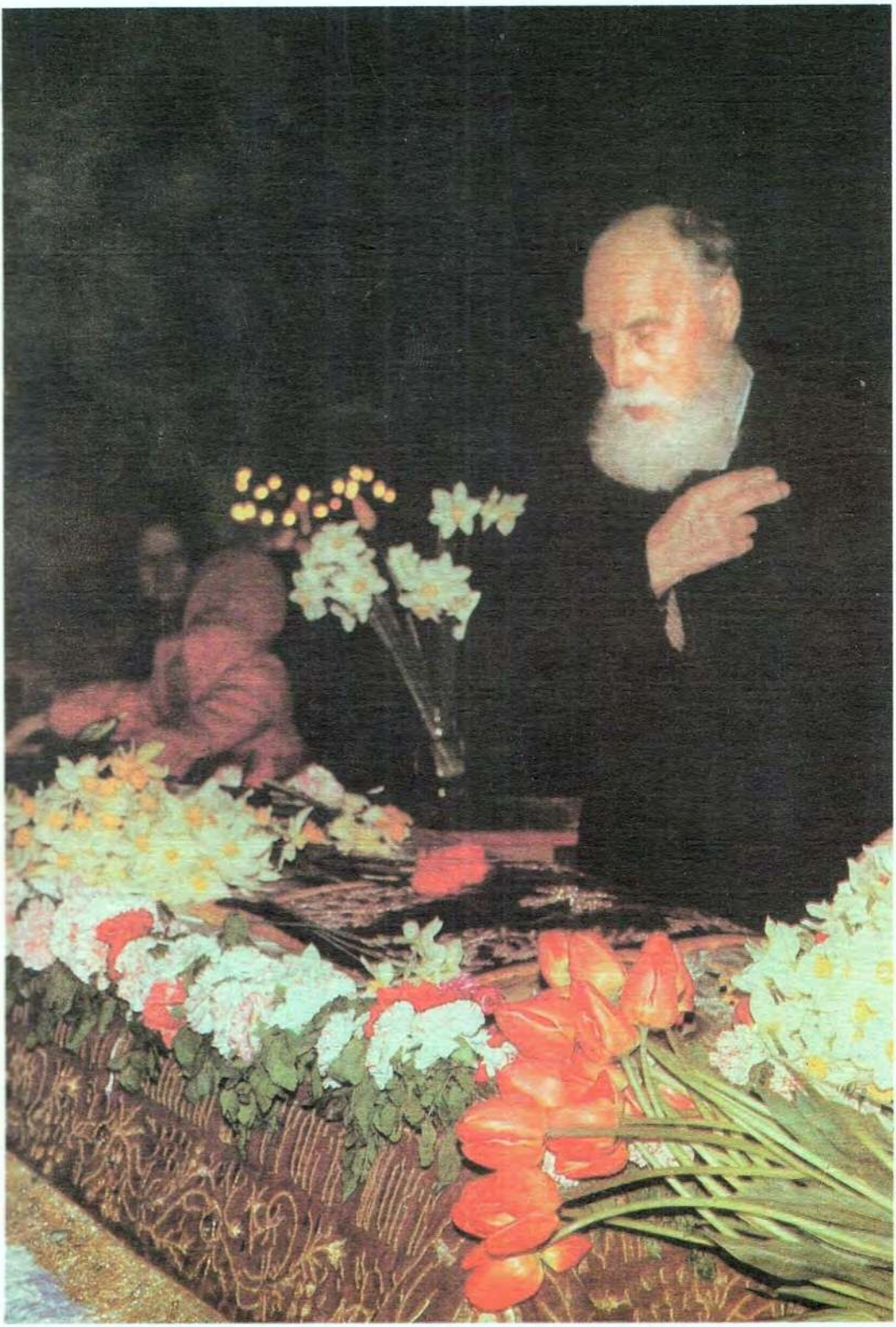
ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ ДЛЯ ПОСТУПАЮЩИХ В ДУХОВНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

1. Фамилия, имя, отчество
2. Национальность
3. Год рождения и место рождения
4. Социальное положение и происхождение
5. Образование
6. Отношение к военной службе (если освобожден, то по какой статье)
7. Семейное положение (холост, женат — первым или вторым браком, не был ли разведен)
8. Есть ли дети, их возраст
9. Был ли судим
10. Место работы
11. Должность
12. Епархия, из которой абитуриент поступает учиться
13. Домашний адрес
14. Дата заполнения анкеты и подпись

Учебный комитет при Священном Синоде

Сдано в набор 04.01.93. Подписано в печать 05.03.93. Заказ 1. Индекс 71157.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

ПЕРЕД СВЯТОЙ ПЛАЩАНИЦЕЙ В ВЕЛИКУЮ ПЯТНИЦУ

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ